

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](http://TheLib.Ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Шоу Бернард Дом, где разбиваются сердца

Бернард Шоу

Дом, где разбиваются сердца

Фантазия в русском стиле на английские темы

1913-1919

ГДЕ ОН НАХОДИТСЯ, ЭТОТ ДОМ?

"Дом, где разбиваются сердца" - это не просто название пьесы, к которой эта статья служит предисловием. Это культурная, праздная Европа перед войной. Когда я начинал писать эту пьесу, не прозвучало еще ни единого выстрела и только профессиональные дипломаты да весьма немногие любители, помешанные на внешней политике, знали, что пушки уже заряжены. У русского драматурга Чехова есть четыре прелестных этюда для театра о Доме, где разбиваются сердца, три из которых - "Вишневый сад", "Дядя Ваня" и "Чайка" ставились в Англии. Толстой в своих "Плодах просвещения" изобразил его нам, как только умел он - жестоко и презрительно. Толстой не расточал на него своего сочувствия: для Толстого это был Дом, где Европа душила свою совесть. И он знал, что из-за нашей 'крайней' расслабленности и суетности в этой перегретой комнатной атмосфере миром правят бездушная невежественная хитрость и энергия со всеми вытекающими отсюда ужасными последствиями. Толстой не был пессимистом: он вовсе не хотел оставлять Дом на месте, если мог обрушить его прямо на головы красивых и милых сластолюбцев, обитавших в нем. И он бодро размахивал киркой. Он смотрел на них как на людей, отравившихся опиумом, когда надо хватать пациентов за шиворот и грубо трясти их, пока они не очухаются. Чехов был более фаталист и не верил, что эти очаровательные люди могут выкарабкаться. Он считал, что их продадут с молотка и выставят вон; поэтому он не стеснялся подчеркивал их привлекательность и даже льстил им.

ОБИТАТЕЛИ ДОМА

В Англии, где театры являются просто обыкновенным коммерческим предприятием, пьесы Чехова, менее доходные, чем качели и карусели, выдержали всего несколько спектаклей в "Театральном обществе". Мы таращили глаза и говорили: "Как это по-русски!" А мне они не показались только русскими: точно так же, как действие чрезвычайно норвежских пьес Ибсена могло быть с легкостью перенесено в любой буржуазный или интеллигентский загородный дом в Европе, так и события этих чрезвычайно русских пьес могли произойти во всяком европейском поместье, где музыкальные, художественные, литературные и театральные радости вытеснили охоту, стрельбу, рыбную ловлю, флирт, обеды и вино. Такие же милые люди, та же крайняя пустота. Эти милые люди умели читать, иные умели писать; и они были единственными носителями культуры, которые по своему общественному положению имели возможность вступать в контакт с политическими деятелями, с чиновниками и владельцами газет и с теми, у кого была хоть какая-то возможность влиять на них или участвовать в их деятельности. Но они сторонились таких контактов. Они ненавидели политику. Они не желали реализовать Утопию для простого народа: они желали в своей собственной жизни реализовать любимые романы и стихи и, когда могли, не стеснясь жили на доходы, которых вовсе не заработали. Женщины в девичестве старались походить на звезд варьете, а позже успокаивались на типе красоты, изобретенном художниками предыдущего поколения. Обитатели Дома заняли единственное место в обществе, где можно было обладать досугом для наслаждения высшей культурой, и

превратили его в экономическую, политическую и - насколько это было возможно - моральную пустоту. И поскольку природа, не принимающая пустоты, немедленно заполнила его сексом и всеми другими видами изысканных удовольствий, это место стало в лучшем случае привлекательнейшим местом в часы отдыха. В другие моменты от делалось гибельным. Для премьер-министров и им подобных оно было настоящей Капуей.

ЗАЛ ДЛЯ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

Но где еще могли устроиться уютно наши заправилы, как не здесь? Помимо Дома, где разбиваются сердца, можно было еще устроиться в Зале для верховой езды. Он состоял из тюрьмы для лошадей и пристройки для дам и джентльменов, которые ездили на лошадях, гоняли их, говорили о них, покупали их и продавали и девять десятых своей жизни готовы были положить на них, а оставшуюся, десятую часть делили между актами милосердия, хождением в церковь (что заменяет религию) и участием в выборах на стороне консерваторов (что заменяет политику). Правда, два эти учреждения соприкасались: изгнанных из библиотеки, из музыкального салона и картинной галереи можно было подчас встретить изнывающими в конюшнях и ужасно недовольными; а отважные всадницы, засыпающие при первых звуках Шумана, оказывались совсем не к месту в садах Клингсора. Иногда все-таки попадались и объездчики лошадей, и губители душ, которые жили припеваючи там и здесь. Однако, как правило, два этих мира существовали раздельно и знать не знали друг друга, так что премьер-министру и его присным приходилось выбирать между варварством и Капуей. И трудно сказать, какая из двух атмосфер больше вредила умению управлять государством.

РЕВОЛЮЦИЯ НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Дом, где разбиваются сердца, был близко знаком с революционными идеями - на бумаге. Его обитатели стремились быть передовыми и свободомыслящими и почти никогда не ходили в церковь и не соблюдали воскресного дня, разве что в виде забавы в конце недели. Приезжая в Дом, чтобы остаться там с пятницы по вторник, на полке в своей спальне вы находили книги не только поэтов и прозаиков, но также и революционных биологов и даже экономистов. Без нескольких пьес - моих и м-ра Гренвилл-Баркера, без нескольких повестей м-ра Г. Дж. Уэллса, м-ра Арнолда Беннета и м-ра Джона Голсуорси - Дом не был бы передовым. Из поэтов вы могли найти там Блейка, а рядом с ним Бергсона, Батлера, Скотта Холдейна, стихи Мередита и Томаса Харди и, вообще говоря, все литературные пособия, нужные для формирования сознания настоящего современного социалиста и творческого эволюциониста. Забавно было провести воскресенье, просматривая эти книги, а в понедельник утром читать в газете, как страну едва не довели до анархии, потому что новый министр внутренних дел или начальник полиции (его прабабушка не стала бы тут и оправдываться) отказался "признать" какой-нибудь могущественный профсоюз, совсем так, как если бы гондола отказалась признать лайнер водоизмещением в 20000 тонн.

Короче говоря, власть и культура жили врозь. Варвары не только буквально сидели в седле, но сидели они и на министерской скамье в палате общин, и некому было исправлять их невероятное невежество в области современной мысли и политической науки, кроме выскочек из счетных контор, занятых не столько своим образованием, сколько своими карманами. Однако и те и другие знали, как обходиться и с деньгами, и с людьми, то есть умели собирать одних и использовать других; и хотя это столь же неприятное умение, как и умение средневекового разбойного барона, оно позволяло людям по-старому управлять именем или предприятием без надлежащего понимания дела, совсем так, как торговцы с Бонд-стрит и домашние слуги поддерживают жизнь модного общества, вовсе не изучая социологии.

ВИШНЕВЫЙ САД

Люди из Дома, где разбиваются сердца, не могли, да и не хотели заниматься ничем подобным. Набив свои головы предчувствиями м-ра Г. Дж. Уэллса - в то время как в головах наших тогдашних правителей не держались даже предчувствия Эразма или сэра Томаса Мора, - они отказывались от тягостной работы политиков, а если бы вдруг и согласились на

нее, вероятно, делали бы ее очень плохо. Им и не позволяли вмешиваться, потому что в те дни "всеобщего голосования", только оказавшись по случайности наследственным пэром, мог кто-либо, обремененный солидным культурным снаряжением, попасть в парламент. Но если бы им и было позволено вмешиваться, привычка жить в пустоте сделала бы их беспомощными и неумелыми в общественной деятельности. И в частной-то жизни они нередко проматывали наследство, как герои "Вишневого сада". Даже теми, кто жил по средствам, в действительности руководили их поверенные по делам или агенты, ибо господа не умели управлять имением или вести предприятие, если их все время не подталкивали другие, кому пришлось самим решать задачу: либо выучиться делу, либо умереть с голоду.

От так называемой демократии при таких обстоятельствах нельзя было ожидать какой-либо помощи. Говорят, каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает. Вернее было бы сказать, что каждое правительство имеет тех избирателей, которых заслуживает, потому что ораторы с министерской скамьи по своей воле могут просветить или развратить наивных избирателей. Таким образом, наша демократия вращается в порочном круге очередной порядочности и непорядочности.

ДОЛГОСРОЧНЫЙ КРЕДИТ ПРИРОДЫ

У Природы способ справляться с нездоровыми условиями, к несчастью, не такой, какой заставляет нас придерживаться гигиенической платежеспособности на основании наличных средств. Природа деморализует нас долгосрочным кредитом и опрометчивыми выдачами сверх положенного и вдруг огорошивает жестоким банкротством. Возьмем, например, обыкновенную санитарию в домах. Целое поколение горожан может полностью и самым возмутительным образом пренебрегать ею если не абсолютно безнаказанно, то, во всяком случае, без вредных последствий, которых можно было бы ожидать в результате таких действий. В больнице два поколения студентов-медиков могут мириться с грязью и небрежностью, а выйдя из нее, заниматься обычной практикой и распространять теории, будто свежий воздух - просто причуда, а санитария жульничество, установленное ради корысти водопроводчиков. Затем Природа внезапно начинает мстить. Она поражает город заразой, а больницу - эпидемией госпитальной гангрены и крушит насмерть направо и налево, пока невинная молодежь не расплатится сполна за грехи старших, и тогда счет выравнивается. А потом Природа засыпает снова и отпускает новый долгосрочный кредит с тем же результатом.

Вот как раз это и произошло в нашей политической гигиене. В мое время правительство и избиратели так же беззаботно пренебрегали политической наукой, как Лондон пренебрегая элементарной гигиеной во времена Карла Второго. Дипломатия в международных сношениях - всегда ребячески незаконное дело, дело семейных распрей, коммерческого и территориального разбоя и апатии псевдодобродушия, происходящей от лени, перемежающейся спазматическими приступами яростной деятельности, вызываемой страхом. Но на наших островах мы кое-как выпутывались. Природа отпустила нам кредит на более долгий срок, чем Франции, Германии или России. Британским столетним старикам, умиравшим у себя в постели в 1914 году, жуткая необходимость прятаться в лондонском метро от вражеских бомб казалась более отдаленной и фантастичной, чем страх перед появлением колонии кобр и гремучих змей в кенсингтонских садах. В своих пророческих сочинениях Чарльз Диккенс предостерегал нас против многих бедствий, которые с тех пор уже постигли нас, но быть убитым чужестранным врагом на пороге собственного дома - там о таком бедствии не было и помину. Природа отпустила нам весьма долгосрочный кредит, и мы злоупотребляли им в крайней степени. Но когда она наконец поразила нас, она поразила нас с лихвой: четыре года она косила наших первенцев и насылала на нас бедствия, какие не снились Египту. Их можно было предотвратить, как великую лондонскую чуму, и они случились лишь потому, что не были предотвращены. Их не искупила наша победа в войне. Земля до сих пор вспухает от мертвых тел победителей.

ДУРНАЯ ПОЛОВИНА СТОЛЕТИЯ

Трудно сказать, что хуже: равнодушие и небрежность или лживая теория. Но Дом, где

разбиваются сердца, и Зал для верховой езды, к сожалению, страдали и от того и от другого. Перед войной цивилизация целых столетия стремительно неслась ко всем чертям под влиянием псевдонауки столь же губительной, как самый черный кальвинизм. Кальвинизм учил, что мы по предопределению будем либо спасены, либо прокляты и что бы мы ни делали, ничто не может изменить нашей судьбы. Все же, не подсказывая человеку, какой номер он вытащил - счастливый или несчастливый, кальвинизм тем самым оставлял индивидууму известную заинтересованность, поддерживая в нем надежду на спасение и умеряя его страх перед вечным проклятием, если он станет поступать, как подобает избранному, а не как нечестивцу. Но в середине девятнадцатого столетия натуралисты и физики заверили мир именем науки, что и спасение, и гибель - сплошная чепуха и что предопределение есть главная религиозная истина, так как человеческие существа являются производными среды и, следовательно, их грехи и добрые дела оказываются лишь рядом химических и механических реакций, над которыми люди власти не имеют. Такие вымыслы, как разум, свободный выбор, цель, совесть, воля и так далее, учили они, всего-навсего иллюзии, которые сочиняются, ибо приносят пользу в постоянной борьбе человеческого механизма за поддержание своей среды в благоприятном состоянии - процессе, между прочим, включающем безжалостное уничтожение или подчинение конкурентов по добыче средств существования, каковые считаются ограниченными. Этой религии мы научили Пруссию. Пруссия же так успешно воспользовалась нашими указаниями, что вскоре мы оказались перед необходимостью уничтожить Пруссию, чтобы не дать Пруссии уничтожить нас. И все это закончилось взаимным истреблением, и таким жестоким, что в наши дни это едва ли окажется поправимым.

Позволительно задать вопрос: как такое дурацкое и такое опасное вероучение могло стать приемлемым для человеческих существ? Я отвечу на это более подробно в следующем томе моих пьес, полностью посвященных этой теме. Пока я скажу только, что имелись и другие, более солидные основания, кроме очевидной возможности использовать эту обманную науку: она открывала перед глупцами научную карьеру и все другие карьеры перед бесстыжими негодьями, буде они окажутся достаточно прилежны. Правда, действие этого мотива было очень сильно.

Но когда возникло новое движение в науке, связанное с именем великого натуралиста Чарльза Дарвина, оно было не только реакцией против варварской псевдоевангельской телеологии, нетерпимой противницы всякого прогресса в науке; его сопровождали, как оказывалось, чрезвычайно интересные открытия в физике, химии, а также тот мертвый эволюционный метод, который его изобретатели назвали естественным отбором. Тем не менее в этической сфере это дало единственно возможный результат - произошло изгнание совести из человеческой деятельности или, как пылко выражался Сэмюэл Батлер, "разума из вселенной".

ИПОХОНДРИЯ

Все-таки Дом, где разбиваются сердца, с Батлером и Бергсоном и Скоттом Холдейном рядом с Блейком и другими более великими поэтами на своих книжных полках (не говоря уж о Вагнере и тональных поэтах), не был окончательно ослеплен тупым материализмом лабораторий, как это случилось с остальным некультурным миром. Но так как он был Домом праздности, то страдал ипохондрией и всегда гонялся за способом излечения. То он переставал есть мясо (но не по веским причинам, как Шелли, а стараясь спастись от страшилища, называемого мочевиной), то разрешал вам вырвать все свои зубы, чтобы заговорить другого дьявола, под названием пиорея. Дом был суеверен, привержен к столоверчению, к сеансам материализации духов, к ясновидению, к хиромантии, к гаданию сквозь магический кристалл и тому подобному, и притом в такой степени, что можно было задуматься: процветали ли так когда-нибудь в мировой истории предсказатели, астрологи и всякого рода врачи-терапевты без дипломов, как они процветали в ту половину столетия, когда оно уже уходило в небытие. Дипломированным врачам и хирургам нелегко было соревноваться с недипломированными. Они не умели при помощи уловок актера, оратора,

поэта и мастера увлекательного разговора воздействовать на воображение и общительность обитателей Дома. Они грубо работали устаревшими методами, пугая заразой и смертью. Они предписывали прививки и операции. Если можно было вырезать из человека какую-нибудь часть, не погубив его при этом (без необходимости), - они ее вырезали. И часто человек умирал именно вследствие этого (без необходимости, разумеется). От таких пустяков, как язычок в глотке или миндалина, они переходили к яичникам и аппендиксам, пока наконец внутри у тебя уже ничего не оставалось. Они объясняли вам, что человеческий кишечник слишком длинен и ничто не может сделать сына Адамова здоровым, кроме укорочения пищеварительного тракта, для чего надо вырезать кусок из нижней части кишечника и пришить его непосредственно к желудку. Так как их механистическая теория учила, что медицина есть дело лаборатории, а хирургия - дело столярной мастерской, а также что наука (под которой они разумели свои махинации) столь важна, что незачем принимать в соображение интересы какого-либо индивидуального существа, будь то лягушка или философ, и того менее учитывать вульгарные пошлости сентиментальной этики, ибо все это ни на миг не может перевесить отдаленнейшие и сомнительнейшие возможности сделать вклад в сумму научного познания, - то они оперировали, и прививали, и лгали в огромном масштабе. И требовали при этом себе законной власти - и действительно добивались ее - над телом своих сограждан, какой никогда не смели требовать ни король, ни папа, ни парламент. Сама инквизиция была либеральным учреждением по сравнению с главным медицинским советом.

КТО НЕ ЗНАЕТ, КАК ЖИТЬ, ДОЛЖЕН ПОХВАЛЯТЬСЯ СВОЕЙ ПОГИБЕЛЬЮ

Обитатели Дома, где разбиваются сердца, были слишком ленивы и поверхностны, чтобы вырваться из этого заколдованного терема. Они восторженно толковали о любви; но они верили в жестокость. Они боялись жестоких людей; но видели, что жестокость по крайней мере действенна. Жестокость совершала то, что приносило деньги. А любовь доказывала лишь справедливость изречения Ларошфуко, будто мало кто влюблялся бы, если б раньше не читал о любви. Короче говоря, в Доме, где разбиваются сердца, не знали, как жить, и тут им оставалось только хвастаться, что они, по крайней мере, знают, как умирать: грустная способность, проявить которую разразившаяся война дала им практически беспредельные возможности. Так погибли первенцы Дома, где разбиваются сердца; и юные, невинные, и подающие надежды искупали безумие и никчемность старших.

ВОЕННОЕ СУМАСШЕСТВИЕ

Только те, кто пережил первосортную войну не на передовой, а дома, в тылу, и сохранил при этом голову на плечах, могут, вероятно, понять горечь Шекспира или Свифта, которые оба прошли через такое испытание. Слабым по сравнению с этим был ужас Пера Гюнта в сумасшедшем доме, когда безумцы, возбужденные миражем великого таланта и видением занимающегося тысячелетия, короновали его в качестве своего нумератора. Не знаю, удалось ли кому-нибудь в целости сохранить рассудок, кроме тех, кому приходилось сохранять его, потому что они прежде всего должны были руководить войной.

Я не сохранил бы своего (насколько он у меня сохранился), не пойми я сразу, что как у писателя и оратора у меня тоже были самые серьезные общественные обязательства держаться реальной стороны вещей; однако это не спасло меня от изрядной доли гиперэстезии. Встречались, разумеется, счастливые люди, для кого война ничего не значила: всякие политические и общие дела лежали вне узкого круга их интересов. Но обыкновенный, сознающий явление войны штатский сходил с ума, и тут главным симптомом было убеждение, что нарушен весь природный порядок. Вся пища, чувствовал он, теперь должна быть фальсифицирована. Все школы должны быть закрыты. Нельзя посылать объявления в газеты, новые выпуски которых должны появляться и раскупаться в ближайшие десять минут. Должны прекратиться всякие переезды, или, поскольку это было невозможно, им должны чиниться всяческие препятствия. Всякие притязания на искусства и культуру и тому подобное надо забыть, как недопустимое жеманство. Картинные галереи и музеи, и художественные школы должны быть сразу заняты военными служащими. Сам Британский

музей еле-эле спасся. Правдивость всего этого, да и многого другого, чему, вероятно, и не поверили бы, вздумай я это пересказывать, может быть подтверждена одним заключительным примером всеобщего безумия. Люди предавались иллюзии, будто войну можно выиграть, жертвуя деньги. И они не только подписывались на миллионы во всяческие фонды непонятного назначения и вносили деньги на смехотворные добровольные организации, стремившиеся заниматься тем, что явно было делом гражданских и военных властей, но и самым настоящим образом отдавали деньги любому жулику на улице, у кого хватало присутствия духа заявить, будто он (или она) "собирает средства" для уничтожения врага. Мошенники вступали в должность, назывались "Лигой против врага" и просто прикарманивали сыпавшиеся на них деньги. Нарядно одетые молодые женщины сообразили, что им достаточно просто вышагивать по улице с кружкой для пожертвования в руках и преспокойно жить на такие доходы. Миновало много месяцев, прежде чем, в порядке первого признака оздоровления, полиция упрятила в тюрьму одного антигерманского министра, "pour encourager les autres", [Для поощрения прочих (франц.)] и оживленные кружечные сборы с бумажными флажками стали несколько регулироваться.

БЕЗУМИЕ В СУДАХ

Деморализация не обошла и суд. Солдаты получали оправдание даже при полностью доказанном обвинении в предумышленном убийстве, пока наконец судьи и должностные лица не были вынуждены объявить, что так называемый "неписанный закон" - а это просто значило, будто солдат мог делать все, что ему угодно, в гражданской жизни, - не был законом Англии и что крест Виктории не давал права на вечную и неограниченную безнаказанность. К сожалению, безумие присяжных и судей сказывалось не всегда в одном потворстве. Человек, по несчастью обвиненный в каком-либо поступке, вполне логичном и разумном, но без оттенка военного исступления, имел самую малую надежду на оправдание. В Англии к тому же имелось известное число людей, сознательно отказывавшихся от военной службы как от установления преступного и противного христианству. Акт парламента, вводивший обязательную воинскую повинность, легко освобождал этих людей; от них требовалось только, чтобы они доказали искренность своих убеждений. Те, кто делал это, поступали неблагоприятно с точки зрения собственных интересов, ибо с варварской последовательностью их судили, несмотря на закон. Тем же, кто вовсе не заявлял, что имеет какие-либо возражения против войны, и не только проходил военное обучение в офицерских подготовительных войсках, но и объявлял публично, что вполне готов участвовать в гражданской войне в защиту своих политических убеждений, - тем разрешалось воспользоваться парламентским актом на том основании, что они не сочувствовали именно этой войне. К христианам не проявлялось никакого милосердия. Даже когда имелись недвусмысленные доказательства их смерти "от дурного обращения" и приговор с несомненностью определял бы предумышленное убийство, даже в тех случаях, если расположение коронерских присяжных склонялось в другую сторону,- их убийцы беспричинно объявлялись невиновными. Существовала только одна добродетель - желание лезть в драку и только один порок - пацифизм. Это основное условие войны. Но правительству не хватало мужества издавать соответствующие постановления; и его закон отодвигался, уступая место закону Линча. Законное беззаконие достигло своего апогея во Франции. Величайший в Европе государственный деятель - социалист Жорес был застрелен джентльменом, которому не нравились старания Жореса избежать войны. В господина Клемансо стрелял другой джентльмен, придерживающийся менее распространенных мнений, и тот счастливо отделался тем, что был вынужден на всякий случай провести несколько дней в постели. Убийца Жореса был, несмотря ни на что, оправдан; предполагавшийся убийца господина Клемансо был из предосторожности признан виновным. Нечего сомневаться, так случилось бы и в Англии, начнись война с удачного убийства Кейра Харди и окончись она неудачной попыткой убить министра Ллойд Джорджа.

СИЛА ВОЙНЫ

Эпидемия, обычно сопутствующая войне, называлась инфлюэнцей. Сомнение в том,

была ли она действительно болезнью войны, породил тот факт, что больше всего она наделала бед в местах, отдаленных от полей сражения, особенно на западном побережье Северной Америки и в Индии. Но нравственная эпидемия, бывшая несомненно болезнью войны, воспроизвела этот феномен. Легко было бы предположить, что военная лихорадка сильней всего станет бушевать в странах, на самом деле находящихся под огнем, а другие будут держаться поблагоразумней. Бельгии и Фландрии, где на широких пространствах буквально камня на камне не осталось, пока армии противников после ужасающих предварительных бомбардировок топтались по ней и толкали друг друга то взад, то вперед, этим странам было бы простительно выражать свои чувства более резко, чем простым пожиманием плеч да словами: "C'est la guerre". [Такова война! (франц.)] От Англии, остававшейся нетронутой в течение стольких столетий, что военные налеты на ее поселения казались уже так же маловероятны, как повторение вселенского потопа. трудно было ожидать сдержанности, когда она узнала наконец, какво прятаться по подвалам и в станциях подземки, какво лежать в постели, содрогаясь и слушая, как разрывались бомбы, разваливались дома, а зенитки сыпали шрапнелью без разбору по своим и чужим, так что некоторые витрины в Лондоне, ранее занятые модными шляпками, начали заполняться стальными шлемами. Убитые и изувеченные женщины и дети, сожженные и разрушенные жилища в сильной степени извиняют ругань и вызывают гнев, и много раз еще зайдет и взойдет солнце, прежде чем он утихомирится. Но как раз в Соединенных Штатах Северной Америки, где война никому не мешала спать, именно там военная лихорадка разразилась вне пределов всякого здравого смысла. В судах Европы возникло мстительное беззаконие; в судах Америки царствовало буйное умопомешательство. Не мне выписывать экстравагантные выходки союзной державы: пусть это сделает какой-нибудь беспристрастный американец. Могу только сказать, что для нас, сидевших в своих садиках в Англии, когда пушки во Франции давали о себе знать сотрясением воздуха так же безошибочно, как если бы мы слышали их, или когда мы с замиранием сердца следили за фазами луны в Лондоне, поскольку от них зависело, устоят ли наши дома и останемся ли в живых мы сами к следующему утру, для нас газетные отчеты о приговорах в американских судах, выносимых равным образом молоденьким девушкам и старикам за выражение мнений, которые в Англии высказывались перед полным залом под гром аплодисментов, а также более частные сведения о методах, какими распространялись американские военные займы, - для нас все это было так удивительно, что на миг начисто заставляло забывать и про пушки, и про угрозу налета.

ЗЛОБНЫЕ СТОРОЖЕВЫЕ ПСЫ СВОБОДЫ

Не довольствуясь злоупотреблениями в суде и нарушениями существующего закона, военные маньяки яростно набрасывались на все конституционные гарантии свободы и благополучия, стремясь отменить их. Обычный закон заменялся парламентскими актами, на основании которых совершались простые полицейские налеты а la russe, [В русском духе (франц.)] редакции газет захватывались, печатные станки разбивались, а люди арестовывались и расстреливались без всякого подобия судебного разбирательства или открытой процедуры с привлечением свидетелей. Хотя было насущно необходимо увеличивать продукцию, применяя самую передовую организацию труда и его экономию, и хотя давно было установлено, что чрезмерная длительность и напряженность труда сильно уменьшают продукцию вместо того, чтобы увеличивать ее, действие фабричных законов приостанавливалось и мужчин и женщин отчаянно эксплуатировали, пока снижение эффективности труда не стало слишком явным и его нельзя было далее игнорировать. Любые возражения и предостережения встречали обвинение в германофильстве, либо звучала формула: "Не забывайте, у нас сейчас война". Я говорил, что люди считали, будто война опрокинула естественный порядок и будто все погибнет, если мы не будем делать как раз противоположное тому, что в мирное время всегда считалось необходимым и полезным. Но истина оказалась еще хуже. Война не могла так изменить человеческий рассудок. -На самом деле столкновение с физической смертью и разрушением, этой единственной

реальностью, понятной каждому дураку, сорвало маску образованности, искусства, науки и религии с нашего невежества и варварства, и мы остались голыми всем напоказ и могли до одури упиваться внезапно открывшейся возможностью проявлять наши худшие страсти и самый малодушный страх. Еще Фукидид в своей истории написал, что, когда ангел смерти затрубит в трубу, все претензии на цивилизацию сдунет с души человека в грязь, словно шляпу порывом ветра. Но, когда эти слова исполнились в наше время, потрясение не оказалось для нас менее страшным оттого, что несколько ученых, занимавшихся греческой историей, ему не удивились. Ведь эти ученые ринулись в общую оргию так же бесстыдно, как и невежды. Христианский священнослужитель присоединялся к военной пляске, даже не сбрасывая сутаны, а почтенный директор школы изгонял преподавателя-немца, не скупясь на брань, применяя физическое насилие и объявляя, что ни один английский ребенок никогда больше не должен изучать язык Лютера и Гете. И путем самого бесстыдного отказа от всяких приличий, свойственных цивилизации, и отречения от всякого политического опыта оба получали моральную поддержку со стороны тех Самых людей, кому в качестве университетских профессоров, историков, философов и ученых доверялась охрана культуры. Было только естественно и, быть может, даже необходимо для целей вербовки, чтобы журналисты и вербовщики раскрашивали черной и красной краской германский милитаризм и германское династическое честолюбие, доказывая, какую опасность представляют они для всей Европы (как это и было на самом деле). При этом подразумевалось, будто наше собственное политическое устройство и наш собственный милитаризм издревле демократичны (каковыми они, разумеется, не являются). Однако, когда дело дошло до бешеного обличения немецкой химии, немецкой биологии, немецкой поэзии, немецкой музыки, немецкой литературы, немецкой философии и даже немецкой техники, как неких зловредных мерзостей, выступающих против британской и французской химии и так далее и так далее,- стало ясно, что люди, доходившие до такого варварского бреда, никогда в действительности не любили и не понимали искусства и науки, которые они проповедовали и профанировали. Что они просто плачевно выродившиеся потомки тех людей семнадцатого и восемнадцатого столетий, кто, не признавая никаких национальных границ в великом царстве человеческого разума, высоко ставили взаимную европейскую вежливость в этом царстве и даже вызывающе поднимали ее над кипящими злобой полями сражений. Срывать орден Подвязки с ноги кайзера, вычеркивать немецких герцогов из списков наших пэров, заменять известную и исторически присвоенную фамилию короля названием некоей местности, не имеющей традиций, было не очень достойным делом. Но высказывать немецкие имена из британских хроник науки и образованности было признанием того, что в Англии уважение к науке и образованности является лишь позой, за которой кроется дикарское к ним презрение. Чувствуешь, что фигуру святого Георгия с драконом пора заменить на наших монетах фигурой солдата, пронзающего копьем Архимеда. Но в то время монет не было - были только бумажные деньги, и десять шиллингов называли себя фунтом так же самоуверенно, как люди, унижавшие свою страну, называли себя патриотами.

МУКИ ЗДРАВОМЫСЛЯЩИХ

Душевные страдания, сопряженные с жизнью под непристойный грохот всех этих карманьол и корробори, были не единственным бременем, ложившимся на тех, кто во время войны все же оставался в своем уме. Была еще (осложненное оскорбленным экономическим чувством) эмоциональное напряжение, которое вызывалось списками погибших и раненных на войне. Глупцы, эгоисты и тупицы, люди без сердца и без воображения были от него в значительной степени избавлены. "Так часты будут кровь и гибель, что матери лишь улыбнутся, видя, как рука войны четвертует их детей" - это шекспировское пророчество теперь почти исполнялось. Ибо, когда чуть не в каждом доме оплакивали убитого сына, можно было бы совсем сойти с ума, если бы мы меряли собственные утраты и утраты своих друзей мерою мирного времени. Нам приходилось придавать им фальшивую стоимость, утверждать, будто молодая жизнь достойно и славно принесена в жертву ради свободы человечества, а не во искупление беспечности и безумия отцов, и искупления напрасного.

Мы должны были даже считать, будто родители, в не дети приносили жертвы, пока наконец юмористические журналы не принялись сатирически изображать толстых старых людей, уютно устроившихся в креслах своих клубов и хвастающих сыновьями, которых они "отдали" своей родине.

- Кто поспешил бы на такое лекарство, лишь бы утолить острое личное горе! Но тем, кто знал, что молодежь набивала себе оскомину из-за того, что родители объедались кислым политическим виноградом, - тем это только прибавляло горечи. А подумайте о самих этих молодых людях! Многие ничуть не обольщались политикой, которая вела к войне: с открытыми глазами шли они выполнять ужасный, отвратительный долг. Люди по существу добрые и по существу умные, занимавшиеся полезной работой, добровольно откладывали ее в сторону и проводили месяц за месяцем, строясь по четверо в казарменном дворе, и среди бела дня кололи штыком мешки, набитые соломой, с тем чтобы потом отправляться убивать и калечить людей, таких же добрых, как они сами. Люди, бывшие в общем, быть может, нашими самыми умелыми воинами (как Фредерик Килинг, например), ничуть не были одурачены лицемерной мелодрамой, которая утешала и вдохновляла других. Они бросали творческую работу, чтобы работать ради разрушения, совсем так, как они бросали бы ее, чтобы занять свое место у насосов на тонущем корабле. Они не отступали в сторону, как иные, не соглашавшиеся идти на военную службу по политическим или религиозным соображениям, не отказывались от дела потому, что командиры на корабле были повинны в недосмотре, или потому, что другие с корабля удирали. Корабль надо было спасать, даже если ради этого Ньютону пришлось бы бросить дифференциальное исчисление, а Микеланджело - статуи. И они отбрасывали прочь орудия своего благодетельного и облагораживающего труда и брались за окровавленный штык и убийственную гранату, насильно подавляя свой божественный инстинкт совершенного художественного творчества для ловкого орудования этими проклятыми предметами, а свои организаторские способности отдавая замыслам разрушения и убийства. Ведь их трагедия принимала даже иронический оттенок оттого, что таланты, которые они вынуждены были проституировать делали проституцию не только эффективной, но даже интересной. И в результате некоторые быстро выдвигались и наперекор себе действительно становились артистами, художниками войны и начинали испытывать к ней вкус, как Наполеон и другие бичи человечества. Однако у многих не было даже и этого утешения. Они только терпеливо тянули лямку и ненавидели войну до самого конца.

ЗЛО НА ПРЕСТОЛЕ ДОБРА

Эти переживания людей беззлобных были так болезненны, что испытывавшие их в гражданской жизни, те, кто не проливал крови и не видел смерти и разрушений собственными глазами, даже старались скрывать свои личные беды. Однако и тем, кому приходилось писать и говорить о войне, сидя у себя дома, в безопасности, не легко было отбрасывать в сторону свою высшую совесть и работать, сознательно равняясь на уровень неизбежного зла, забывая об идеале более полной жизни. Поручусь по крайней мере за одного человека, для которого переход от мудрости Иисуса Христа и святого Франциска к нравам Ричарда Третьего и безумию Дон Кихота оказался чрезвычайно неприятным. Но этот переход надо было сделать, и все мы очень пострадали от него, кроме тех, для кого это вовсе не несло никаких перемен, а, напротив, освободило от маскировки.

Подумайте также о тех, кому хотя и не пришлось ни писать, ни воевать, ни терять собственных детей, но кому было ясно, какая неисчислимая потеря для мира эти четыре года в жизни одного поколения, зря потраченные на дело уничтожения. Наверное, любая из сделавших эпоху работ - плодов человеческого разума - была бы испорчена или совсем погублена, если бы ее творцов на четыре критических года оторвали от нормального труда. Не только были бы на месте убиты Шекспир и Платон, но и оставшимся в живых пришлось бы не однажды высеивать свои лучшие плоды в скудную землю окопов. И это соображения не только британские. Для истинно цивилизованного человека, для порядочного европейца, то, что немецкая молодежь оказалась перебитой, было таким же несчастьем, как и то, что

перебита была и молодежь английская. Дураки радовались "германским потерям". Эти потери были и нашими потерями. Представьте себе, что радуются смерти Бетховена, потому что Билл Сайке нанес ему смертельный удар!

"КОГДА ОТЦЕЖИВАЮТ КОМАРА И ПРОГЛАТЫВАЮТ ВЕРБЛЮДА..."

Но большинство не понимало таких печалей. Легкомысленно радовались смерти ради нее самой, но, по сути дела, их радость была неспособностью усвоить, что смерть случалась на самом деле, а не происходила на подмостках. Когда воздушный налетчик сбрасывал бомбу и та в куски разрывала мать с ребенком, люди, видевшие это, раздражались яростными проклятиями против "гуннов", называя их убийцами и требуя беспощадной и справедливой мести, хотя эти же люди с превеликой радостью ежедневно читали в своих газетах о тысячах подобных происшествий. В такие минуты становилось ясно, что смерть, которую они не видели, для них значила не больше, чем смерть на экране кино. Иногда им не требовалось действительно наблюдать смерть, надо было только, чтобы она случилась в обстоятельствах достаточной новизны и в непосредственной близости, - тогда ее действие было почти так же ощутимо и сильно, как если бы ее видели на самом деле.

Например, весной 1915 года наши молодые солдаты подверглись страшной бойне в Нев-Шапель и при высадке в Галлиполи. Не стану заходить далеко и утверждать, будто наши штатские англичане с восторгом читали за завтраком такие волнующие новости. Но не стану и делать вид, будто заметил в газетах или разговорах какое-нибудь волнение, что-нибудь сверх обычного: кинофильм-де на фронте разворачивается отлично, а наши парни храбрее храброго. И вдруг пришло сообщение, что торпедирован атлантический лайнер "Лузитания" и что утонули многие известные пассажиры первого класса, включая знаменитого театрального менеджера и автора популярных фарсов. В число "прочих" входил сэр Хью Лейн; но так как Англия была ему многим обязана лишь в области изящных искусств, на этой потере не делалось особого удара.

Немедленно по всей стране поднялось удивительное неистовство. Люди, до сей поры еще сохранявшие рассудок, сейчас начисто потеряли его. "Погибают пассажиры первого класса! Что же будет дальше?!" - вот в чем была сущность всего волнения. Однако эта тривиальная фраза не передавала и малой толики охватившей нас ярости. Для меня, когда я только и думал что об ужасной цене, в которую нам обошлись Нев-Шапель, Ипр и высадка в Галлиполи, весь этот шум вокруг "Лузитании" явился признаком неуместной черствости, хотя я был лично и близко знаком с тремя из самых известных жертв и, быть может, лучше других понимал, каким несчастьем была смерть Лейна. Я даже испытывал весьма понятное всем солдатам мрачное удовлетворение от того факта, что штатские, считавшие войну таким прекрасным британским спортом, теперь хорошо почувствовали, что значила война для настоящих участников боев. Я выражал свое раздражение откровенно, и оказалось, что мое прямое и естественное чувство в этом случае воспринимается как чудовищный и черствый парадокс. Когда я спрашивал тех, кто мне дивился, могут ли они сказать что-нибудь о гибели Фестюбера, они дивились мне еще больше, так как совершенно позабыли о ней, а вернее, так никогда и не уяснили себе ее значения. Они не были бессердечней меня; но великая катастрофа была слишком велика для их понимания, а небольшая была им как раз по плечу. Я не был удивлен: разве мне не приходилось видеть, как целое учреждение по той же причине без единого возражения согласилось истратить 30000 фунтов, а затем провело целых три специальных заседания, затянувшихся до самой ночи, в спорах по поводу суммы в семь шиллингов для оплаты завтраков?

СЛАБЫЕ УМЫ И ВЕЛИКИЕ БИТВЫ

Никому не будет дано понять причуды общественного настроения во время войны, если все время не держать в памяти, что война в своем полном значении для среднего тыловики не существовала. Он не мог постичь, что такое одна битва, не то что целая военная кампания. Для пригородов война была пригородным переполохом. Для горняка и чернорабочего это был только ряд штыковых схваток между немецкими и английскими сынами отечества. Чудовищность войны была гораздо выше понимания большинства из нас.

Эпизоды ее должны были быть уменьшены до размеров железнодорожной катастрофы или кораблекрушения, прежде чем произвести какое-либо действие на наше разумение. Смехотворные бомбардировки Скарборо или Рамсгита казались нам колоссальными трагедиями, а Ютландская битва - лишь балладой. Слова в известиях с фронта "после основательной артиллерийской подготовки" ничего для нас не значили, но, когда отдохавшие на нашем побережье узнали, что завтрак пожилого джентльмена, прибывшего в приморский отель, чтобы провести там конец недели, был прерван бомбой, угодившей в рюмку с яйцом, их гневу и ужасу не было предела. Они заявляли, что этот случай должен поднять дух армии, и не подозревали, как солдаты в траншеях несколько дней подряд хохотали и говорили друг другу, что-де этим занудам в тылу полезно попробовать, каково приходится войскам. Подчас узость взглядов вызывала жалость. Бывало, человек работает в тылу, не задумываясь над призывами "освободить мир ради демократии". Его брата убивают на фронте. Он немедленно бросает работу и ввязывается в войну, словно это кровная феодальная распря с немцами. Иногда это бывало комично. Раненый, имевший право на увольнение, возвращается в окопы со злобной решимостью найти гунна, который его ранил, и расквитаться с ним.

Невозможно высчитать, какая часть нас - в хаки или без хаки - понимала в целом войну и предыдущие политические события в свете какой-либо философии, истории или науки о том, что такое война. Едва ли эта часть достигала числа людей, занимающихся у нас высшей математикой. Однако несомненно эту часть значительно превосходило число людей невежественных и мыслящих по-детски. Не забудьте, ведь их нужно было стимулировать, чтобы они приносили жертвы, которых требовала война, а этого нельзя было добиться, взывая к осведомленности, которой у них не было, и к пониманию, на которое они не были способны. Когда перемирие наконец позволило мне говорить о войне правду и я выступал на первых же всеобщих выборах, один солдат сказал кандидату, которого я поддерживал: "Знай я все это в 1914-м, им никогда не обрядить бы меня в хаки". Вот почему, разумеется, и было необходимо набивать ему голову романтикой, над которой посмеялся бы любой дипломат. Таким образом, естественная неразбериха, происходящая от невежества, еще увеличивалась от сознательно распространяемого мелодраматического вздора и разных страшных сказок для детей. Все это доходило до предела и не позволило нам закончить войну, пока мы не только добились триумфа, победив германскую армию и тем самым опрокинув милитаристскую монархию, но и совершили к тому же очень грубую ошибку, разорив центр Европы, чего не могло бы позволить себе ни одно здравомыслящее европейское государство.

МОЛЧАЛИВЫЕ ДЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ И КРИКЛИВЫЕ БЕЗДЕЛЬНИКИ

Оказавшись перед картиной неразумных заблуждений и глупости, критически настроенный читатель сразу возразит, что все это время Англия вела войну и это требовало организации нескольких миллионов солдат, а также и рабочих, которые снабжали их продуктами и транспортом, и что это не могло быть выполнено толпой истериков и декламаторов. К счастью, такое возражение справедливо. Переходить от редакций газет и политических подмостков, от каминов в клубах и гостиных в загородных домах к армии и заводам, поставляющим снаряжение, было то же, что переходить из сумасшедшего дома в самый деловой и самый здоровый повседневный мир. Вы как бы наново открывали Англию и находили прочное основание для веры тех, кто еще верил в нее. Но непременным условием этой работоспособности было, чтобы те, кто был работоспособен, отдавали все свое время делу, а сброду предоставляли сходить с ума в свое удовольствие. Их безумие приносило даже пользу работавшим, потому что, поскольку оно всегда било мимо цели, оно часто и весьма кстати отвлекало внимание от операций, гласность вокруг которых могла привести к провалу или стать помехой для них. Правило, которое я так тщетно старался популяризировать в начале войны: "Если вы намерены что-нибудь делать - идите и делайте; если нет - ради бога, не путайтесь под ногами", - это правило выполнялось лишь наполовину. Дельные люди действительно шли и брались за работу, но бездельники никак не желали уходить с дороги: они суетились и горланили и не очень опасно забивали дорогу только

потому, что, к великому счастью, никогда не знали, где пролегает эта дорога. И вот, пока вся настоящая работа в Англии велась тихо и незаметно, вся английская глупость оглушала небеса своим криком и затемняла солнце поднятой пылью. К сожалению, эта клика своим неистовством запугивала правительство и вынуждала его применять могущественную государственную власть для запугивания разумных людей. И тем самым жалкому меньшинству любителей суда Линча предоставлялась возможность установить царство террора, которое рассудительный министр мог бы разогнать суровым окриком в один миг. Но наши министры не обладали нужным для этого мужеством. Из Дома, где разбиваются сердца, и из Зала для верховой езды такого окрика не слышалось, а из загородных поместий - и подавно. Когда в конце концов дело дошло до разгромов лавок, которые уголовники учиняли, прикрываясь патриотическими лозунгами, прекращено все это было полицией, а не правительством. Был даже такой печальный момент во время паники из-за появления подводных лодок, когда правительство уступило ребяческим визгливым требованиям ввести суровое обращение с моряками-военнопленными и, к величайшему нашему позору, лишь враг заставил наши власти держать себя прилично. И все-таки за всеми этими общественными промахами, дурным управлением и суетными раздорами Англия работала, и она продолжала держаться, сохраняя весьма внушительную производительность и активность. Показная Англия своими дурацкими выходками, невежеством, жестокостью, паникой и бесконечным невыносимым распеванием к месту и не к месту государственных гимнов союзников надоедала всей империи. Скрытая, невидимая глазу Англия неуклонно шла к завоеванию Европы.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ

С самого начала разные бесполезные люди стали вопить, требуя призвать на сцену "практических деловых людей". Под этим подразумевались люди, разбогатевшие на том, что ставили свои личные интересы выше интересов страны и успех всякой деятельности измеряли денежной выгодой, которую она давала им и тем, кто их поддерживал, ссужая капиталом. Жалкий провал некоторых видных образцов из испробованной нами первой партии этих бедняг помог придать всей общественной стороне войны вид чудовищной и безнадежной комедии. Они доказали не только свою бесполезность для общественной работы, но и то, что в стране, где царит порядок, их никогда бы не допустили командовать частной инициативой.

КАК ДУРАКИ ЗАСТАВЛЯЛИ МОЛЧАТЬ УМНЫХ

Англия, словно плодородная страна, затопленная илом, не выказывала, таким образом, величия в те дни, когда, напрягая все силы, старалась избавиться от печальных последствий своей слабости. Большинство деятельных людей, по горло занятых настоящей практической работой, поневоле предоставляли право разным бездельникам и краснобаям изображать войну перед всей страной и перед всем думающим и чувствующим миром. Те это и делали в своих речах, стихах, манифестах, плакатах и газетных статьях. Мне посчастливилось слышать, как некоторые из наших способнейших командиров говорили о своей работе; потом, разделяя обычную участь обывателей, я читал об этой работе газетные отчеты. Трудно было представить что-либо более несхожее. А в результате болтуны получали опасную власть над рядовыми деятельными людьми. Ибо, хотя величайшие люди действия всегда бывают привычными ораторами и часто очень умными писателями и поэтами не позволяют другим думать за себя, рядовой человек действия, как и рядовой боец со штыком, не может толком рассказать о самом себе и потому склонен подхватывать и принимать на веру то, что о нем и о его товарищах пишут в газетах, и возражает лишь тогда, когда автор неосмотрительно скомпрометирует себя ошибкой в техническом вопросе. Во время войны не редкостью было слышать, как военный или штатский, занятый работой на войну, говорил о чем-нибудь на основании собственного опыта и его речи доказывали полную абсурдность бредового бормотания той газеты, которую он обычно читал, а затем сам как попугай начинал повторять мнения этой газеты. Так что, если вы хотели спастись от господствующей неразберихи и безумия, недостаточно было общаться с рядовыми людьми

действия: надо было вступать в контакт с высшими умами. Это была привилегия, доступная лишь горстке. Для гражданина, не имевшего такой привилегии, спасения не было. Ему вся его страна представлялась сошедшей с ума, суетной, глупой, невежественной, без иной надежды на победу, кроме надежды на то, что враг, быть может, окажется столь же сумасшедшим. Только рассуждая очень решительно и трезво, мог человек увериться, что, не будь за этой страшной видимостью чего-либо более прочного и серьезного, война не протянулась бы и одного дня и вся военная машина обрушилась бы сверху донизу.

БЕЗУМНЫЕ ВЫБОРЫ

Счастливы были в те дни глупцы и деятельные люди, не желавшие ни над чем задумываться. Хуже всего было то, что дураки были очень широко представлены в парламенте: ведь дураки не только выбирают дураков, но умеют склонить на свою сторону деятельных людей. Выборы, последовавшие сразу за перемирием, были, пожалуй, самыми безумными из всех когда-либо происходивших. Добровольно и героически отслужившие на фронте солдаты были побиты людьми, которые явно никогда не подвергали себя риску и никогда не истратили и шиллинга, если могли этого избежать, и которые в ходе выборов вынуждены были приносить публичные извинения за то, что клеймили своих оппонентов пацифистами и германофилами. Партийные вожди всегда ищут сторонников достаточно преданных, чтобы по приказу и под кнутом партии смиренно выйти в коридор лобби через указанную дверь, а лидер за это обеспечивает им места на скамьях путем процедуры, получившей название - с шутливым намеком на карточную систему военного времени - "выдача купонов". Были случаи настолько гротескные, что я не могу говорить о них, не давая читателю возможности угадать имена участников, а это было бы непорядочно, так как обвинять их можно не более, чем тысячи других, которые по необходимости должны остаться неназванными. Общий результат был явно абсурден. И контингент избирателей, возмущенных делом собственных рук, немедленно ударился в противоположную крайность и на ближайших дополнительных выборах таким же дурацким большинством провалил всех "купонных" кандидатов. Но вреда от всеобщих выборов было уже не поправить. И правительству не только пришлось делать вид, будто оно предполагает воспользоваться своей победой в Европе (как оно обещало), но и в действительности делать это, то есть морить голодом противников, сложивших оружие. Короче говоря, оно победило на выборах, обязавшись действовать безжалостно, злобно, жестоко и мстительно, и оказалось, что ему не так легко увильнуть от этих обязательств, как оно увивало от обязательств более благородных. И, как я полагаю, это еще не конец. Ясно, однако, что наша бессмысленная кровожадность падет на головы союзников огромной тяжестью, и в результате жестокая необходимость вынудит нас принять участие в деле заживления ран Европы (которую мы ранили почти насмерть), а не довершать ее уничтожение.

ЙЕХУ И ЗЛАЯ ОБЕЗЬЯНА

Наблюдая эту картину состояния человечества, картину столь недавнюю, что отрицать ее правдивость нет никакой возможности, понимаешь Шекспира, сравнивающего человека со злой обезьяной, Свифта, изображающего его в виде йеху, укором которому служат высокие добродетели лошади, и Веллингтона, говорившего, что британцы не умеют прилично себя вести ни в победе, ни в поражении. Но никто из них троих не видел войну так, как видели ее мы. Шекспир порочил великих людей, когда говорил: "Если б великие люди умели громыхать, как Юпитер, то Юпитер никогда не знал бы покоя: ведь каждый офицерик, осердясь, гремел бы до самого неба, гремел бы и гремел". Что сказал бы Шекспир, увидев в руках у любого деревенского парня нечто гораздо более разрушительное, чем гром, а на Мессинском хребте обнаружил бы кратеры девятнадцати вулканов, которые взрывались бы там от нажима пальца? И даже если б то случился пальчик ребенка, последствия были бы ничуть не менее разрушительными? Возможно, Шекспир мог бы увидеть, как в какой-нибудь стратфордский домик ударила Юпитерова молния, и стал бы помогать тушить загоревшуюся соломенную крышу и растаскивать куски разваленной печной трубы. А что сказал бы он, посмотрев на Ипр, каков он теперь, или возвращаясь в Стратфорд, как возвращаются к себе

домой нынче французские крестьяне, увидел бы старый знакомый столб с надписью: "К Стратфорду, 1 миля" - и в конце этой мили не оказалось бы ничего, только несколько ям в земле да куски старой разбитой маслобойки здесь и там ? Может быть, вид того, что способна учинить злая обезьяна, наделенная такой властью разрушения, какая никогда не снилась Юпитеру, превзошел бы даже Шекспировы зрелища?

И все же разве не приходится сказать, что, подвергая такому напряжению человеческую природу, война губит лучшую ее часть, а худшую половину награждает дьявольской силой? Лучше было бы для нас, если бы она вовсе погубила ее. Тогда воинственные способы выбираться из затруднений стали бы недоступны нам и мы старались бы не попадать в них. Поистине "умереть не трудно", как сказал Байрон, и чрезвычайно трудно жить. Это объясняет, почему мир не только лучше войны, но и бесконечно труднее. Встречал ли какой-нибудь герой войны угрозу славной смерти мужественней, чем изменник Боло встретил неизбежность смерти позорной? Боло научил нас всех умирать: можем ли мы сказать, что он научил нас жить?

Теперь недели не проходит, чтобы какой-нибудь солдат, бесстрашно глядевший в глаза смерти на ратном поле и получивший ордена или особо отмеченный в приказах за отвагу, не вызывался бы в суд, так как он не устоял перед пустячным искушением мирного времени, оправдываясь лишь старой поговоркой, что-де "человеку надо жить". Когда кто-то, вместо того чтобы заниматься честной работой, предпочитает продать свою честь за бутылку вина, за посещение театра, за час, проведенный со случайной женщиной, и достигает всего этого путем предъявления недействительного чека - нам странно слышать, что этот самый человек мог отчаянно рисковать жизнью на поле сражения! И может быть, в конце концов, славная смерть дешевле славной жизни? Если же она не легче дается, почему она дается столь многим? Во всяком случае ясно: царство Владыки Мира и Спокойствия не наступило еще для нас. Его попытки вторжения встречали сопротивление более яростное, чем попытки кайзера. Как бы успешно ни было это сопротивление, оно нас обременяет в некотором роде задолженностью, которая не менее тягостна оттого, что у нас для нее нет цифр и что мы не собираемся по ней рассчитывать. Блокада, лишаящая нас "милости господней", становится со временем менее выносимой, чем другие блокады, лишаящие нас только сырья, и против этой блокады наша Армада бессильна. В Доме Налагающего на нас блокаду, по его словам, много помещений; но, боюсь, среди них нет ни Дома, где разбиваются сердца, ни Зала для верховой езды.

ПРОКЛЯТИЕ НА ОБА ВАШИ ДОМА!

Тем временем большевистские кирки и петарды подрывают фундаменты обоих этих зданий; и хотя сами большевики могут погибнуть под развалинами, их смерть не спасет этих построек. К несчастью, их можно отстроить заново. Как и Замок Сомнения, их много раз разрушали многие поколения Воинов Великодушия, но Глупость, Лениность и Самонадеянность, Слабоумие и Перепуг, и все присяжные заседатели Ярмарки Тщеславия опять отстраивали их. Одного поколения, прошедшего "Среднюю школу" в наших старинных закрытых учебных заведениях и в более дешевых обезьянничавших с них учреждениях, будет совершенно достаточно, чтобы оба эти дома действовали до следующей войны.

Для поучения тем поколениям я оставляю эти страницы в качестве хроники гражданской жизни, как она протекала во время войны, - ведь история об этом обычно умалчивает. К счастью, война была очень короткой. Правда, мнение, будто от протянется не более полугода, было в конечном счете с очевидностью опровергнуто. Как указывал сэр Дуглас Хэйг, каждое Ватерлоо в этой войне длилось не часы, а месяцы. Но не было бы ничего удивительного, если бы она длилась и тридцать лет. Если б не тот факт, что с помощью блокады удалось геройски уморить Европу голодом - чего не удалось бы добиться, будь Европа соответственным образом подготовлена к войне или даме к миру, - война тянулась бы до тех пор, пока враждующие стороны не утомились до того, что их нельзя было бы заставить воевать дальше. Учитывая ее размах, война 1914-1918 годов будет, конечно,

считаться самой короткой войной в истории. Конец наступил так неожиданно, что противники буквально споткнулись об него. И все же он наступил целым годом позже, чем ему следовало, так как воюющие стороны слишком боялись друг друга и не могли разумно разобраться в создавшемся положении. Германия, не сумевшая подготовиться к затейной ею войне, не сумела и сдаться прежде, чем была смертельно истощена. Ее противники, равным образом непредусмотрительные, находились так же близко к банкротству, как Германия к голодной смерти. Это был блеф, от которого потерпели обе стороны. И по всегдашней иронии судьбы, остается еще под вопросом, не выиграют ли в итоге побежденные Германия и Россия, ибо победители уже старательно заклепывают на себе оковы, которые они только что сбили с ног побежденных.

КАК ШЛИ ДЕЛА НА ТЕАТРЕ

Давайте теперь круто переведем наше внимание от европейского театра войны к театру, где бои идут не по-настоящему и где, едва опустится занавес, убитые, смыв с себя розовые раны, преспокойно отправляются домой и садятся ужинать. Прошло уже двадцать почти лет с тех пор, как мне пришлось в последний раз представить публике пьесу в виде книги, так как не было случая показать ее должным образом, поставив спектакль на театре. Война вернула меня к такому способу. "Дом, где разбиваются сердца" пока еще не достиг сцены. Я до сих пор задерживал пьесу, потому что война в корне изменила экономические условия, которые раньше давали в Лондоне возможность серьезной драме окупить себя. Изменились не театры, и не руководство ими, и не авторы, и не актеры, изменились зрители. Четыре года лондонские театры ежевечерне заполнялись тысячами солдат, приехавших в отпуск с фронта. Эти солдаты не были привычными посетителями лондонских театров. Одно собственное приключение из моего детства дало мне ключ к пониманию их положения. Когда я был еще маленьким мальчиком, меня однажды взяли в оперу. Тогда я не знал еще, что такое опера, хотя умел насвистывать оперную музыку, и притом в большом количестве. В альбоме у матери я не раз видел фотографии великих оперных певцов, большей частью в вечернем платье. В театре я оказался перед золоченым балконом, где все сидевшие были в вечернем платье, и их-то я и принял за оперных певцов и певиц. Среди них я облюбовал толстую смуглую даму, решил, что она и есть синьора Альбони, и все ждал, когда она встанет и запоет. Я недоумевал только, почему меня посадили спиной, а не лицом к певцам. Когда занавес поднялся, моему удивлению и восторгу не было предела.

СОЛДАТ НА ТЕАТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ

В 1915 году в театрах, в том же самом затруднительном положении, я видел людей в хаки. Каждому, кто, как и я, угадывал их душевное состояние, было ясно, что они раньше никогда не бывали в театре и не знали, что это такое. Раз в одном из наших больших театров-варьете я сидел рядом с молодым офицером, вовсе не каким-нибудь мужланом. Когда поднялся занавес и ему стало понятно, куда надо смотреть, он даже и тогда не уловил смысла драматической части программы. Он не знал, что ему делать в этой игре. Он понимал людей на сцене, когда они пели и танцевали или проделывали лихие гимнастические номера. Он не только все понимал, но и остро наслаждался, когда артист изображал, как кукарекают петухи и визжат поросята. Но когда люди представляли других людей и делали вид, будто размалеванная декорация позади них есть нечто реальное, он недоумевал. Сидя рядом с ним, я понял, до какой степени искушенным должен стать естественный человек, прежде чем условности театра окажутся для него легко приемлемыми или сделаются очевидной целью драмы.

Так вот, с того времени, когда наши солдаты стали пользоваться очередными отпусками, такие новички в сопровождении барышень (их называли "флапперз"), часто таких же наивных, как они сами, битком набивали театры. Сначала казалось почти невозможным подобрать для их насыщения достаточно грубый материал. Лучшие комедийные актеры мюзик-холлов рылись в памяти в поисках самых древних шуток и самых ребяческих проделок, стараясь обойти все, что было бы не по зубам военному зрителю. Я считаю, что поскольку дело касается новичков, то здесь многие заблуждались. Шекспир, или

драматизованные истории Джорджа Барнвела и Марии Мартин, или "Проклятый цирюльник с Флит-стрит" им бы очень понравились. Но новички в конце концов представляли собою меньшинство. Однако и развитой военный, который в мирное время не стал бы смотреть ничего, кроме самых передовых послеибсеновских пьес в самых изысканных постановках, теперь с удивлением обнаруживал, что ему страшно хочется глупых шуток, танцев и дурацких чувственных номеров, которые исполняют хорошенькие девушки. Автор нескольких самых мрачных драм нашего времени говорил мне, что после того, как он вытерпел столько месяцев в окопах и даже мельком не видел ни единой женщины своего круга, ему доставляет абсолютно невинное, но восхитительное удовольствие попросту смотреть на молоденькую девчонку. Состояние гиперэстезии, при котором происходила переоценка всех театральных ценностей, возникло как реакция после дней, проведенных на поле битвы. Тривиальные вещи обретали значимость, а устарелые - новизну. Актеру не приходилось избавлять зрителей от скуки и дурного настроения, загнавших их в театр в поисках развлечений. Ему теперь надо было только поддерживать блаженное ощущение у счастливых людей, которые вышли из-под огня, избавились от гнета армейской дисциплины и, вымытые и спокойные, готовы радоваться всему чему угодно, всему, что только могли предложить им стайка хорошеньких девушек и забавный комедиант или даже стайка девушек, лишь делающих вид, будто они хорошенькие, и артист, лишь делающий вид, будто он забавен.

В театрах в те времена каждый вечер можно было увидеть старомодные фарсы и комедии, в которых спальня с четырьмя дверьми с каждой стороны и распахнутым окном посередине считалась в точности схожей со спальнями в квартирах наверху и внизу, и во всех трех обитали пары, страдающие ревностью. Когда они приходили домой подвыпивши, путали свою квартиру с чужой и, соответственно, забирались в чужую постель - тогда не только новички находили возникавшие сложности и скандалы изумительно изобретательными и забавными. И не только их зеленые девчонки не могли удержаться от визга (удивлявшего даже самых старых актеров), когда джентльмен в пьяном виде влезал в окно и изображал, будто раздевается, а время от времени даже выставлял напоказ свою голую особу. Людям, только что прочитавшим в газете, что умирает Чарльз Уиндем, и при этом с грустью вспоминая о "Розовых домино" и последовавшем потоке фарсов и комедий дней расцвета этого замечательного актера (со временем все шутки подобного жанра устарели до такой степени, что вместо смеха стали вызывать тошноту), - этим ветеранам, когда они возвращались с фронта, тоже нравилось то, что они давно считали глупым и устарелым, как и новичкам нравилось то, что они считали свежим и остроумным.

КОММЕРЦИЯ В ТЕАТРЕ

Веллингтон сказал когда-то, что армия передвигается на брюхе. Так и лондонский театр. Прежде чем действовать, человек должен поесть. Прежде чем играть в пьесе, он должен уплатить за помещение. В Лондоне нет театров для блага народа: их единственная цель - приносить владельцу возможно более высокую ренту. Если квартиры, схожие с соседними, и кровати, похожие на соседские, приносят на две гиней больше, чем Шекспир, - по боку Шекспира, в дело вступают кровати и квартиры. Если бессмысленная стайка хорошеньких девочек и комик перевешивают Моцарта - по боку Моцарта.

UNSER SHAKESPEARE [Наш Шекспир (нем.)]

Перед войной делалась однажды попытка исправить положение и для этого, в ознаменование трехсотлетия со дня смерти Шекспира, хотели открыть государственный театр. Был создан комитет, и разные известные и влиятельные лица ставили свои подписи под пышным воззванием к нашей национальной культуре. Моя пьеса - "Смуглая леди сонетов" - была одним из следствий этого обращения. Результатом нескольких лет нашего труда была одна-единственная подписка на значительную сумму от некоего джентльмена из Германии. Мне хочется только сказать, как сказал тот знаменитый бранчливый возчик в анекдоте: когда от повозки, в которой лежало все его добро, на самой вершине холма отвалилась задняя доска и все содержимое покатило вниз, разбиваясь в мелкие дребезги,

он произнес лишь: "Не могу по достоинству оценить этого случая". И мы лучше не будем больше говорить об этом.

ВЫСОКАЯ ДРАМА ВЫХОДИТ ИЗ СТРОЯ

Можно представить теперь, как сказалась война на лондонских театрах: кровати и девичьи стайки изгнали из них высокую драму. Рента взлетела до невиданной цифры. В то же время на все, кроме билетов в театральные кассы, цены выросли вдвое, из-за чего и расходы на постановку поднялись так, что надеяться на прибыль можно было только при полном сборе на каждом спектакле. Без широкой рекламы нельзя было и надеяться, чтобы постановки хотя бы окупилась. Перед войной серьезная драма до известной степени могла существовать благодаря тому, что спектакль окупался, даже если по будням сбор оказывался половинным, в субботу же равнялся трем четвертям. Директор, если он был энтузиаст, трудился в поте лица и время от времени получал субсидию от какого-нибудь миллионера с художественными склонностями, да еще при некоторой доле редких и счастливых случайностей, благодаря которым пьесы серьезного рода тоже оказываются прибыльными, - при всех этих обстоятельствах директор был в состоянии продержаться несколько лет, а затем могла подоспеть и смена в лице другого энтузиаста. Именно так и не иначе произошло в начале столетия то замечательное возрождение британской драмы, которое и мою карьеру драматурга сделало возможной в Англии. В Америке я уже упрочил свое положение, не став при этом частью обычной театральной системы, - мое имя связывались в этой стране с исключительным гением Ричарда Мэнсфилда. В Германии и в Австрии я не встречался с трудностями: той драме, которой я занимался, там не давала умереть открытая поддержка театра двором и городскими управлениями. Так что я в долгу у австрийского императора за великолепные постановки моих пьес, в то время как единственным случаем официального внимания, оказанного мне британским двором, было заявление, доводившее до сведения всего мира, говорящего на английском языке, что некоторые из моих пьес не годятся для публичного исполнения. Существенным контрастом этому служило, однако, то обстоятельство, что британский двор, когда это касалось персонального посещения им моих пьес, не обращал никакого внимания на дурную характеристику, данную мне главным придворным чиновником.

Все-таки мои пьесы закрепились на лондонской сцене, и вскоре за ними последовали пьесы Гренвилл-Баркера, Гилберта Мюррея, Джона Мэнсфилда, Сент-Джона Хэнкина, Лоренса Хаусмена, Арнолда Беннета, Джона Голсуорси, Джона Дринкуотера и других, у кого в девятнадцатом веке было бы меньше шансов увидеть на сцене свою пьесу, чем диалоги Платона (не будем говорить о постановках древних афинских драм или о возвращении на сцену пьес Шекспира в их исконном виде - и тем и другим несказанно повезло!). Тем не менее факт постановки моих пьес стал возможным лишь благодаря поддержке театров, которая была почти вдвое больше того, что составляла рента и содержание их. В таких театрах пьеса, обращенная к сравнительно небольшой прослойке культурных людей и поэтому привлекавшая лишь от половины до трех четвертей того количества зрителей, какое привлекали более популярные зрелища, тем не менее могла держаться в руках молодых храбрецов, идущих на риск ради самой пьесы и которых годы и разные обязательства еще не заставляли задумываться над коммерческой стоимостью своего времени и энергии. Я уже рассказывал, как война выбила из-под ног эту опору. Расходы по содержанию самых дешевых вест-эндских театров поднялись до суммы, на двадцать пять процентов превышавшей максимальный доход, какой (как показала действительность) могла принести постановка серьезной драмы. И серьезная драма, никогда не представлявшая собою надежного коммерческого предприятия, теперь становилась невозможной. Соответственно делались попытки найти для нее пристанище в пригородных лондонских театрах и в репертуарных театрах в провинции. Но когда армия наконец возвратила нам оставшихся в живых (из поглощенного ею когда-то бравого отряда театральных пионеров), эти оставшиеся в живых увидели, что экономические условия, делавшие раньше их работу рискованной, теперь ее вовсе исключают, во всяком случае в пределах лондонского Вест-Энда.

ЦЕРКОВЬ И ТЕАТР

Не думаю, чтобы это многих беспокоило. Не так мы воспитаны, чтобы беспокоиться. И чувство национального значения театра не является врожденным: простой человек, как многие солдаты во время войны, не знает, что такое театр. Но заметьте, пожалуйста, все эти солдаты, не знавшие, что такое театр, знали, что такое церковь. Их учили уважать церковь. Никто не внушал им предубеждения, будто церковь - это место, где легкомысленные женщины показывают свои лучшие наряды, где истории о непорядочных женщинах, вроде жены Потифара, и эротические строки из "Песни Песней" читают во весь голос; где чувственная и сентиментальная музыка Шуберта, Мендельсона, Гуно и Брамса больше в чести, чем строгая музыка великих композиторов; где прекраснейшие из прекрасных изображений прекрасных святых на витражах пленяют воображение и чувства и где скульптура и архитектура спешат на помощь живописи. Никто никогда не напоминал им, что все это иногда вызывало такие вспышки эротического идолопоклонства, что иные люди, бывшие не только горячими приверженцами литературы, живописи и музыки, но и сами чрезвычайно отличавшиеся в области искусства, по-настоящему радовались, когда чернь и даже регулярные войска по прямому приказу калечили в церквях статуи, ломали органы и рвали ноты с церковной музыкой. Когда эти простые люди видели в церквях разбитые статуи, им говорили, будто это дело рук безбожников и мятежников, а не фанатиков (как это было в действительности!), стремившихся изгнать из храмов суету, плоть и дьявола, и отчасти - восставшего люда, доведенного до невыносимой нищеты, ибо храм давно стал пристанищем воров. Но все столь тщательно скрываемые в истории церкви грехи и искажения правды перелagались на плечи театра - на это душное, неудобное, мучительное место, где мы терпим столько неудобств в слабой надежде получить немного пищи для наших изголодавшихся душ. Когда немцы бомбили Реймский собор, весь мир оглашался воплями против такого святотатства. Когда они разбомбили театр "Литл" в Адельфи и едва не отправили на тот свет двух драматургов, живших в нескольких ярдах от него, о факте этом даже не упоминалось в газетах. Что касается воздействия на наши чувства, ни один когда-либо сооруженный театр не может равняться со святилищем в Реймсе; ни одна актриса не может соперничать по красоте с его Девой, и ни один оперный тенор не будет выглядеть иначе как шутком рядом с Давидом этого собора. Его витражи находят прекрасными даже те, кто видел витражи Шартра. Изумительны были даже его гротескные фигуры: поглядев на его левиафанов, кто стал бы глядеть на Блонден-Данки? Несмотря на созданное Адамом убранство, которому мисс Кингстоун посвятила столько внимания и вкуса, театр "Литл" в Адельфи по сравнению с Реймским собором выглядел мрачной пуританской молельней. С пуританской точки зрения, собор и в самом деле развращал, вероятно, целый миллион сластолюбцев, кроме одного, кто в раздумье уходил из театра "Литл", возвращаясь к своему честному ложу после "Волшебства" м-ра Честертон или "Les Avaries" ["Потерпевшие аварию" (франц.)] г-на Брие. Быть может, в этом настоящая причина, почему восхваляют церковь и порочат театр. Так или иначе, случилось, что дама, чьей общественной смелости и пониманию национального значения театра я обязан первым настоящим публичным представлением своей пьесы, должна была скрывать свои действия, словно это было преступление, а если бы она пожертвовала деньги на церковь, ее окружили бы ореолом. И я допускаю, как и всегда допускал, что такое положение вещей может быть вполне разумным. Я не раз спрашивал лондонцев, зачем они платят полгинеи за билет в театр, когда они могут пойти в собор святого Павла или в Вестминстерское аббатство бесплатно. Они отвечали только, что хотят видеть что-то новое и, может быть, даже что-то порочное. Но театры чаще всего разочаровывают их и в одном, и в другом. Если революция когда-нибудь сделает меня диктатором, я установлю высокую плату за вход в наши церкви. Но каждому, платящему у церковных дверей, будет выдаваться билет, по которому ему - или ей - будет предоставляться свободный вход на одно представление в любой театр, который он - или она - предпочтет. Так чувственное очарование церковной службы будет вынуждено субсидировать более серьезные достоинства драмы.

СЛЕДУЮЩАЯ ФАЗА

Настоящее положение не затянется надолго. Хотя газета, которую я читал за завтраком сегодня утром, прежде чем сесть писать эти строки, и содержит сообщение, что в настоящее время для обеспечения мира ведется не меньше чем двадцать три войны, Англия больше не ходит в хаки и начинается яростная реакция против грубой театральной пицци, какой кормили зрителя все эти страшные четыре года. Скоро оплата театральных помещений снова будет устанавливаться из предположения, что сбор не всегда бывает полным и даже что он в среднем не всегда будет половинным. Изменяются цены. Серьезная драма окажется не в более невыгодном положении, чем она была до войны. Она даже может выиграть, во-первых от того факта, что многие из нас распростились с призрачными- иллюзиями, в условиях которых раньше работал театр, и так жестоко столкнулись с миром самой суровой реальности и необходимости, что вскоре потеряли всякое доверие к театральным претензиям, не имеющим корней ни в реальности, ни в необходимости. Второй факт - поразительные перемены, произведенные войной в распределении доходов. Еще вчера человек, имевший 50000 фунтов годового дохода, считался миллионером. Сегодня, после того как он заплатит подоходный налог, сверхналог и застрахует свою жизнь на сумму налога на наследство, ему приходится радоваться, если его чистый доход составит 10 000 фунтов, хотя номинально его состояние останется прежним. И это результат бюджета, который называют "передышкой для богатых". С другой стороны, миллионы людей в первый раз в жизни стали получать регулярный доход; и эти люди одеваются, регулярно питаются, имеют жилище и учатся тому, что им надо решиться что-то сделать,- тоже в первый раз в их жизни. Сотни тысяч женщин выпущены теперь из своих домашних клеток и приобщились к дисциплине и самостоятельности. Беспечная и высокомерная средняя буржуазия получила весьма неприятный удар, дойдя до невиданного разорения. Все мы пережили страшное потрясение. И хотя уже выяснилось, что широко распространенная уверенность, будто военная встряска автоматически переделает все сверху донизу и пес не станет возвращаться к своей блевотине, а свинья к своей грязной луже, где она валялась, была обманчива, все же мы теперь гораздо лучше, чем прежде, сознаем свое положение и гораздо менее расположены соглашаться с ним. Революция, ранее бывшая либо бурной главой в истории, либо демагогической трескучей фразой, стала теперь возможностью столь близкой, что, только стараясь силой и клеветой подавить ее в других странах и называя это дело антибольшевизмом, нашему правительству удастся с трудом отсрочить революцию в Англии.

Быть может, самая трагическая фигура наших дней - американский президент, когда-то бывший историком. Тогда его задачей было твердить нам, как после великой войны в Америке (а она определенной, чем какая-либо другая война нашего времени, была войной за идею) победители повернули вспять, столкнувшись с героической задачей перестройки, и целых пятнадцать лет во зло использовали свою победу под тем предлогом, будто хотят завершить дело, которое сами же изо всех сил старались сделать невозможным. Увы! Гегель был прав, говоря, что история учит нас тому, что люди никогда ничему не учатся у истории. И когда мы - новые победители, - забывая все, за что, по нашим уверениям, мы воевали, садимся сейчас, облизываясь, за сытный обед и собираемся десять лет насыщаться своей мстостью над поверженным врагом и его унижением, угадать, с какой болью наблюдает это президент, могут только те, кто, подобно ему самому, знает, как безнадежны увещания и как повезло Линкольну, исчезнувшему с лица земли прежде, чем его пламенные воззвания стали клочком бумаги. Американский президент отлично знает, что, как он ни старайся, от мирной конференции ему не дожидаться эдикта, который он мог бы назвать "разумным суждением человечества и всеблаготворительностью господ бога". Он повел свой народ, чтобы уничтожить милитаризм в Севере; а армия, которую спасли американцы, сейчас в Кельне занимается тем, что сажает в тюрьму всякого немца, который не отдаст честь британскому офицеру. Правительство у себя в Англии на вопрос, одобряет ли оно это, отвечает, что этот "северизм" не предполагается упразднить даже после заключения мира; на самом же деле

оно надеется заставить немцев салютовать британским офицерам до скончания века. Вот что война делает с мужчинами и женщинами. Она забудется. И худшее, чем она грозит, уже оказывается практически невыполнимым. Но прежде чем униженные и сокрушающиеся души перестанут подвергаться унижению, президент и я - ведь мы одних лет - выживем из ума от старости. Между тем ему придется писать другую историю, мне же - ставить другую комедию. Может быть, для этого, в конце концов, и ведутся войны, для этого и существуют историки и драматурги. Раз люди не хотят учиться иначе, чем на уроках, писанных кровью, что ж, кровь они и получают, свою собственную преимущественно.

ПРИЗРАЧНЫЕ ТРОНЫ И ВЕЧНЫЙ ТЕАТР

Для театра это не будет иметь значения. Падут любые Бастилии, но театр устоит. Апостольский Габсбург обрушился. Высочайший Гогенцоллерн томится в Голландии под угрозой суда по обвинению в том, что воевал за свою страну с Англией; Имперский Романов погиб, говорят, жалкой смертью; он, возможно, и жив, а быть может и нет, о нем не вспоминают, как если б то был простой крестьянин; повелитель эллинов уравнился со своей челядью в Швейцарии; после короткой славы премьер-министры и главнокомандующие пали, как Солоны и Цезари, и уходят во тьму, наступая друг другу на пятки, словно потомки Банка. Но Еврипид и Аристофан, Шекспир и Мольер, Гете и Ибсен прочно занимают свои вечные троны.

КАК ВОЙНА ЗАСТАВЛЯЕТ МОЛЧАТЬ ДРАМАТУРГА

Что до меня, можно было бы спросить, пожалуй, разве я не написал двух пьес о войне, вместо двух памфлетов о ней? Ответ будет многозначен. Вы не можете вести войну с войной и со своим соседом одновременно. Война не терпит яростного бича комедии, не терпит безжалостного света смеха, ослепительно сверкающего со сцены. Когда люди героически умирают за свою родину, не время показывать их возлюбленным и женам, отцам и матерям, что они падают жертвою промахов, совершаемых болванами, жертвою жадности капиталистов, честолюбия завоевателей, выборной лихорадки демагогов, фарисейства патриотов, жертвою Похоти и Лжи, Злобы и Кровожадности, всегда потворствующих войне, потому что она отпирает двери их тюрем и усаживает их на троны власти и популярности. А если всех их безжалостно не разоблачать, они и на сцене будут укрываться под плащом идеалов, так же, как укрываются в реальной жизни.

И хотя для показа найдутся предметы и получше, для войны нецелесообразно было показывать все это, пока исход ее не определился. Говорить правду несовместимо с защитой государства. Мы сейчас читаем "откровения" наших генералов и адмиралов, с которых перемирие сняло наконец обет молчания. Генерал А во время войны в своих взволнованных донесениях с фронта рассказывал, как в таком-то и таком-то бою генерал Б покрыл себя бессмертной славой. Теперь генерал А рассказывает нам, как из-за генерала Б мы чуть не проиграли войну, так как он не выполнил в том случае приказов генерала А и сражался, а не отступил, как ему следовало. Прекрасный сюжет для комедии, вне всякого сомнения, - теперь, когда война окончена. Но если бы генерал А выболтал все это в свое время, как бы это подействовало на солдат генерала Б? И если бы со сцены стало известно, что премьер-министр и военный министр, под началом которых состоял генерал А, думали о нем, как бы это сказало на судьбе Англии? Вот почему, несмотря на острейшие искушения, из соображений лояльности комедии следовало тогда молчать. Ведь искусство драматурга не ведает патриотизма; не признает иных обязательств, кроме верности подлинной истории; ему нет дела, погибнет ли Германия или Англия; оно готово скорее крикнуть вместе с Брунгильдой: "Lass'uns verderben, lachend zu grunde geh'n", [Пусть мы падем, и, смеясь, погибнем (нем.)] чем обманывать или быть обманутым. И таким образом, во время войны искусство драматурга становится большей опасностью, чем яд, клинок или тринитротолуол. Вот почему я не должен был выпускать на сцену "Дом, где разбиваются сердца" во время войны: немцы в любой момент могли последний акт спектакля превратить из вымысла в реальность и не стали бы, пожалуй, дожидаться подсказки из будки суфлера.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ясный сентябрьский вечер. Живописный гористый пейзаж северного Сусекса открывается из окон дома, построенного наподобие старинного корабля с высокой кормой, вокруг которой идет галерея. Окна в виде иллюминаторов, обшитые досками, идут вдоль всей стены настолько часто, насколько это позволяет ее устойчивость. Ряд шкафчиков под окнами образует ничем не обшитый выступ, прерывающийся примерно не середине, между ахтерштевнем и бортами, двухстворчатой стеклянной дверью. Вторая дверь несколько нарушает иллюзию, она приходится как бы по левому борту корабля, но ведет не в открытое море, как ей подобало бы, а в переднюю. Между этой дверью и галереей стоят книжные полки. У двери, ведущей в переднюю, и у стеклянной двери, которая выходит на галерею, - электрические выключатели. У стены, изображающей правый борт, - столярный верстак, в тисках его закреплена доска. Пол усеян стружками, ими же доверху наполнена корзина для бумаги. На верстаке лежат два рубанка и коловорот. В этой же стене, между верстаком и окнами, узкий проход с низенькой дверцей, за которой видна кладовая с полками; на полках бутылки и кухонная посуда.

На правом борту, ближе к середине, дубовый чертежный стол с доской, на которой лежат рейшина, линейки, угольники, вычислительные приборы; тут же блюдечки с акварелью, стакан с водой, мутной от красок, тушь, карандаши и кисти. Доска положена так, что окно приходится с левой стороны от стула чертежника. На полу, справа от стола, корабельное кожаное пожарное ведро. На левом борту, рядом с книжными полками, спинкой к окнам, стоит диван; это довольно массивное сооружение из красного дерева престранно покрыто вместе с изголовьем брезентом, на спинке дивана висят два одеяла. Между диваном и чертежным столом, спинкой к свету, большое плетеное кресло с широкими подлокотниками и низкой покатой спинкой; у левой стены, между дверью и книжной полкой, - небольшой, но добротный столик тикового дерева, круглый, с откидной крышкой. Это единственный предмет убранства в комнате, который - впрочем, отнюдь не убедительно - позволяет допустить, что здесь участвовала и женская рука. Голый, из узких досок. ничем не покрытый пол проконопачен и начищен пемзой, как палуба.

Сад, куда ведет стеклянная дверь, спускается на южную сторону, а за ним уже виднеются склоны холмов. В глубине сада возвышается купол обсерватории. Между обсерваторией и домом - маленькая эспланада, на ней флагшток; на восточной стороне эспланады висит гамак, на западной стоит длинная садовая скамья.

Молодая девушка, в шляпе, перчатках и плаще, сидит на подоконнике, повернувшись всем телом, чтобы видеть расстилающийся за окном пейзаж. Она сидит, опершись

подбородком на руку, свесив небрежно другую руку, в которой она держит томик Шекспира, заложив палец на той странице, где она читала. Часы бьют шесть.

Молодая девушка поворачивается и смотрит на свои часы. Она встает с видом человека, который давно ждет и уже выведен из терпения. Это хорошенькая девушка, стройная, белокурая, с вдумчивым лицом, она одета очень мило, но скромно, - по всей видимости, это не праздная модница. Со вздохом усталой покорности она подходит к стулу у чертежного стола, садится, начинает читать Шекспира. Постепенно книга опускается на колени, глаза девушки закрываются, и она засыпает.

Пожилая служанка входит из передней с тремя неоткупоренными бутылками рома на подносе. Она проходит через комнату в кладовую, не замечая молодой девушки, и ставит на полку бутылки с ромом, а с полки снимает и ставит на поднос пустые бутылки. Когда она идет обратно, книга падает с колен гостьи, девушка просыпается, а служанка от неожиданности так вздрагивает, что чуть не роняет поднос.

Служанка. Господи помилуй!

Молодая девушка поднимает книгу и кладет на стол.

Простите, что я разбудила вас, мисс. Только я что-то вас не знаю. Вы кого же здесь ждете? Девушка. Я жду кого-нибудь, кто бы дал мне понять, что в этом доме знают о

том, что меня сюда пригласили. Служанка. Как, вы приглашены? И никого нет? Ах ты господи! Девушка. Какой-то сердитый старик подошел и посмотрел в окно. И я слышала,

как он крикнул: "Няня, тут у нас на корме молоденькая хорошенькая женщина, подите-ка узнайте, что ей нужно". Это вы няня? Служанка. Да, мисс. Я няня Гинес. А это, значит, был старый капитан Шотовер,

отец миссис Хэшебай. Я слышала, как он кричал, но я подумала, что он насчет чего-нибудь другого. Верно, это миссис Хэшебай вас и пригласила, деточка моя? Девушка. По крайней мере, я так поняла. Но, пожалуй, мне, право, лучше уйти. Няня. Нет, что вы, бросьте и думать об этом, мисс. Если даже миссис Хэшебай и забыла, так это будет для нее приятный сюрприз. Девушка. Признаться, для меня это был довольно неприятный сюрприз, когда я

увидела, что меня здесь не ждут. Няня. Вы к этому привыкнете, мисс. Наш дом полон всяческих сюрпризов для того, кто не знает наших порядков.

Капитан Шотовер неожиданно заглядывает из передней; это еще вполне крепкий старик с громадной белой бородой; он в бушлате, на шее висит свисток.

Капитан Шотовер. Няня, там прямо на лестнице валяются портплед и саквояж; по-видимому, брошены нарочно для того, чтобы каждый о них спотыкался. И еще теннисная ракетка. Что за дьявол все это набросал? Девушка. Боюсь, что это мои вещи. Капитан Шотовер (подходит к чертежному столу). Няня, кто эта заблудившаяся юная особа? Няня. Они говорят, мисс Гэсси пригласила их, сэр. Капитан Шотовер. И нет у нее, бедняжки, ни родных, ни друзей, которые могли

бы ее предостеречь от приглашения моей дочери? Хорошенький у нас дом, нечего сказать! Приглашают юную привлекательную леди, вещи ее полдня валяются на лестнице, а она здесь, на корме, предоставлена самой себе усталая, голодная, брошенная. Это у нас называется гостеприимством!

Хорошим тоном! Ни комнаты не приготовлено, ни горячей воды. Нет хозяйки, которая бы встретила. Гостье, по-видимому, придется ночевать под навесом и идти умываться на пруд. Няня. Хорошо, хорошо, капитан. Я сейчас принесу мисс чаю, и пока она будет

пить чай, комната будет готова. (Обращается к девушке.) Снимите, душенька, шляпку. Будьте как дома. (Идет к двери в переднюю.) Капитан Шотовер (когда няня проходит мимо него). "Душенька"! Ты воображаешь, женщина, что, если эта юная особа оскорблена и оставлена на произвол судьбы, ты имеешь право обращаться к ней так, как ты обращаешься к моим несчастным детям, которых ты вырастила в полнейшем пренебрежении к приличиям? Няня. Не обращайтесь на него внимания, деточка. (С невозмутимым спокойствием

проходит в переднюю и направляется в кухню.) Капитан Шотовер. Окажите мне честь, сударыня, сообщите, как вас зовут?

(Усаживается в большое плетеное кресло.) Девушка. Меня зовут Элли Дэн. Капитан Шотовер. Дэн... Был у меня как-то давно боцман, который носил фамилию Дэн. Он, в сущности, был китайским пиратом, потом открыл лавочку, торговал всякой корабельной мелочью; и у меня есть полное основание полагать, что все это он украл у меня. Можно не сомневаться, что он разбогател. Так вы - его дочь? Элли (возмущенная). Нет. Конечно нет! Я с гордостью могу сказать о своем

отце, что хотя он и не преуспел в жизни, зато ни одна душа не может сказать про него ничего дурного. Я считаю, что мой отец - лучший из людей. Капитан Шотовер. Должно быть, он очень переменился. Не достиг ли он седьмой

степени самосозерцания? Элли. Я вас не понимаю. Капитан Шотовер. Но как это ему удалось, если у него есть дочь? У меня,

видите ли, сударыня, две дочери. Одна из них Гесиона Хэшебай, которая вас сюда пригласила. Я вот стараюсь поддерживать порядок в этом доме, а она его переворачивает вверх дном. Я стремлюсь достигнуть седьмой степени самосозерцания, а она приглашает гостей и предоставляет мне занимать их.

Няня возвращается с чайным подносом и ставит его на тиковый столик.

Есть у меня еще дочь, которая, слава богу, находится в весьма отдаленной части нашей империи со своим чурбаном мужем. Когда она была маленькой, она считала резную фигуру на носу моего корабля, который назывался "Неустрасимый", самой прекрасной вещью на свете. Ну, а ее жених несколько напоминал эту фигуру. У него было точь-в-точь такое же выражение лица: деревянное, но в то же время предприимчивое. Вышла за него замуж. И ноги ее больше не будет в этом доме. Няня (подвигает столик с чайным прибором к столу). Вот уж, можно сказать, вы

маху дали. Как раз она сию минуту в Англии. Вам уже три раза на этой неделе говорили, что она едет домой на целый год, для поправления здоровья. И вы должны бы радоваться, что увидите свою родную дочь после стольких лет разлуки. Капитан Шотовер. А я нисколько не радуюсь. Естественный срок привязанности

человеческого животного к своему детенышу - шесть лет. Моя дочь Ариадна родилась, когда мне было сорок шесть, сейчас мне восемьдесят восемь. Если она явится сюда, меня нет дома. Если ей что-нибудь нужно, пусть берет. Если она будет спрашивать обо мне - внушите ей, что я дряхлый старик и совершенно ее не помню. Няня. Ну что это за разговоры при молодой

девушке! Нате, душечка, выпейте

чайку. И не слушайте его. (Наливает чашку чаю.) Капитан Шотовер (гневно поднимаясь). Силы небесные! Они поят невинного

ребенка индийским чаем, этим зельем, которым они дубят свои собственные кишки. (Хватает чашку и чайник и выливает все в кожаное ведро.) Элли (чуть не плача}. Ах, прошу вас, я так устала. И мне так хотелось пить. Няня. Ну что же это вы делаете! Глядите, ведь бедняжка едва на ногах держится. Капитан Шотовер. Я вам дам моего чаю. И не прикасайтесь к этому обсиженному

мухами сухарю. Этим только собак кормить. (Исчезает в кладовой.) Няня. Ну что за человек! Недаром говорят, будто б он, перед тем как его

произвели в капитаны, продал душу черту там, на Занзибаре. И чем он старше становится, тем я все больше этому верю.

Женский голос из передней: "Есть кто-нибудь дома?"

Гесиона! Няня! Папа! Да пойдите же вы кто-нибудь сюда.

Возьмите мои вещи". Слышен глухой стук, словно кто-то

бьет зонтиком по деревянной панели.

Няня. Господи ты боже мой! Это мисс Эдди. Леди Этеруорд, сестра мисс Хэшебай. Та самая, о которой я говорила капитану. (Откликается.) Иду, мисс, иду!

Она ставит столик обратно на место около двери и поспешно идет к выходу, но сталкивается с леди Этеруорд, которая врывается в комнату в страшном волнении. Леди Этеруорд - очень красивая, прекрасно одетая блондинка. У нее такие стремительные манеры и она так быстро говорит, что с первого взгляда производит ошибочное впечатление смешной и глуповатой.

Леди Этеруорд. Ах, это ты, няня. Как поживаешь? Ты ни чуточки не постарела.

Что, никого нет дома? А где Гесиона? Разве она меня не ждет? Где прислуга? А чей это багаж там на лестнице? Где папа? Может быть, все спать легли? (Замечает Элли.) Ах, простите, пожалуйста. Вы, верно, одна из моих племянниц. (Подходит к ней с раскрытыми объятиями.) Поцелуйте

свою тетю, душечка. Элли. Я здесь только гостя. Это мои вещи на лестнице. Няня. Я сейчас пойду принесу вам, душечка, свежего чайку. (Берет поднос.) Элли. Но ведь старый джентльмен сказал, что он сам приготовит чай. Няня. Да бог с вами! Он уже и позабыл, за чем пошел. У него все в голове

мешается да с одного на другое перескакивает. Леди Этеруорд. Это о папе? Няня. Да, мисс. Леди Этеруорд (сердито). Не будь дурой, нянька, не смей называть меня мисс. Няня (спокойно). Хорошо, милочка. (Уходит с подносом.) Леди Этеруорд (стремительно и шумно опускается на диван). Представляю себе,

что вы должны испытывать. Ах этот дом! Я возвращаюсь сюда через двадцать три года. И он все такой же: вещи валяются на лестнице; невыносимо распущенная прислуга; никого дома; гостей принять некому; для еды нет никаких установленных часов; и никто никогда и есть не хочет, потому что вечно все жуют хлеб с маслом или грызут яблоки. Но самое ужасное - это тот же хаос и в мыслях, и в чувствах, и в разговорах. Когда я была маленькая, я по привычке не замечала этого просто потому, что я ничего другого и не видела, - но я чувствовала себя несчастной. Ах, мне уже и тогда хотелось, мне так хотелось быть настоящей леди, жить как все другие, чтобы не приходилось обо всем думать самой. В девятнадцать лет я вышла замуж, лишь бы вырваться отсюда. Мой муж, сэр Гастингс Этеруорд, был губернатором всех колоний британской короны по очереди. Я всегда была хозяйкой правительственной

резиденции. И я была счастлива. Я просто забыла, что люди могут жить вот так. Но мне захотелось повидать отца, сестру, племянников и племянниц - когда-то же это приходится делать, вы сами понимаете. Я просто мечтала об этом. И вот в каком состоянии я нахожусь родительский дом! Как меня принимают! Невозмутимая наглость этой Гинес, нашей старой няньки. И право же, Гесиона могла бы хоть дома-то быть; могли бы они хоть что-нибудь для меня приготовить. Вы уж простите меня, что я так разоткровенничалась, но я в самом деле ужасно расстроена, обижена и разочарована. Если бы я только знала, что так будет, я бы не поехала сюда. У меня большое искушение повернуться и уехать, не сказав им ни слова. (Чуть не плачет.) Элли (тоже очень огорченная). Меня тоже никто не встретил.

Мне тоже кажется,

что лучше уехать. Но как это сделать, леди Этеруорд! Вещи мои на лестнице, дилижанс уже уехал.

Из кладовой появляется капитан Шотовер, у него в руках лакированный китайский поднос с очень красивым чайным прибором. Он ставит его сначала на край стола, стаскивает чертежную доску на пол и прислоняет ее к ножке стола, а затем подвигает поднос на середину. Элли с жадностью наливает чай.

Капитан Шотовер. Вот вам чай, юная леди! Как? Еще одна дама? Надо еще чашку принести. (Направляется к кладовой.) Леди Этеруорд (поднимается с дивана, задыхаясь от волнения). Папа, что же

ты, не узнаешь меня? Я твоя дочь. Капитан Шотовер. Глупости. Моя дочь спит наверху. (Исчезает в дверях.)

Леди Этеруорд отходит к окну, чтобы не видно было, что она плачет.

Элли (подходит к ней с чашкой в руках). Не огорчайтесь так. Вот выпейте чашку чаю. Он очень старый и ужасно странный. Вот так же он и меня встретил. Я понимаю, что это ужасно. Мой отец для меня все на свете. Я уверена, он это не нарочно.

Капитан Шотовер возвращается с чашкой.

Капитан Шотовер. Ну вот, теперь на всех хватит. (Ставит чашку на поднос.) Леди Этеруорд (истерическим голосом). Папа, но ты же не мог забыть меня. Я

Ариадна. Маленькая Пэдди Пэткинс. Что же ты даже не поцелуешь меня?

(Бросается к нему на шею.) Капитан Шотовер (стоически перенося ее объятия). Как это может стать,

чтобы вы были Ариадной? Вы, сударыня, женщина в годах. Прекрасно сохранившаяся женщина, но уже немолодая. Леди Этеруорд. Да ты вспомни, сколько лет ты меня не видел, папа. Ведь я же

должна была стать старше, как и все люди на свете. Капитан Шотовер (высвобождаясь из объятий). Да, пора бы уж вам почувствовать

себя постарше и перестать бросаться на шею к незнакомым мужчинам. Может быть, они стремятся достигнуть седьмой степени самосозерцания. Леди Этеруорд. Но я твоя дочь! Ты не видел меня столько лет! Капитан Шотовер. Тем более. Когда наши родственники дома, нам приходится

постоянно помнить об их хороших качествах,- иначе их невозможно было бы выносить. Но когда их нет с нами, мы утешаем себя в разлуке тем, что вспоминаем их пороки. Вот так-то я и привык считать мою отсутствующую дочь Ариадну сущим дьяволом. Так что не пытайтесь снискать наше расположение, выдавая себя за нее. (Решительным шагом уходит на другой конец комнаты.) Леди Этеруорд. Снискать расположение... Нет, это уж в самом деле...

(С

достоинством.) Прекрасно! (Садится к чертежному столу и наливает себе чашку чаю.) Капитан Шотовер. Я, кажется, плохо выполняю свои хозяйские обязанности. Вы

помните Дэна? Вилли Дэна? Леди Этеруорд. Этого гнусного матроса, который ограбил тебя? Капитан Шотовер (представляя ей Элли). Его дочь. (Садится на диван.) Элли (протестуя). Да нет же!

Входит няня со свежим чаем.

Капитан Шотовер. Унесите вон это пойло. Слышите? Няня. А ведь действительно приготовил чай. (Элли.) Скажите, мисс, как это он

про вас не забыл? Видно, вы произвели на него впечатление. Капитан Шотовер (мрачно). Юность! Красота! Новизна! Вот чего недостает в

этом доме. Я глубокий старик. Гесиона весьма относительно молода. А

дети ее не похожи на детей. Леди Этеруорд. Как дети могут быть детьми в этом доме?

Прежде чем мы

научились говорить, нас уже пичкали всякими идеями, которые, может быть, очень хороши для языческих философов лет под пятьдесят, но отнюдь не подобают благопристойным людям в каком бы то ни было возрасте. Няня. Помню, вы и раньше всегда говорили о благопристойности, мисс Эдди. Леди Этеруорд. Няня, потрудитесь запомнить, что я леди Этеруорд, а не мисс

Эдди, и никакая не деточка, не цыпочка, не крошечка. Няня. Хорошо, душенька. Я скажу всем, чтобы они называли вас миледи. (С

невозмутимым спокойствием берет поднос и уходит.) Леди Этеруорд. И это называется удобство! Какой смысл держать в доме такую

неотесанную прислугу? Элли (встает, подходит к столу и ставит пустую чашку). Леди Этеруорд, как

вам кажется, миссис Хэшебай на самом деле ждет меня или нет? Леди Этеруорд. Ах, не спрашивайте. Вы ведь сами видите, я только что

приехала - единственная сестра, после двадцати трех лет разлуки, - и по всему видно, что меня здесь не ждали. Капитан Шотовер. А какое это имеет значение, ждали эту юную леди или не

ждали? Ей здесь рады. Есть кровать, есть еда. И я сам приготовлю ей комнату. (Направляется к двери.) Элли (идет за ним, пытаясь остановить его). Ах, пожалуйста, прошу вас...

Капитан уходит.

Леди Этеруорд, я просто не знаю, что мне делать. Ваш отец, по-видимому, твердо убежден, что мой отец - это тот самый матрос, который его ограбил. Леди Этеруорд. Лучше всего сделать вид, что вы этого не замечаете. Мой отец очень умный человек, но он вечно все забывает. А теперь, когда он так стар, разумеется, это еще усилилось. И надо вам сказать, иной раз очень трудно бывает поверить всерьез, что он действительно забыл.

Миссис Хэшебай стремительно вбегает в комнату и обнимает Элли. Она на год, на два старше леди Этеруорд и, пожалуй, даже еще красивей. У нее прекрасные черные волосы, глаза как колдовские озера и благородная линия шеи, короткая сзади и удлиняющаяся меж ключицами. Она, в отличие от сестры, в роскошном халате из черного бархата, который оттеняет ее белую кожу и скульптурные формы.

Миссис Хэшебай. Элли! Душечка моя, детка! (Целует ее.) Давно ли вы здесь? Я все время дома. Я ставила цветы и убирала вашу комнату. И только на минуточку присела, чтобы посмотреть, удобно ли я вам поставила кресло,

как сразу и задремала. Папа разбудил меня и сказал, что вы здесь.

Представляю себе, что вы почувствовали, когда вас никто не встретил и вы очутились здесь совсем одна и думали, что про вас забыли. (Снова целует ее.) Бедняжка! (Сажает Элли на диван.)

В это время Ариадна отходит от стола и направляется к ним, желая обратить на себя внимание.

Ах, вы приехали не одна? Познакомьте меня. Леди Этеруорд. Гесиона, может ли это быть, что ты не узнаешь меня? Миссис Хэшебай (со светской учтивостью). Разумеется, я прекрасно помню ваше

лицо. Но где мы с вами встречались? Леди Этеруорд. Да разве папа не сказал тебе, что я здесь? Нет, это уж

чересчур. (В негодовании бросается в кресло.) Миссис Хэшебай. Папа? Леди Этеруорд. Да, папа. Наш папа! Негодная ты, бесчувственная кукла!

(Возмущенная, поднимается.) Сию минуту уезжаю в гостиницу. Миссис Хэшебай (хватает ее за плечи). Господи боже мой! Силы небесные!

Неужели это Эдди? Леди Этеруорд. Ну конечно я Эдди. И не настолько уж я изменилась, чтобы ты

не узнала меня, если бы хоть немножко любила. А папа, по-видимому, даже не считал нужным и упомянуть обо мне. Миссис Хэшебай. Вот так история! Садись.

(Толкает ее обратно в кресло,

вместо того чтобы обнять, и становится позади.) Но у тебя прекрасный вид! Ты стала гораздо красивее, чем была. Ты, конечно, познакомилась с Элли? Она собирается выйти замуж за настоящего борова, миллионера.

Жертвует собой, чтобы спасти отца, который беден, как церковная мышь.

Ты должна мне помочь уговорить ее, чтобы она этого не делала. Элли. Ах, пожалуйста, не надо, Гесиона. Миссис Хэшебай. Душенька, этот субъект сегодня приедет сюда с вашим отцом и

будет приставать к вам. Не пройдет и десяти минут, как всем все станет

ясно. Так зачем же делать из этого тайну? Элли. Он совсем не боров, Гесиона. Вы не знаете, как он был добр к моему

отцу и как я ему благодарна. Миссис Хэшебай (обращается к леди Этеруорд). Ее отец замечательный человек,

Эдди. Его зовут Мадзини Дэн. Мадзини был знаменитостью, и это был близкий знакомый Эллиных бабушки и дедушки. А они были поэты - ну, как

Браунинги... И когда Эллин отец появился на свет, Мадзини сказал: "Вот еще один солдат свободы". Так они его и называли Мадзини. И он тоже

по-своему борется за свободу, поэтому-то он так и беден. Элли. Я горжусь тем, что он беден. Миссис Хэшебай. Ну конечно, душечка. Но почему же не оставить его в этой

бедности и не выйти за того, кого вы любите? Леди Этеруорд (внезапно вскакивает, не владея собой). Гесиона, ты меня

поцелуешь или нет? Миссис Хэшебай. А зачем это тебе нужно, чтобы тебя целовали?

Леди Этеруорд. Мне не нужно, чтобы меня целовали, но мне нужно, чтобы ты вела себя как подобает. Мы сестры, мы не виделись двадцать три года. Ты

должна меня поцеловать. Миссис Хэшебай. Завтра утром, дорогая моя. Прежде, чем ты намажешься.

Терпеть не могу, когда пахнет пудрой. Леди Этеруорд. Бесчувственная...

Ее прерывает вернувшийся капитан.

Капитан Шотовер (обращаясь к Элли). Комната вам готова.

Элли встает.

Простыни были совершенно сырые, но я переменял их. (Идет на левый борт, к двери в сад.) Леди Этеруорд. Хм... А как мои простыни? Капитан Шотовер (останавливаясь в двери). Могу вам дать совет - проветрите

их или просто снимите и спите завернувшись в одеяло. Вы будете спать в прежней комнате Ариадны. Леди Этеруорд. Ничего подобного. В этой жалкой каморке? Я имею право

рассчитывать на лучшую комнату для гостей. Капитан Шотовер (невозмутимо продолжает). Она вышла замуж за чурбана. Она

говорила, что готова выйти за кого угодно, лишь бы вырваться из дому. Леди Этеруорд. Ты, по-видимому, просто притворяешься, что не узнаешь меня. Я ухожу отсюда.

Из передней входит Мадзини Дэн. Это маленький пожилой человек, глаза навывкате, доверчивый взгляд, степенные манеры. Он в синем саржевом костюме и в расстегнутом макинтоше. В руках мягкая черная шляпа, вроде тех, что носят священники.

Элли. Наконец-то! Капитан Шотовер, вот мой отец. Капитан Шотовер. Этот? Чепуха! Ни капельки не похож. (Выходит в сад, сердито

хлопнув дверью.) Леди Этеруорд. Я не допущу, чтобы меня умышленно не замечали и делали вид,

что принимают за кого-то другого. Я пойду и сию же минуту объяснюсь с папой. (Мадзини.) Простите, пожалуйста. (Уходит за капитаном, небрежно на ходу кивая Мадзини, который на ее кивок отвечает поклоном.) Миссис Хэшебай (радушно пожимая руку Мадзини). Как это мило с вашей стороны,

что вы приехали, мистер Дэн. Вы не обижаетесь на папу, не правда ли? Он у нас совсем сумасшедший, но абсолютно безобидный. И при этом необыкновенно умный. Вы еще побеседуете с ним, и с большим удовольствием. Мадзини. Я надеюсь. (Элли.) А вот и ты, Элли, милочка. (С нежностью берет ее

под руку.) Я вам очень признателен, миссис Хэшебай, за то, что вы так добры к моей дочери. Боюсь, что у нее не получилось бы никакого праздника, если бы не ваше приглашение. Миссис Хэшебай. Да нет, что вы. Это так мило с ее стороны, что она к нам

приехала, она будет привлекать сюда молодых людей. Мадзини (улыбаясь). Боюсь, что Элли мало интересуется молодыми людьми,

миссис Хэшебай. В ее вкусе скорее положительные, серьезные люди. Миссис Хэшебай (с внезапной резкостью). Может быть, вы снимете пальто,

мистер Дэн? Там, в углу в передней - шкаф для пальто, шляп и всего прочего. Мадзини (поспешно выпуская руку Элли). Да, благодарю вас. Мне, конечно, надо

было... (Уходит.) Миссис Хэшебай (выразительно). Старая скотина! Элли. Кто? Миссис Хэшебай. Кто! Да он - вот этот, он самый. (Показывает пальцем вслед

Мадзини.) "Положительные, серьезные"... скажите! Элли (пораженная).

Неужели это может быть, чтобы вы сказали так о моем отце! Миссис Хэшебай. Сказала. И вы это отлично знаете. Элли (с достоинством). Я немедленно ухожу из вашего дома. (Поворачивается к

двери.) Миссис Хэшебай. Если вы только посмеете, я сейчас же доложу вашему отцу, почему вы это сделали. Элли (оборачиваясь). Но как вы можете так обращаться с вашим гостем, миссис

Хэшебай? Миссис Хэшебай. Мне казалось, что вы зовете меня Гесиона. Элли. Теперь - конечно нет. Миссис Хэшебай. Отлично. Я все расскажу вашему отцу. Элли (огорченная).

Ах! Миссис Хэшебай. Если вы только двинете пальцем, если только хоть на минуту станете на его сторону, против меня и против вашего собственного

сердца... я поговорю с этим прирожденным солдатом свободы так, что он

потом целую неделю будет стоять на голове, этот старый эгоист. Элли. Гесиона! Мой

отец эгоист? Как мало вы знаете...

Ее прерывает Мадзини, который возвращается, запыхавшийся и взволнованный.

Мадзини. Элли! Менген приехал. Я думал, может быть, лучше тебя предупредить.

Простите меня, миссис Хэшебай, этот престранный старый джентльмен... Миссис Хэшебай. Папа? Вполне согласна с вами. Мадзини. Ах, простите... Ну да, разумеется. Меня несколько смутило его

обращение. Он заставил Менгена что-то там делать в саду. И требует, чтобы и я тоже...

Раздается громкий свисток. Голос капитана: "Боцман, наверх!" Снова громкий свисток.

Мадзини (растерянно). О господи, мне кажется, это он меня зовет... (Поспешно выбегает.) Миссис Хэшебай. Вот мой отец - это действительно замечательный человек!

Элли. Гесиона, выслушайте меня. Вы просто не понимаете. Мой отец и мистер Менген были еще детьми, и мистер Мен... Миссис Хэшебай. Мне совершенно все равно, чем они были. Только давайте лучше

сядем, если вы собираетесь начать так издали. (Обнимает Элли за талию и усаживает на диван рядом с собой.) Ну, душенька, рассказывайте мне

все про этого мистера Менгена. Его все зовут Босс Менген, хозяин Менген, правда? Настоящий Наполеон промышленности и отвратительно

богат. Верно я говорю? А почему же отец ваш не богат? Элли. Да папе вовсе не следовало бы заниматься коммерческими делами. Его

отец и мать были поэты. Они внушали ему самые возвышенные идеи. Только у них не хватило средств, чтобы дать ему законченное образование. Миссис Хэшебай.

Воображаю себе ваших дедушку и бабушку, как они во вдохновенном экстазе закатывают глаза... Итак, значит, вашему бедному отцу пришлось заняться коммерцией. И он не преуспел в этом? Элли. Он всегда говорил, что добился бы успеха, если бы у него был

какой-нибудь капитал. А он всю жизнь едва сводил концы с концами, только чтобы не оставить нас без крова и дать нам хорошее воспитание. И

вся его жизнь - это была сплошная борьба. Вечно одно и то же - нет денег. Я просто не знаю, как вам это рассказать. Миссис Хэшебай. Бедняжка Элли! Я

понимаю. Вечно изворачиваться... Элли (уязвленная). Нет, нет, совсем не так. Он, во всяком случае, никогда не

терял достоинства. Миссис Хэшебай. А это еще трудней. Я бы не могла изворачиваться и при этом

сохранять достоинство. Я бы изворачивалась не щадя себя (сжав зубы), не щадя. Ну хорошо, а дальше? Элли. Наконец все-таки пришло время, когда нам стало

казаться, что все наши

несчастья кончились: мистер Менген из чистой дружбы и из уважения к моему отцу совершил необыкновенно благородный поступок - он спросил

папу, сколько ему нужно денег, и дал ему эти деньги. И знаете, он не то чтобы дал их ему взаймы или, как говорится, вложил в его дело, - нет,

он просто подарил их ему! Разве это не замечательно с его стороны? Миссис Хэшебай.

При условии, что вы будете его женой? Элли. Ах, да нет, нет, нет! Я еще тогда была совсем маленькая. Он даже меня

и в глаза не видел. Он тогда еще и не бывал у нас в доме. Он сделал это

совершенно бескорыстно. Из чистого великодушия. Миссис Хэшебай. О, в таком случае прошу прощения у этого джентльмена. Так.

Ну и что же случилось с этими деньгами? Элли. Мы все оделись с ног до головы и переехали в другой дом. Меня отдали в

другую школу, и я училась там два года. Миссис Хэшебай. Только два года? Элли. Да.

Вот и все. Потому что через два года оказалось, что мой отец совершенно разорен. Миссис Хэшебай. Как же это так? Элли. Не знаю. Никогда не могла понять. Только это было ужасно. Пока мы были бедны, у отца не было долгов, но как только он стал ворочать большими делами, ему пришлось брать на себя всякие обязательства. И вот, когда все предприятие ликвидировалось, то вышло как-то так, что долгов у него оказалось больше, чем то, что ему дал мистер Менген. Миссис Хэшебай. По-видимому, цапнул больше, чем мог проглотить. Элли. Мне кажется, вы относитесь к этому как-то ужасно бесчувственно. Миссис Хэшебай. Детка моя, вы не обращайте внимания на мою манеру

разговаривать. Я была когда-то такая же чувствительная, вот как вы. Но я нахваталась ужасного жаргона от моих детей и совершенно разучилась разговаривать прилично. Очевидно, у вашего отца не было способностей к подобного рода вещам, и он просто запутался. Элли. Ах, вот тут-то и видно, что вы его совершенно не понимаете. Дело это

потом необыкновенно расцвело. Оно дает теперь сорок четыре процента дохода, за вычетом налога на сверхприбыль. Миссис Хэшебай. Так вы должны бы купаться в золоте, почему же этого нет? Элли. Не знаю. Мне все это кажется ужасной несправедливостью. Видите ли,

папа обанкротился. Он чуть не умер от горя, потому что он уговорил некоторых своих друзей вложить деньги в это дело. Он был уверен, что дело пойдет успешно, и, как потом оказалось, он был прав, - но все они потеряли свои вклады. Это было ужасно. И я не знаю, что бы мы стали делать, если бы не мистер Менген. Миссис Хэшебай. Что? Босс опять пришел на выручку? И это после того, как все

его денежки полетели на ветер? Элли. Да. Он нас выручил. И даже ни разу не упрекнул отца. Он купил все, что

осталось от этого дела, - помещение, оборудование, ну и все прочее, через коронного стряпчего за такую сумму, что отец мог заплатить по шесть шиллингов восемь пенсов за фунт и выйти из предприятия. Все очень жалели папу, и, так как все были убеждены, что он абсолютно честный человек, никто не возражал против того, чтобы получить шесть шиллингов восемь пенсов вместо десяти шиллингов за фунт. А потом мистер Менген организовал компанию, которая взяла это дело в свои руки, а отца моего сделал управляющим... чтобы мы не умерли с голоду... потому что тогда ведь я еще ничего не зарабатывала. Миссис Хэшебай. Боже, да это настоящий роман с приключениями! Ну, а когда же

Босс воспылил нежными чувствами? Элли. О, это уже спустя несколько лет. Совсем недавно. Он как-то случайно

взял билет на один благотворительный концерт. Я там пела. Ну просто, знаете, в качестве любительницы, мне платили полгинеи за три песенки и еще за три выхода на бис. И ему так понравилось, как я пела, что он попросил разрешения проводить меня до дому. Вы просто представить не можете, до чего он удивился, когда я привела его к нам домой и представила его моему отцу, его же собственному управляющему. И вот тут-то отец и рассказал мне о его благородном поступке. Ну, разумеется, все считали, что для меня это необыкновенно счастливый случай... ведь он такой богатый. Ну, и вот, мы пришли к чему-то вроде соглашения. Мне кажется... я должна считать это почти... помолвкой. (Страшно расстроена и не может больше говорить.) Миссис Хэшебай (вскакивает и начинает ходить взад и вперед). Помолвка, вы

говорите? Ну, моя деточка, эта помолвка живо обратится в размолвку,

если я только возьмусь за это как следует. Элли (безнадежно). Нет, вы напрасно так говорите. Меня вынуждает к этому честь и чувство благодарности. Я уж решилась. Миссис Хэшебай (останавливается у дивана и, перегнувшись через спинку, отчитывает Элли). Вы, конечно, сами прекрасно понимаете, что это совсем не честно и не благородно - выйти замуж за человека, не любя его. Вы любите этого Менгена? Элли. Д-да. Во всяком случае... Миссис Хэшебай. Меня совершенно не интересуют эти ваши "всякие случаи", я хочу, чтобы вы мне выложили все начистоту. Девушки в вашем возрасте способны влюбиться в самых невообразимых идиотов, особенно стариков.

Элли. Я очень хорошо отношусь к мистеру Менгену. И я всегда... Миссис Хэшебай (нетерпеливо заканчивая ее фразу, стремительно переходит на правый борт), "...буду благодарна ему за его доброту к моему дорогому папе". Это я уж все слышала. А еще кто есть? Элли. То есть... что вы хотите сказать?! Миссис Хэшебай. Есть кто-нибудь еще? Вы в кого-нибудь влюблены по-настоящему? Элли. Конечно нет - ни в кого. Миссис Хэшебай. Гм... (Ей попадает на глаза книга, лежащая на чертежном столе, она берет ее в руки, и заглавие книги, по-видимому, ее поражает: она смотрит на Элли и вкрадчиво спрашивает.) А вы не влюблены в какого-нибудь актера? Элли. Нет, нет! Почему... почему вам это пришло в голову? Миссис Хэшебай. Ведь эта ваша книга? За чем это вам вдруг вздумалось читать "Отелло"? Элли. Отец научил меня любить Шекспира. Миссис Хэшебай (швыряя книгу на стол). Действительно! Ваш отец, по-видимому, правда не в себе! Элли (наивно). А вы разве никогда не читаете Шекспира, Гесиона? Мне это кажется просто удивительным. Мне так нравится Отелло. Миссис Хэшебай. Отелло нравится? Потому что он ревнивец? Элли. Ах, нет, не это. Все, что там насчет ревности, - просто ужасно. Но вы не находите, что это было просто непостижимое счастье для Дездемоны, которая мирно росла дома, вдруг встретиться с таким человеком... Ведь он скитался по всему свету, жил в таком кипучем мире, совершал всякие чудеса храбрости, столько испытал всяких ужасов - и вот все же что-то нашел в ней, что притягивало его, и он мог часами сидеть и рассказывать ей обо всем этом. Миссис Хэшебай. Ах вот вам какие романы по вкусу? Элли. Почему же непременно роман? Это могло и на самом деле случиться. (По глазам Элли видно, что она не спорит, а мечтает.) Миссис Хэшебай внимательно вглядывается в нее, потом не спеша подходит к дивану и усаживается с ней рядом.

Миссис Хэшебай. Элли, милочка! А вы не обратили внимания, что некоторых из тех историй, которые он рассказывает Дездемоне, на самом деле не могло быть? Элли. Ах, нет. Шекспир думал, что все это могло случиться. Миссис Хэшебай. Гм... Вернее, Дездемона думала, что все это так и было. Но этого не было. Элли. Почему вы говорите об этом с таким загадочным видом? Вы прямо сфинкс какой-то. Никогда не могу понять, что вы, в сущности, хотите сказать? Миссис Хэшебай. Если бы Дездемона осталась в живых, она бы вывела его на чистую воду. Иногда мне, знаете, приходит в голову: не потому ли он и задушил ее? Элли. Отелло не лгал. Миссис Хэшебай. Откуда вам это известно? Элли. Шекспир так и сказал бы, что Отелло лгал. Гесиона, ведь есть же на свете мужчины, которые действительно делают замечательные вещи. Мужчины, похожие на Отелло; только, конечно, они белые, очень красивые и... Миссис Хэшебай. Ага! Наконец-то мы пришли к сути дела. Ну, теперь расскажите

мне про него все. Я так и знала, что тут кто-то есть. Потому что иначе вы не чувствовали бы себя такой несчастной из-за Менгена. Вам даже улыбалось бы выйти за него замуж. Элли (вспыхивая). Гесиона, вы просто ужасны. Но я не хочу делать из этого

тайны, хотя, конечно, я не стала бы об этом повсюду рассказывать. И к тому же я с ним незнакома. Миссис Хэшебай. Незнакомы? Как это понимать? Элли. Ну, конечно, немножко знакома, разговаривала с ним. Миссис Хэшебай. Но вам хочется узнать его поближе? Элли. Нет, нет. Я знаю его очень близко... Миссис Хэшебай. Вы с ним незнакомы... вы знаете его очень близко... Как это

все ясно и просто! Элли. Я хочу сказать, что у нас он не бывает... я... я просто разговорилась

с ним случайно, на концерте. Миссис Хэшебай. Вы, по-видимому, очень весело проводите время на ваших

концертах, Элли? Элли. Да нет. Вообще нет. Вообще мы все разговариваем друг с другом в

артистической, когда ждем своей очереди. Я думала, что это кто-нибудь из артистов. У него такое замечательное лицо. Но оказалось, он просто один из членов комитета. Я, между прочим, сказала ему, что хожу копировать одну картину в Национальной галерее. Я немножко зарабатываю этим. Я не очень хорошо рисую, но так как это всегда одна и та же картина, то я теперь могу скопировать ее очень быстро, и получаю за это два или три фунта. И вот как-то раз он пришел в Национальную галерею. Миссис Хэшебай. В студенческий день, конечно. Заплатил шесть пенсов, чтобы

толкаться там среди всех этих мольбертов, хотя в другой день можно было прийти бесплатно и без всякой толкотни. Разумеется, это вышло совершенно случайно. Элли (торжествуя). Нет. Он пришел нарочно. Ему нравилось разговаривать со

мною. У него масса блестящих знакомых, светские женщины от него без ума, - но он сбежал от всех, чтобы прийти повидать меня в Национальной галерее. И упросил меня поехать кататься с ним в Ричмонд-парк. Миссис Хэшебай. И вы, душечка, согласились. Просто удивительно, что только

вы, добродетельные девушки, можете себе позволить, и о вас никто слова не скажет. Элли. Но я не выезжаю в свет, Гесиона. Если бы у меня не было знакомств, которые завязываются вот так, то у меня вообще не было бы знакомых. Миссис Хэшебай. Да нет, конечно, тут нет ничего дурного, если вы умеете

постоять за себя. А можно узнать его имя? Элли (медленно и нараспев). Марк Дарнли. Миссис Хэшебай (повторяя за ней). Марк Дарнли. Какое замечательное имя! Элли. Ах, я так рада, что вам нравится. Мне тоже ужасно нравится, но я все

боялась, что это просто мое воображение. Миссис Хэшебай. Ну, ну. Он что - из эбердинских Дарнли? Элли. Никто этого не знает. Нет, вы только подумайте, его нашли в старинном

ларце... Миссис Хэшебай. Что? В чем? Элли. В старинном ларце. В саду, среди роз, летним утром. А ночью была

страшная гроза. Миссис Хэшебай. Что ж он там делал, в этом ларце? Спрятался туда от молнии,

что ли? Элли. Ах нет, нет. Он же был тогда совсем малюткой. Имя Марк Дарнли было вышито на его детской рубашечке И пятьсот фунтов золотом... Миссис Хэшебай (строго смотрит на нее). Элли! Элли. В саду виконта... Миссис Хэшебай. Де Ружемона. Элли (невинно). Нет. Де Лярошжаклена. Это французский род. Виконты. А его

жизнь - это сплошная сказка. Тигр.. Миссис Хэшебай. Убитый его собственной рукой? Элли. Да нет, вовсе не так банально. Он спас жизнь тигру во время охоты. Это

была королевская охота, короля Эдуарда, в Индии. Король страшно рассердился. Вот потому-то его военные заслуги и не были оценены по достоинству. Но ему это все равно. Он социалист, он презирает титулы и чины. И он участвовал в трех революциях, дрался на баррикадах... Миссис Хэшебай. Ну как это вы только можете - сидеть вот так и рассказывать мне все эти небывлицы? И это вы, Элли! А я-то считала вас простодушной, прямой, хорошей девушкой. Элли (поднимается с достоинством, но в страшном негодовании). Вы хотите сказать, что вы мне не верите? Миссис Хэшебай. Ну конечно не верю. Сидите и выдумываете - ни одного слова правды. Да что, вы считаете меня совсем душой? Элли (смотрит на нее широко раскрытыми глазами; искренность ее до того очевидна, что миссис Хэшебай озадачена). Прощайте, Гесиона. Мне очень жаль. Я теперь вижу что все это звучит невероятно, когда это рассказываешь. Но я не могу оставаться здесь, если вы так обо мне думаете. Миссис Хэшебай (хватает ее за платье). Никуда вы не пойдете. Нет, так ошибаться просто невыносимо! Я слишком хорошо знаю вралей. По-видимому, вам действительно кто-то рассказывал все это. Элли (вспыхивая). Гесиона, не говорите, что вы не верите ему. Я этого не вынесу. Миссис Хэшебай (успокаивая ее). Ну конечно я верю ему, милочка моя. Но вы должны были преподнести это мне по крайней мере не все сразу, а как-нибудь по частям. (Снова усаживает ее рядом с собой.) Ну, теперь рассказывайте мне о нем все. Итак, вы влюбились в него? Элли. Ах, нет. Я не такая дурочка. Я не влюбляюсь так сразу. Я вовсе уж не такая глупенькая, как вам кажется. Миссис Хэшебай. Понятно. Это просто чтобы было о чем помечтать, чтобы жить было интереснее и радостнее. Элли. Да, да. Вот и все. Миссис Хэшебай. И тогда время бежит быстро. Вечером не томишься от скуки и не ждешь, когда можно лечь спать, не думаешь о том, что вот будешь вертеться без сна или приснится что-нибудь неприятное. А какое счастье просыпаться утром! Лучше самого чудесного сна! Вся жизнь преобразается. Уж не мечтаешь почитать какую-нибудь интересную книгу, жизнь кажется интересней всякой книги. И никаких желаний, только чтобы остаться одной и ни с кем не разговаривать. Сидеть одной и просто думать об этом. Элли (обнимая ее). Гесиона, вы настоящая колдунья. Откуда вы все это знаете? Вы самая чуткая женщина на свете. Миссис Хэшебай (поглаживая ее). Милочка моя, детка! Как я завидую вам! И как мне жаль вас! Элли. Жаль? Почему? Очень красивый человек лет пятидесяти, с усами мушкетера, в широкополой шляпе с франтовато загнутыми полями, с изящной тросточкой, входит из передней и останавливается как вкопанный при виде двух женщин на диване. (Увидя его, поднимается с радостным изумлением.) О, Гесиона! Это мистер Марк Дарнли. Миссис Хэшебай (поднимаясь). Вот так штука! Это мой муж. Элли. Но как же... (Внезапно умолкает, бледнеет и пошатывается.) Миссис Хэшебай (подхватывает ее и усаживает на диван). Успокойтесь, детка. Гектор Хэшебай (в некотором замешательстве и в то же время с каким-то наглым спокойствием кладет шляпу и трость на стол). Мое настоящее имя, мисс Дэн, Гектор Хэшебай. Я предоставляю вам судить - может ли тонко чувствующий человек спокойно признаться в том, что он носит такое имя. Когда у меня есть возможность, я стараюсь обходиться без него. Я уезжал на целый месяц. И я не подозревал, что вы знакомы с моей женой и можете

появиться здесь. Тем не менее я чрезвычайно рад приветствовать вас в нашем скромном домике. Элли (в настоящем отчаянии). Я не знаю, что мне делать. Пожалуйста... можно

мне поговорить с папой? Оставьте меня. Я этого не вынесу. Миссис Хэшебай. Уходи, Гектор. Гектор. Я... Миссис Хэшебай. Живо, живо! Убирайся вон! Гектор. Ну, если ты думаешь, что так лучше... (Уходит, захватив свою шляпу,

трость остается на столе.) Миссис Хэшебай (укладывает Элли на диван). Ну вот, деточка, он ушел. Здесь

никого нет, кроме меня. Можете дать себе волю. Не сдерживайтесь.

Поплачьте хорошенько. Элли (поднимая голову). К черту! Миссис Хэшебай. Вот это здорово! Замечательно! Я думала, вы сейчас скажете,

что у вас сердце разбилось. Вы меня не стесняйтесь. Выругайтесь еще раз. Элли. Я не его ругаю. Я себя ругаю. Как я могла быть такой душой!

(Вскакивает.) И как это я позволила так себя одурачить! (Быстро ходит взад и вперед; вся ее цветущая свежесть куда-то пропала, она сразу стала как-то старше и жестче.) Миссис Хэшебай (радостно). Ну, почему бы и нет, милочка? Очень немногие

молодые женщины могут устоять перед Гектором. Я вот сама не устояла в вашем возрасте. Он поистине великолепен. Элли (поворачиваясь к ней). Великолепен?

Да, великолепная внешность,

конечно. Но как можно любить лгуна? Миссис Хэшебай. Не знаю. Но, к счастью, оказывается, можно. Иначе в мире

было бы очень немного любви. Элли. Но так лгать! Оказаться хвастунишкой, трусом! Миссис Хэшебай (вскакивает в смятении). Нет, милочка, только не это, прошу

вас. Если вы выразите хотя бы малейшее сомнение в храбрости Гектора, он пойдет и наделает черт знает чего, только бы убедить себя, что он не трус. Он иногда проделывает ужасные штуки - вылезет из окна на третьем этаже и влезет в другое. Просто чтобы испытать свои нервы. У него целый ящик медалей Альберта за спасение погибающих. Элли. Он никогда не говорил мне об этом. Миссис Хэшебай. Он никогда не хвастается тем, что сделал на самом деле.

Терпеть этого не может. Даже если кто-нибудь другой об этом говорит, он стыдится. Зато все его рассказы - это сказки, выдумки. Элли (подходит к ней). Так вы, значит, хотите сказать, что он действительно

храбрый и у него были всякие приключения, а рассказывает он небылицы? Миссис Хэшебай. Да, милочка. Вот именно. Ведь у людей их добродетели и

пороки не разложены по полочкам. Все это вместе перемешано. Элли (задумчиво смотрит на нее). В вашем доме, Гесиона, есть что-то

странное. И даже в вас самой. И я не знаю... как это я так спокойно

разговариваю с вами. У меня какое-то ужасное чувство, как будто у меня

сердце разбилось. Но это, оказывается, совсем не то, что я себе

представляла. Миссис Хэшебай (обнимая ее). Просто это жизнь начинает воспитывать вас,

деточка. Ну, а что же вы сейчас испытываете к Боссу Менгену? Элли (вырывается из объятий Гесионы, на лице ее написано отвращение). О,

Гесиона, как вы можете мне напоминать о нем! Миссис Хэшебай. Простите, детка. Мне кажется, я слышу шаги Гектора. Вы

сейчас не возражаете, если он придет? Элли. Ничуть. Я совершенно излечилась.

Из передней входят Мадзини Дэн и Гектор.

Гектор (открывает дверь и пропускает Мадзини вперед). Еще секунда, и она бы

упала мертвой. Мадзини. Нет, подумайте, какое чудо! Элли, деточка моя! Мистер

Хэшебай

только что рассказал мне совершенно удивительную... Элли. Да, я уже слышала.

(Отходит в другой конец комнаты.) Гектор (идет за ней). Нет, этого вы еще не слышали. Я вам расскажу после

обеда. Мне кажется, это должно вам понравиться. По правде сказать, я сочинил это для вас и уже предвкушал удовольствие рассказать вам, но с досады, когда меня отсюда выгнали, я истратил этот заряд на вашего отца. Элли (отступая спиной к верстаку, презрительно, но с полным самообладанием).

Вы истратили не зря. Он верит вам. Я бы не поверила. Мадзини (добродушно). Элли у меня очень своенравная, мистер Хэшебай.

Конечно, на самом деле она так не думает. (Идет к книжным полкам и разглядывает корешки.)

Из передней входит Босс Менген, за ним капитан. Менген в сюртучной паре, точно он собрался в церковь или на заседание директората. Ему лет пятьдесят пять; у него озабоченное, недоверчивое выражение лица; во всех его движениях чувствуются тщетные потуги держать себя с неким воображаемым достоинством. Лицо серое, волосы прямые, бесцветные, черты лица до того заурядны, что о них просто нечего сказать.

Капитан Шотовер (знакомя миссис Хэшебай с новым гостем). Говорит, что его зовут Менген. К службе не годен. Миссис Хэшебай (очень любезно). Добро пожаловать, мистер Менген. Менген (пожимая ей руку). Очень рад. Капитан Шотовер. Дэн порастерял все свои мускулы, но зато приобрел бодрость

духа. Редкий случай, после того как человек пережил три приступа белой

горячки. (Уходит в кладовую.) Миссис Хэшебай. Поздравляю вас, мистер Дэн. Мадзини (в недоумении). Да я всю жизнь в рот не брал спиртного. Миссис Хэшебай. Вам будет гораздо меньше хлопот, если вы предоставите папе

думать то, что ему хочется, а не будете пытаться объяснить ему то, что

есть на самом деле. Мадзини. Ну, знаете, три приступа белой горячки... Миссис Хэшебай (обращаясь к Менгену). Вы знакомы с моим мужем, мистер

Менген? (Показывает на Гектора.) Менген (идет к Гектору, который приветливо протягивает ему руку). Очень рад.

(Оборачивается к Элли.) Я надеюсь, мисс Элли, вы не очень устали с

дороги. (Здоровается с ней.) Миссис Хэшебай. Гектор, покажи мистеру Дэну его комнату. Гектор. Да, да, конечно. Идемте, мистер Дэн. (Уходит с Мадзини.) Элли. Вы еще не показали мне моей комнаты, Гесиона. Миссис Хэшебай. Ах, господи, какая я глупая! Идемте. Пожалуйста, будьте как

дома, мистер Менген. Папа составит вам компанию. (Кричит капитану.)

Папа, иди покажи дом мистеру Менгену. (Уходит с Элли.)

Капитан выходит из кладовой.

Капитан Шотовер. Вы думаете жениться на дочери Дэна? Не делайте этого. Вы слишком стары. Менген (пораженный). Вот как! Не слишком ли вы сплеча рубите, капитан? Капитан Шотовер. Но ведь это правда. Менген. Она этого не думает. Капитан Шотовер. Думает. Менген. Люди и постарше меня... Капитан Шотовер (доканчивает за него), ...оказывались в дураках. Это тоже

правда. Менген (переходя в наступление). Не понимаю, почему вы считаете себя вправе

в это вмешиваться. Капитан Шотовер. Каждый должен в это вмешиваться. Звезды содрогаются в

небесах, когда происходят подобные вещи. Менген. И тем не менее я женюсь на ней.

Капитан Шотовер. Откуда это вам известно? Менген (старается показать себя человеком с сильным характером). Я намерен

это сделать. Я так решил. Ясно? Со мной еще не бывало, чтобы я

что-нибудь решил и не довел до конца. Такой уж я человек. И мы с вами лучше пойдем друг друга, если вы это твердо и раз навсегда усвоите, капитан. Капитан Шотовер. Вы любите кинематограф? Менген. Возможно. Кто это вам сказал? Капитан Шотовер. Разговаривайте как человек, а не как кукла на экране. Вам хочется сказать, что вы зарабатываете сто тысяч в год. Менген. Я этим не хвастаюсь. Но когда я встречаю человека, который

зарабатывает сто тысяч в год, я снимаю перед ним шляпу, пожимаю ему руку и называю его братом. Капитан Шотовер. Значит, вы тоже зарабатываете сто тысяч в год? Не так ли? Менген. Нет, этого я не сказал бы. Пятьдесят - возможно. Капитан Шотовер. Значит, брат наполовину. (С обычной своей резкостью поворачивается спиной к Менгену и собирает со стола на китайский поднос пустые чашки.) Менген (раздраженно). Послушайте, капитан Шотовер, мне не совсем понятно мое

положение в этом доме. Я приехал сюда по приглашению вашей дочери. Я в ее доме или в вашем? Капитан Шотовер. Вы под небесным кровом, в доме господнем. Что истинно

внутри этих стен, то правильно и вне их. Идите в море, взберитесь на гору, спуститесь в долины, все равно она слишком молода для вас. Менген (ослабевая). Но ведь мне всего лишь чуть-чуть за пятьдесят. Капитан Шотовер. Точнее сказать, чуть-чуть не шестьдесят. Босс Менген, вы не

женитесь на дочери пирата. (Уносит поднос в кладовую.) Менген (идет за ним к двери). На какой дочери пирата? Что вы такое говорите? Капитан Шотовер (из кладовой). Элли Дэн. Вы не женитесь на ней. Менген. А кто же мне помешает? Капитан Шотовер (появляясь). Моя дочь. (Направляется к двери в переднюю.) Менген (идет за ним). Миссис Хэшебай? Вы хотите сказать, что она пригласила

меня сюда, чтобы расстроить это дело? Капитан Шотовер (останавливается и поворачивается к нему). Я знаю только то,

что я видел по ее глазам. Да, она расстроит это. Послушайтесь моего совета, женитесь на негритянке из Вест-Индии; прекрасные из них выходят жены. Я сам когда-то два года был женат на негритянке. Менген. Черт возьми! Капитан Шотовер. Да уж взял! Меня тоже сцапал когда-то. И на много лет.

Негритянка спасла меня. Менген (беспомощно). Престранная история! Я, собственно, должен был бы

покинуть этот дом. Капитан Шотовер. Почему? Менген. Ну, знаете, многие люди были бы обижены вашей манерой разговаривать. Капитан Шотовер. Глупости! Ссоры, видите ли, возникают совсем из-за другой

манеры разговаривать. Со мной никто никогда не ссорился. Из передней появляется джентльмен, прекрасный костюм и безупречные манеры которого свидетельствуют о его принадлежности к Вест-Энду. Он производит приятное впечатление холостого молодого человека, но при ближайшем рассмотрении ему по меньшей мере за сорок. Джентльмен. Простите, пожалуйста, что я вторгаюсь таким образом. Но дело в том, что молотка на двери нет, а звонок, если не ошибаюсь, не действует. Капитан Шотовер. А зачем вам молоток? Зачем звонок? Двери открыты.

Джентльмен. Вот именно. Поэтому-то я и осмелился войти. Капитан Шотовер. Ну и отлично. Я сейчас поищу вам комнату. (Идет к двери.) Джентльмен (удерживая его). Боюсь, что вы не знаете, кто я такой. Капитан Шотовер. Неужели вы думаете, что люди моего возраста делают различие

между одним человеческим созданием и другим? (Уходит.)

Менген и гость смотрят друг на друга.

Менген. Станный человек этот капитан Шотовер. Джентльмен. Да. Очень. Капитан

Шотовер (кричит снаружи). Гесиона! Приехал еще один. Надо ему комнату. Хлыщ. Щеголь. Лет под пятьдесят. Джентльмен. Представляю себе, что должна подумать Гесиона. Разрешите узнать

- вы член этой семьи? Менген. Нет. Джентльмен. А я - да. Некоторым образом родственник. Входит миссис Хэшебай. Миссис Хэшебай. Добро пожаловать! Как это мило, что вы приехали. Джентльмен. Я так рад познакомиться с вами, Гесиона (Целует ее.)

В дверях появляется капитан.

Вы, конечно, простите мне, капитан, что я целую вашу дочь, когда я скажу вам... Капитан Шотовер. Чушь. Все целуют мою дочь. Целуйте сколько хотите.

(Направляется к кладовой.) Джентльмен. Благодарю вас. Одну минутку, капитан.

Капитан останавливается, оборачивается. Джентльмен, приветливо улыбаясь, подходит к нему.

Вы, быть может, помните, - а возможно, и нет, это ведь было много лет

тому назад, - что ваша младшая дочь вышла замуж за чурбана. Капитан Шотовер. Помню. Она сказала, что выйдет за кого угодно, лишь бы уйти

из этого дома. Не узнал бы вас. Голова у вас теперь не похожа на грецкий орех. Вы размякли. Похоже, вас много лет кипятили в молоке с хлебным мякишем, как это делают с мужьями. Бедняга! (Исчезает в кладовой.) Миссис Хэшебай (подходит к джентльмену и испытующе смотрит на него).

Я не

верю, что вы Гастингс Этеруорд. Джентльмен. Нет, я не он. Миссис Хэшебай. Тогда с какой же стати вы меня целуете? Джентльмен. Да просто мне очень захотелось. Дело в том, что я Рэндел

Этеруорд, недостойный младший брат Гастингса. Я был за границей на дипломатической службе, когда он женился. Леди Этеруорд (врывается в комнату).

Гесиона, где ключи от шкафа в моей

комнате? У меня все брильянты в сумке. Я хочу спрятать их.

(Останавливается как вкопанная при виде нового лица.) Рэндел, как вы осмелились? (Направляется к нему.)

Миссис Хэшебай отходит и усаживается на диване, рядом с Менгеном.

Рэндел. Как я осмелился - что именно? Я ничего не сделал Леди Этеруорд. Кто

вам сказал, что я здесь? Рэндел. Гастингс. Я был у Клариджей и узнал, что вы только что уехали. И я

последовал за вами сюда. Вы чудесно выглядите. Леди Этеруорд. Не смейте так со мной разговаривать. Миссис Хэшебай. А в чем дело с мистером Рэнделом, Эдди? Леди Этеруорд (сдерживая себя). Ах, ни в чем. Но он не имел права приезжать

сюда без приглашения и беспокоить тебя и папу. (Идет к подоконнику и садится; в раздражении отворачивается от всех и смотрит в сад, где

прогуливаются Гектор и Элли.) Миссис Хэшебай. Ты, кажется, незнакома с мистером Менгеном, Эдди? Леди Этеруорд (оборачивается и холодно кивает Менгену). Простите.

Рэндел, вы

меня так расстроили, что я поставила себя в совершенно дурацкое

положение. Миссис Хэшебай. Леди Этеруорд. Моя сестра. Моя младшая

сестра. Менген (отвешивая поклон). Чрезвычайно счастлив познакомиться с вами, леди

Этеруорд. Леди Этеруорд (с явным интересом). Кто этот джентльмен, который разгуливает

там в саду с мисс Дэн? Миссис Хэшебай. Не знаю. Всего только десять минут тому назад она насмерть

поссорилась с моим мужем. И я не видела, кто там еще приехал. Вероятно,

новый гость. (Подходит к окну и смотрит.) Ах, это Гектор. Они

помирились. Леди Этеруорд. Твой муж? Этот красавец мужчина? Миссис Хэшебай. Гм.

Скажите! А почему же мой муж не может быть красавцем? Рэндел (присоединяется к ним). Мужья никогда не бывают красавцами, Ариадна.

(Садится справа от леди Этеруорд.) Миссис Хэшебай. А вот мужья сестер, мистер Рэндел, обычно очень недурны. Леди Этеруорд. Не будьте пошляком, Рэндел; и ты, Гесиона, тоже не лучше.

Элли и Гектор входят из сада в двери по правому борту.

Рэндел встает. Элли проходит в угол, к кладовой.

Гектор выходит вперед. Леди Этеруорд поднимается во всем своем великолепии.

Миссис Хэшебай. Гектор, это Эдди. Гектор (явно изумленный). Не может быть! Эта леди? Леди Этеруорд (улыбаясь). А почему же нет? Гектор (смотрит на нее пронизывающим взглядом глубокого, но почтительного

восхищения, усы его топорщатся). Я думал (спохватывается) ...прошу

извинить меня, леди Этеруорд. Несказанно счастлив приветствовать вас

наконец под нашей кровлей. (С проникновенной учтивостью протягивает

руку.) Миссис Хэшебай. Она жаждет, чтобы ты ее поцеловал, Гектор. Леди Этеруорд.

Гесиона! (Но продолжает улыбаться). Миссис Хэшебай. Зови ее Эдди, поцелуй ее, как добрый зять, и кончайте с этой

церемонией. (Предоставляет их друг другу.) Гектор. Веди себя прилично, Гесиона.

Леди Этеруорд вправе рассчитывать здесь

не только на гостеприимство, но и на культурное обращение. Леди Этеруорд (признательно). Благодарю вас, Гектор.

Дружески пожимают друг другу руки. В саду под окнами от

правого борта к левому проходит Мадзини Дэн.

Капитан Шотовер (выходя из кладовой и обращаясь к Элли). Ваш отец умылся. Элли (с полным самообладанием). Он это часто делает, капитан Шотовер. Капитан Шотовер. Странное перерождение! Я наблюдал за ним из окна кладовой.

Мадзини Дэн входит в дверь по правому борту,

свежевымытый и причесанный, и, благодушно улыбаясь,

останавливается между Менгеном и миссис Хэшебай.

Миссис Хэшебай (знакомя). Мистер Мадзини Дэн - леди Эте... ах, я совсем

забыла - вы уже знакомы. (Показывает на Элли.) Мисс Дэн. Мадзини (подходит к Элли, берет ее за руку, радуясь своей собственной

дерзкой находчивости). С мисс Дэн мы тоже встречались - это моя дочь.

(Ласково берет ее под руку.) Миссис Хэшебай. Ах, ну конечно! Как глупо. Мистер Этеруорд, мм... моей

сестры... Рэндел (любезно пожимая руку Мадзини). Ее деверь, мистер Дэн. Очень приятно. Миссис Хэшебай. А это мой супруг. Гектор. Мы знакомы, дорогая. Не трудись представлять нас еще раз. (Подходит

к большому креслу.) Не хотите ли присесть, леди Этеруорд?

Леди Этеруорд благосклонно усаживается.

Миссис Хэшебай. Простите. Терпеть не могу знакомить. Все равно, что

спрашивать у людей - "ваш билет?". Мадзини (нравоучительно). В конце концов, как мало это о нас говорит. Вопрос

ведь не в том, кто мы, а в сущности: что мы такое. Капитан Шотовер. Гм-да. Вот вы, скажем, что вы такое? Мадзини (недоуменно). Что я такое? Капитан Шотовер. Вор, пират, убийца. Мадзини. Уверяю вас, вы заблуждаетесь. Капитан Шотовер. Жизнь авантюриста. А к чему это привело? К

респектабельности. Дочка - настоящая леди. Речь, манеры столичного

проповедника. Пусть это будет предостережением для всех нас. (Выходит в

сад.) Мадзини. Надеюсь, здесь никто не верит, что я вор, пират и убийца? Миссис

Хэшебай, простите, я на минутку удалюсь. Нет, в самом деле, надо пойти

и объясниться. (Идет за капитаном.) Миссис Хэшебай (ему вслед). Бесполезно. Вы бы лучше... (Но Мадзини уже

исчез.) Нам всем, пожалуй, лучше пойти выпить чаю. У нас никогда не бывает чаю в положенные часы. Но можно пить всегда, когда только захотите. Он кипит у прислуги целый день. А спросить лучше всего на галерее около кухни. Хотите, я покажу вам? (Идет к двери направо.) Рэндел (идет рядом с ней). Благодарю вас. Мне совсем не хочется чаю. Но если

бы вы показали мне ваш сад... Миссис Хэшебай. В нашем саду нечего показывать, разве только папину

обсерваторию. И песочную яму с погребом, где он держит динамит и всякие такие вещи. Впрочем, на воздухе все-таки приятней, чем в комнате.

Идемте. Рэндел. Динамит! Ведь это довольно рискованно. Миссис Хэшебай. Ну что вы! Мы же не лезем в эту песочную яму во время грозы. Леди Этеруорд. Это уж что-то новое. А зачем это - динамит? Гектор. Чтобы взорвать человечество, если оно пойдет слишком далеко. Он

пытается найти некий психический луч, который взорвет все взрывчатые вещества по повелению Махатмы. Элли. У капитана восхитительный чай, мистер Этеруорд. Миссис Хэшебай (останавливается в двери). Неужели отец угощал вас чаем? Как это вам удалось обойти его не успев пробыть в доме и десяти минут? Элли. Видите, удалось. Миссис Хэшебай. Вот маленький бесенок! (Выходит с Рэнделом.) Менген. А вы не хотите прогуляться, мисс Элли? Элли. Я устала. Я лучше возьму книжку с собой в комнату и отдохну немножко.

(Подходит к книжной полке.) Менген. Ну, прекрасно. Лучше и не придумаешь. Но я крайне огорчен. (Уходит

вслед за Рэнделом и миссис Хэшебай.)

Остаются Элли, Гектор и леди Этеруорд. Гектор стоит у кресла леди Этеруорд. Они смотрят на Элли, дожидаясь, чтобы она ушла.

Элли (рассматривая заглавия книг). Вы любите романы с приключениями, леди Этеруорд? Леди Этеруорд (покровительственно). Разумеется, дорогая. Элли. В таком случае оставляю вас мистеру Хэшебаю. (Выходит в переднюю.) Гектор. Эта девчонка помешана на приключениях. Чего только я для нее не

выдумывал. Леди Этеруорд (ни капельки не интересуясь Элли). Когда вы меня увидели, вы

хотели сказать что-то; вы начали: "я думал" - и потом вдруг остановились. Что именно вы думали? Гектор (скрестив руки и гипнотизируя ее взглядом). Вы разрешите сказать? Леди Этеруорд. Ну конечно. Гектор. Это звучит не очень любезно. Я собирался сказать: "Я думал, что вы

обыкновенная женщина..." Леди Этеруорд. О, как вам не стыдно, Гектор! Кто вам дал право замечать,

обыкновенная я или нет? Гектор. Послушайте меня, Ариадна. До сегодняшнего дня я видел только вашу

фотографию. Но никакая фотография не может передать то очарование, которым обладают дочери этого сверхъестественного старца. В них есть какая-то дьявольская черточка, которая разрушает моральную силу мужчины и уводит его за пределы чести и бесчестия. Вы ведь знаете это, не так ли? Леди Этеруорд. Возможно, что я знаю это, Гектор. Но разрешите мне предупредить вас раз навсегда, что я женщина твердых правил. Вы, может быть, думаете, что если я из семьи Шотовер, так во мне есть что-то от богемы, потому что мы все ужасная богема? Но я нет. Я ненавижу богему всеми силами души. Ни один ребенок, воспитанный в пуританской семье, так не страдал от пуританства, как я от богемы. Гектор. Вот и у нас дети точь-в-точь

такие же. Они проводят каникулы у своих

респектабельных друзей. Леди Этеруорд. Я приглашу их на рождество к себе Гектор. В их отсутствие мы остаемся без наших домашних наставников. Леди Этеруорд. Дети, конечно, иногда ужасная помеха. Но разумные люди всегда

умеют устроиться, если только у них дома не богема. Гектор. Вы не богема. Но и пуританского в вас ничего нет. Живое и властное

очарование - вот ваша сила. Скажите, какого рода женщиной вы сами себя считаете? Леди Этеруорд. Я светская женщина, Гектор. И уверяю вас, если только взять на себя труд вести себя всегда совершенно корректно и говорить всегда только пристойные вещи, то в остальном вы вольны поступать как вам угодно. Плохо воспитанная, распущенная женщина просто не может иметь успеха. Плохо воспитанный, распущенный мужчина никогда не может подойти ни к одной достойной женщине. Гектор. Теперь я понимаю. Вы не богема. И вы не пуританка. Вы опасная

женщина. Леди Этеруорд. Напротив. Я безопасная женщина. Гектор. Вы чертовски пленительная женщина. Заметьте я отнюдь не ухаживаю за

вами. Я не люблю чувствовать себя плененным. Но если вы намерены остаться у нас, то конечно, вам лучше знать, что я думаю о вас. Леди Этеруорд. Вы чрезвычайно искусный сердцеед. И изумительно красивы. Я

сама очень неплохой партнер в такого рода игре. Ведь это само собой разумеется, что мы только играем? Гектор. Ну ясно. Я спокойно позволяю себя дурачить, сознавая свое полное

ничтожество. Леди Этеруорд (оживленно поднимаясь). Итак, вы мой зять. Гесиона велела вам

поцеловать меня.

Гектор хватает ее в объятия и усердно целует.

О, это, пожалуй, несколько больше, чем игра, дорогой зять. (Внезапно отталкивает его.) Больше вы этого не сделаете. Гектор. По правде сказать, вы запустили в меня ваши когти глубже, чем я

думал. Миссис Хэшебай (входит из сада). Не обращайтесь на меня внимания, я вам мешать

не буду. Я только хочу взять папину фуражку. Солнце садится, я боюсь, как бы он не простудился. (Идет к двери в переднюю.) Леди Этеруорд. Твой супруг совершенно очарователен, дорогая. Наконец-то он

снизошел и поцеловал меня. Я иду в сад; как будто стало прохладнее.

(Выходит в дверь по левому борту.) Миссис Хэшебай. Берегись, дитя мое! Я не думаю, чтобы кто-нибудь из мужчин

мог поцеловать Эдди и не влюбиться в нее. (Идет в переднюю.) Гектор (бьет себя в грудь). Дурак! Козел!

Миссис Хэшебай возвращается с фуражкой капитана.

Твоя сестра на редкость предприимчивая старуха. Где мисс Дэн? Миссис Хэшебай. Менген сказал, что она поднялась к себе наверх, отдохнуть.

Эдди тебе с ней разговаривать не позволит. Она уже тебя отметила,

теперь ты ее собственность. Гектор. У нее есть это ваше семейное дьявольское обаяние.

И я машинально

начал за ней ухаживать. Но что мне делать? Влюбиться я не способен, а оскорбить женское чувство, признаться ей в этом, когда она влюбляется в меня, я тоже не могу. А так как женщины вечно влюбляются в мои усы, у меня заводится масса всяких скучных, бессмысленных флиртов, которые меня нисколько не занимают. Миссис Хэшебай. То же самое и Эдди. Она за всю жизнь ни разу не была

влюблена. Хотя вечно стремилась влюбиться по уши. Она еще хуже тебя. У

тебя хоть один такой случай был - со мной. Гектор. Это было настоящее безумие. Не могу себе представить, чтобы такие изумительные переживания были доступны всем. Они оставили во мне глубокий след. И вот поэтому-то я и думаю, что они неповторимы. Миссис Хэшебай (смеясь, похлопывая его по руке). Мы были ужасно влюблены друг в друга, Гектор. Это был такой волшебный сон, что я потом потеряла способность ревновать тебя или кого бы то ни было,- я понимала, что это такое. Я всегда старалась приглашать к нам побольше хорошеньких женщин, чтобы доставить тебе еще такой случай, но у тебя что-то ни разу не вышло. Гектор. Не знаю, хотел ли я, чтобы вышло. Это дьявольски опасно. Ты околдовала меня. Но я любил тебя. И это был рай. А эта твоя сестрица околдовывает меня, но я ненавижу ее. И получается ад. Я убью ее, если она будет продолжать. Миссис Хэшебай. Ничто не может убить Эдди. Здорова как лошадь. (Выпуская его

руку.) Ну, а теперь я пойду околдовывать кого-нибудь еще. Гектор. Вот этого хлыща из министерства иностранных дел Рэндела? Миссис Хэшебай. Боже упаси. Нет! Зачем я буду его околдовывать? Гектор. Надеюсь, не этого надутого толстосума Менгена. Миссис Хэшебай. Хм... Мне кажется, что уж лучше пусть он будет околдован мной, а не Элли. (Идет в сад.)

Навстречу ей идет капитан с какими-то брусочками в руке.

Что это у тебя такое, папочка? Капитан Шотовер. Динамит. Миссис Хэшебай. Ты лазил в песочную яму? Смотри не урони эту штуку где-нибудь в доме. Ты мой дорогой (Уходит в сад, где все пронизано красным закатным светом.) Гектор. Выслушай меня, о мудрец. Сколь долго осмеливаешься ты

сосредоточиться на каком-нибудь чувстве, не опасаясь, что оно запечатлеется в твоём сознании на всю твою остальную жизнь? Капитан Шотовер. Девяносто минут. Полтора часа (Уходит в кладовую.) Гектор, оставшись один, сдвигает брови и погружается в мечты. Некоторое

время он сидит неподвижно, затем скрещивает руки на груди, потом встает и, заложив руки за спину, с трагическим видом ходит взад и вперед. Внезапно хватается со столика свою трость и, обнажив находящуюся внутри нее рапиру, вступает в отчаянный поединок с воображаемым противником; после ряда удачных и неудачных выпадов он вонзает в него шпагу по самую рукоять, затем прячет свое оружие обратно в трость, бросает ее на диван и снова погружается в задумчивость впери́в взор в глаза воображаемой женщины, он хватается за руки и говорит глухим, проникновенным голосом "Ты меня любишь". В эту минуту из кладовой показывается капитан, и Гектор, пойманный врасплох с вытянутыми руками и сжатыми кулаками, делает вид, что занимается гимнастикой, и проделывает ряд упражнений. Капитан Шотовер. Такого рода сила не имеет смысла. Ты все равно никогда не

будешь таким сильным, как, например, горилла. Гектор. Зачем вам динамит? Капитан Шотовер. Уничтожить вот таких, вроде Менгена. Гектор. Бесполезно. У них всегда будет возможность купить еще больше

динамита. Капитан Шотовер. Я сделаю такой динамит, что им его не взорвать. Гектор. А вы взорвете? Капитан Шотовер. Да. Когда достигну седьмой степени самосозерцания. Гектор. Не стоит стараться. Вы никогда не достигнете ее. Капитан Шотовер. А что же делать? Так, значит, нам вечно и барахтаться в

грязи из-за этих свиней, для которых вселенная - это что-то вроде кормушки, в которую они тычутся своим щетинистым рылом, чтобы набить себе брюхо? Гектор. Разве щетина Менгена много хуже, чем завиточки Рэндела? Капитан Шотовер. Нам должны быть подвластны жизнь и смерть того и другого. И

я не умру, пока не найду к этому пути. Гектор. Кто мы, чтобы судить их? Капитан Шотовер. А кто они, чтобы судить нас? Однако они делают это не задумываясь. Между их семенем и семенем нашим вечная вражда. Они знают это и поэтому делают все, чтобы раздавить наши души. Они верят в самих себя. Когда мы поверим в себя, мы одолеем их. Гектор. Семя одно. Вы забываете, что у вашего пирата очень миленькая дочка.

Сын Менгена может быть Платоном. А сын Рэндела - Шелли. Что такое был мой отец? Капитан Шотовер. Отъявленный негодяй. (Кладет на место чертежную доску,

усаживается за стол и начинает смешивать кистью краски.) Гектор. Именно. Так вот, осмелитесь ли вы убить его невинных внуков? Капитан Шотовер. Они и мои внуки. Гектор. Совершенно верно. Мы все части один другого. (Небрежно разваливается на диване.) Я вам скажу. Я нередко думал об истреблении

человекоподобных гадин. Многие думали об этом. Порядочные люди - это вроде Даниила во рву львином. Как они выживают - это настоящее чудо. И не всегда, конечно, выживают. Мы живем среди Менгенов, Рэнделов, Билли Дэнов, как они, несчастные, живут среди вирулентных микробов, докторов, адвокатов, попов, ресторанных метрдотелей, торгашей, прислуги и всяких иных паразитов и шарлатанов. Что наши страхи по сравнению с тем, как они трясутся? Дайте мне власть уничтожить их, и я пощажу их из чистого... Капитан Шотовер (резко обрывает его). Чувства товарищества? Гектор. Нет.

Я бы должен был покончить с собой, если бы я думал так. Я должен верить, что моя искорка, как бы она ни была мала, божественного происхождения, а багровый свет над их дверью - это пламя преисподней. Я бы их пощадил просто из великодушной жалости. Капитан Шотовер. Ты не можешь пощадить их, пока ты не имеешь власти

истребить их. Сейчас они обладают этой властью по отношению к тебе. Там, за океаном, миллионы чернокожих, которых они вымуштруют и обрушат на нас. Они готовятся к этому. Они делают это уже сейчас. Гектор. Они слишком глупы, чтобы воспользоваться своей властью. Капитан Шотовер (бросает кисть и подходит к дивану). Не обманывай себя. Они

пользуются ею. Каждый день мы убиваем в себе лучшее, что в нас есть, чтобы их умиловить. Одно сознание, что эти люди всегда здесь, начеку, чтобы сделать бесполезными все наши стремления, не дает этим стремлениям даже родиться внутри нас, А когда мы пытаемся уничтожить их, они посылают на нас демонов, чтобы обольстить нас, - демонов, принимающих облик красивых дочерей, певцов, поэтов и им подобных, ради которых мы щадим и их самих. Гектор (садится и наклоняется к нему). А не может быть так, что Гесиона и

есть демон, порожденный вами, чтобы я не убил вас? Капитан Шотовер. Возможно. Она выжала вас целиком и не оставила вам ничего,

кроме грез,- так делают некоторые женщины. Гектор. Женщины-вампиры, демонические женщины. Капитан Шотовер. Мужчины думают, что мир потерян для них, и действительно

теряют его. А кто вершит дела в этом мире? Мужья сварливых и пьяниц; мужчины, у которых сидит заноза в теле. (Рассеянно идет к кладовой.) Я должен об этом хорошенько подумать. (Резко поворачивается.) Но все же я буду продолжать работать с динамитом. Я открою луч более мощный, чем все эти рентгеновские лучи, духовный луч, который взорвет гранату на поясе у моего врага раньше, чем он успеет бросить ее в меня. И мне надо спешить. Я стар. У меня нет времени на разговоры. (Он уже на пороге кладовой, а Гектор идет в переднюю.)

В это время возвращается Гесиона.

Миссис Хэшебай. Папочка! Ты и Гектор - вы должны помочь мне занять эту публику. И о чем это вы тут так кричите? Гектор (взявшись за ручку двери). Он совсем спятил; он сегодня хуже, чем

всегда. Миссис Хэшебай. Все мы спятили. Гектор. Я должен переодеться. (Нажимает ручку двери.) Миссис Хэшебай. Постой, постой. Вернитесь вы оба. Подите сюда.

Они неохотно возвращаются.

У меня нет денег. Гектор. Денег? А где мои апрельские дивиденды? Миссис Хэшебай. Где снег прошлогодний? Капитан Шотовер. А где все деньги за патент на мою спасательную лодку?. Миссис Хэшебай. Пятьсот фунтов! С самой пасхи я их тянула. Капитан Шотовер. С пасхи! И четырех месяцев не прошло! Чудовищная

расточительность! Я мог бы прожить семь лет на пятьсот фунтов. Миссис Хэшебай. Только не на такую широкую ногу, как у нас в доме. Капитан Шотовер. За такую спасательную лодку - и всего только пятьсот

фунтов! А за прошлое свое изобретение я получил двенадцать тысяч. Миссис Хэшебай. Да, дорогой. Но ведь это было судно с каким-то магнетическим

килем для охоты за подводными лодками. Разве при нашем образе жизни можно позволить себе тратить время на какие-то спасательные приспособления? Ты бы лучше придумал что-нибудь такое, что сразу, одним махом, прихлопнет пол-Европы. Капитан Шотовер. Нет. Я старею. Быстро старею.

Мозг мой не способен теперь

сосредоточиться на убийстве, как прежде, когда я был мальчишкой. Почему это твой муж ничего не изобретает? Он только и умеет, что врать всякую чепуху женщинам. Гектор. Н-да, но ведь это тоже своего рода изобретательство. А впрочем, вы

правы. Я должен содержать жену. Миссис Хэшебай. Ничего ты такого не должен. Тогда тебя с утра до поздней

ночи не увидишь. Мне нужно, чтобы мой муж был со мной. Гектор (с горечью). С тем же успехом я мог бы быть твоей комнатной собачкой. Миссис Хэшебай. А тебе бы хотелось быть моим кормильцем, как, знаешь, есть

такие несчастные мужья? Гектор. Нет, черт возьми! Но что это за трижды проклятое создание - муж! Миссис Хэшебай (капитану). А как насчет гарпунной пушки? Капитан Шотовер. Никакого толку. Это на китов, а не на людей. Миссис Хэшебай. А почему бы и нет? Ты стреляешь гарпуном из пушки, гарпун

попадает прямо в неприятельского генерала - и ты его вытаскиваешь. Вот тебе и все. Гектор. Ты дочь своего отца, Гесиона. Капитан Шотовер. Да, тут можно что-нибудь придумать, конечно. Не затем,

чтобы ловить генералов,- они не опасны. Но можно было бы стрелять железной кошкой и выуживать пулеметы, даже танки. Я над этим подумаю. Миссис Хэшебай (нежно поглаживая капитана по плечу). Вот и спасены. Ты прямо

прелесть, папочка. А теперь надо нам идти ко всем этим ужасным людям и занимать их. Капитан Шотовер. Ведь они не обедали, ты не забудь об этом. Гектор. И я тоже не обедал. А уже темно. И, должно быть, бог знает который

час! Миссис Хэшебай. Ах, Гинес придумает им какой-нибудь обед. Прислуга никогда не забывает позаботиться о том, чтобы в доме была еда. Капитан Шотовер (испускает какой-то странный вопль в темноте). Что за дом!

Что за дочь! Миссис Хэшебай (восторженно). Какой отец! Гектор (вторит). Какой супруг! Капитан Шотовер. Или гром, что ли, иссяк в небесах? Гектор. Или красота и отвага иссякли на земле? Миссис Хэшебай. И что только нужно мужчинам? Сыты, одеты, и у себя дома, и

любовью нашей даруем мы их перед тем, как отойти ко сну. И все-то они недовольны. Почему они завидуют той муке, с какой мы производим их на

свет, и сами создают для себя какие-то непостижимые опасности и мучения только для того, чтобы не отстать от нас? Капитан Шотовер (нараспев, словно читает заклинание) Я дом дочерям построил и настезь открыл для гостей, Чтоб дочери, выйдя замуж, хороших рожали детей. Гектор (подхватывает). Но вышла одна за чурбана, другая лжецом увлеклась. Миссис Хэшебай (оканчивая строфу). И ложе его разделила, и любит лжеца и сейчас. Леди Этеруорд (кричит из сада.). Гесиона, Гесиона, где ты? Гектор. Кот на крыше! Миссис Хэшебай. Иду, дорогая, иду. (Быстро уходит в сад.)

Капитан возвращается к столу.

Гектор (уходя в переднюю). Зажечь вам свет? Капитан Шотовер. Не надо. Дайте мне тьму еще поглубже. Деньги при свете не делаются.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Горит свет, шторы спущены. Входит Элли и за ней Менген, оба одеты к обеду. Она подходит к чертежному столу. Он становится между столом и плетеным креслом.

Менген. Что за обед! По-моему, это не обед, а так что-то всухомятку к чаю. Элли. Я привыкла к сухомятке, мистер Менген, и очень рада, когда она есть.

Кроме того, капитан сварил мне немножко макарон. Менген (передергиваясь, желчно). Какая роскошь! Я не могу этого есть. Я

думаю, это потому, что у меня слишком напряженная мозговая работа. Это самое тяжелое в жизни делового человека. Вечно приходится думать, думать, думать. Кстати, сейчас - пока мы одни - разрешите мне воспользоваться случаем, чтобы выяснить, так сказать, наши взаимоотношения. Элли (усаживаясь на табурет у чертежного стола). Да, да, я как раз этого и

хочу. Менген (оторопев). Вы хотите? Это меня, знаете, удивляет. Потому что, мне кажется, я заметил сегодня днем, вы всячески старались избегать меня. И это уж не первый раз. Элли. Просто я устала. И мне было как-то не по себе. Я тогда еще не привыкла

к этому необыкновенному дому. Пожалуйста, простите меня. Менген. О, это пустяки. Я не обижаюсь. Но капитан Шотовер говорил со мной о

вас. Понимаете - о вас и обо мне. Элли (заинтересовавшись). Капитан? И что же он говорил? Менген. Да он, видите ли, обратил внимание на... разницу наших... лет. Элли. Он все замечает. Менген. Вы, значит, не придаете этому значения? Элли. Конечно, я очень хорошо знаю, что наша помолвка... Менген. Ах, так вы называете это помолвкой? Элли. А разве нет? Менген. О, конечно, конечно, если вы так говорите. Ведь вы в первый раз произносите это слово. Мне просто было не совсем ясно. Вот и все.

(Усаживается в плетеное кресло и предоставляет Элли вести разговор.)

Простите, вы, кажется, что-то начали говорить... Элли. Разве? Я забыла. Напомните. Вам нравится здесь Я слышала, как вы

спрашивали миссис Хэшебай за обедом, не сдастся ли поблизости какой-нибудь хороший особняк. Менген. Мне понравились эти места. Здесь как-то легко дышится. Возможно, что

я и поселюсь здесь. Элли. Я бы ничего лучшего не желала. Здесь, правда, легко дышится. И я

хотела бы быть поближе к Гесионе. Менген (все больше мнется). Воздух-то здешний, конечно нам подходит, а вот

вопрос в том, подходим ли мы друг другу. Вы об этом подумали? Элли. Мистер Менген, мы с вами должны быть рассудительными, вы не находите?

Нам нет нужды разыгрывать Ромео и Джульетту. Но мы очень хорошо можем

поладить, если оба возьмем на себя труд приложить к этому некоторые усилия. Ваше доброе сердце намного облегчит для меня все это. Менген (наклоняется вперед, и в голосе его прорывается явное

неудовольствие). Доброе сердце?.. Гм. Ведь я же разорил вашего отца; вам это известно? Элли. О, но ведь это было не умышленно? Менген. Вот именно. Я сделал это с умыслом. Элли. С умыслом? Менген. Ну, не из личной злобы, разумеется. Вы сами знаете, что я дал ему

работу, когда с ним было все кончено. Но дело всегда остается делом. Я уничтожил его как человека, который может влиять на дела и деловую жизнь Элли. Не понимаю, как это может быть. Вы, верно, хотите заставить меня почувствовать, что я вам ничем не обязана, чтобы я могла решить совершенно свободно,- так? Менген (встает, с вызывающим видом). Нет. Я хочу сказать именно то, что я

говорю. Элли. Но какая же вам была польза разорять моего отца? Ведь деньги, которые он потерял, это же были ваши деньги? Менген (с язвительным смехом). Да. Мои. Они и есть мои мисс Элли. И все

деньги, которые вместе с ним потеряли его друзья, тоже мои деньги. (Засовывает руки в карманы и ухмыляется.) Я просто их выкурил, как выкуривают пчел из улья. Что вы на это скажете? Вас это несколько потрясает, не так ли? Элли. Сегодня утром это могло бы меня потрясти. А сейчас вы даже и

представить себе не можете, как мало это для меня значит. Но это очень любопытно. Только вы должны объяснить мне. Я не совсем понимаю. (Облокотившись на стул и уткнув подбородок в ладони, она приготовилась слушать; на лице ее написано явное любопытство и в то же время невольное презрение, которое раздражает его все больше и больше и вместе с тем внушает ему желание просветить ее в ее невежестве.) Менген. Ну конечно, вы не понимаете. Что вы можете понимать в делах? А вот

вы слушайте и учитесь. Дело вашего отца было новое дело. А я не имею обыкновения начинать дела. Я обычно предоставляю другим начинать. Они вкладывают в это все свои деньги и деньги своих друзей, отдаются этому душой и телом, только чтобы поставить предприятие на ноги. Это, как говорится, самые настоящие энтузиасты. Но для них всякий, хотя бы временный, застой в делах - сущая беда. У них нет финансового опыта. И обычно, так через год либо два, они или терпят крах, или продают свое предприятие за бесценок, в рассрочку каким-нибудь пайщикам. И это еще если повезет, а то может статься, что они и вовсе ничего не получают. Ну, чаще всего то же самое происходит и с новой компанией. Те вкладывают еще деньги, тянут еще год или два - и в конце концов им опять-таки приходится перепродавать дело в третьи руки. Если это действительно крупное предприятие, то и третьи покупатели тоже только ухлопают в него свои труды и деньги - и опять-таки перепродадут. И вот тут-то и появляются настоящие дельцы. Тут появляюсь я. Но я похитрее многих других. Я не пожалею истратить немножко денег, чтобы подтолкнуть такое дело. Я сразу раскусил вашего отца. Я видел, что идея у него хорошая и что он будет из кожи вон лезть, если ему дать возможность претворить ее в жизнь. И я видел, что в делах он сущий младенец и не сумеет уложиться в бюджет и выждать время, чтобы завоевать рынок. Я знал, что самый верный способ разорить человека, который не умеет обращаться с деньгами, это дать ему денег. Я поделился моей идеей кое с кем из друзей в Сити, и они нашли деньги. Потому что я сам, видите ли, не вкладываю деньги в идеи, даже когда это мои собственные идеи. Ваш

отец и его друзья, которые рискнули вместе с ним своим капиталом, были для меня все равно что кучка выжатых лимонов. Так что вы зря расточали вашу благодарность, и эти разговоры о моем добром сердце - чистейший вздор. Меня тошнит от них. Когда я вижу, как ваш отец, весь расплываясь, глядит на меня своими влажными, признательными глазами и прямо захлебывается от благодарности, меня так и разбирает сказать ему всю правду,- а не то, кажется, я вот-вот лопну. И останавливает меня только то, что я знаю, он мне все равно не поверит. Он подумает, что это моя скромность,- вот так же, как и вы сейчас подумали. Допустит все что угодно, только не правду. А это-то вот и доказывает, что он круглый дурак, а я человек, который умеет о себе позаботиться. (Откидывается в кресле с видом полного удовлетворения.) Н-да... так вот, что вы теперь обо мне скажете, мисс Элли? Элли (опуская руки). Как странно, что моя мать, которая ни чего не понимала

в делах, была совершенно права относительно вас! Она всегда говорила конечно, не в присутствии папы, а нам, детям,- что вы вот именно такой человек. Менген (выпрямляется, сильно задетый). Ах, она так говорила? И тем не менее она не возражала против того, чтобы вы вышли за меня. Элли. Видите ли, мистер Менген, моя мать вышла замуж за очень хорошего

человека - потому что, как бы вы там ни оценивали моего отца с деловой точки зрения, он сама доброта,- и ей совсем не хотелось, чтобы я повторила ее опыт. Менген. Во всяком случае, вы-то теперь уж не пойдете за меня замуж, не

правда ли? Элли (совершенно спокойно). Да нет, почему же? Менген (встает, ошеломленный). Почему? Элли. Я не вижу оснований, почему бы мы не могли с вами поладить. Менген. Да, но послушайте, вы понимаете... (Умолкает, совершенно сбитый с толку.) Элли (терпеливо). Да? Менген. Я думал, что вы более щепетильны в ваших взаимоотношениях с людьми. Элли. Если бы мы, женщины, были слишком щепетильны по отношению к мужчинам,

нам тогда вовсе не пришлось бы выходить замуж, мистер Менген. Менген. Такой ребенок, как вы, и слышать от вас: "Мы, женщины"! Куда же

дальше! Нет, не может быть, чтобы вы это говорили серьезно. Элли. Совершенно серьезно. А разве вы - нет? Менген. Вы хотите сказать, что вы не собираетесь от меня отказываться. Элли. А вы хотите отказаться? Менген. Да нет. Не то чтобы отказаться... Элли. Так в чем же дело?

Менген не находит, что ответить. С протяжным свистом он падает в плетеное кресло и смотрит перед собой с видом проигравшегося в пух и прах игрока. Потом вдруг по лицу его проскальзывает что-то хитренькое, он облокачивается на ручку кресла и говорит вкрадчиво и понизив голос.

Менген. А что, если бы я вам сказал, что я влюблен в другую женщину? Элли (в тон ему.) А если бы я вам сказала, что я влюблена в другого мужчину? Менген (в раздражении вскакивает). Я не шучу. Элли. А почему вы думаете, что я шучу? Менген. Повторяю вам, что я говорю совершенно серьезно. Вы слишком молоды,

чтобы быть серьезной, но вам придется поверить мне. Я хочу быть поближе к вашей приятельнице, миссис Хэшебай. Я влюблен в нее. Ну вот, теперь я все выложил. Элли. А я хочу быть поближе к вашему приятелю, мистеру Хэшебаю. Я влюблена в

него. (Встает и чистосердечно заканчивает.) Ну, теперь, когда мы во всем открылись друг другу, мы будем настоящими друзьями. Благодарю вас за то, что вы доверились мне. Менген (вне себя). И вы воображаете, что я позволю так

злоупотреблять моей

персоной? Элли. Полно вам, мистер Менген. Вы же нашли возможным злоупотребить моим

отцом в этих ваших делах. Брак для женщины - это такое же дело. Так почему же мне не злоупотребить вами в семейном смысле? Менген. Потому что я не позволю этого! Потому что я не простофиля, как ваш

отец, вот почему! Элли (спокойно, с презрением). Вы не достойны ботинки чистить моему отцу,

мистер Менген. Я делаю для вас громадную любезность, снисходя до того, чтобы злоупотребить вашей милостью, как вы изволили выразиться. Разумеется, у вас есть полная возможность расторгнуть нашу помолвку, раз уж вам так хочется. Но если только вы это сделаете, вы больше не переступите порога дома Гесионы. Я уж позабочусь об этом. Менген (задыхаясь). Ах вы чертовка!.. Вы меня положили на обе лопатки.

(Сраженный, совсем было уже падает в кресло, но вдруг его словно что-то осеняет.) Нет, нет, погодите. Вы не так хитры, как вы думаете. Вам не удастся так просто провести Босса Менгена. А что, если я сейчас прямехонько отправлюсь к миссис Хэшебай и объявлю ей, что вы влюблены в ее мужа? Элли. Она знает. Менген. Вы ей сказали!!! Элли. Она мне это сказала. Менген (хватается за виски). Это какой-то сумасшедший дом! Или это я сошел с ума! Да что она, сговорилась что ли, с вами - заполучить вашего супруга в обмен на своего? Элли. А разве вы хотите нас обоих? Менген (совершенно оторопев, падает в кресло). Нет, мои мозги этого не

выдержат. У меня голова раскалывается Помогите! Мой череп! Скорей! Держите его, сожмите его! Спасите меня!

Элли подходит к нему сзади, крепко охватывает его голову, потом начинает тихонько проводить руками от лба к ушам.

Спасибо. (Сонным голосом.) Как это освежает. (Борясь со сном.) Только не вздумайте гипнотизировать меня. Я видел, как люди становились круглыми дураками от этой штуки. Элли (внушительно). Успокойтесь. Я видела, как люди становились дураками без

всякого гипноза. Менген (кротко). Надеюсь, вам не противно прикасаться ко мне? Потому что

ведь до сих пор вы никогда не прикасались ко мне. Элли. Ну, конечно, пока вы не влюбились самым естественным образом во

взрослую, симпатичную женщину которая никогда не позволит вам подступиться к ней. И я никогда не позволю ему подступиться ко мне. Менген. А он все-таки будет пытаться. Элли (продолжая ритмически свои пассы). Шшш... засыпайте Слышите? Вы будете спать-спать-спать. Будьте спокойны, совсем, совсем спокойны. Спите-спите-спите-спите.

Менген засыпает. Элли тихонько отходит, выключает свет и уходит в сад. Няня открывает дверь и появляется в полосе света, пробивающегося из передней.

Няня (говорит кому-то в передней). Мистера Менгена нет здесь, душенька.

Здесь никого нет. Темно совсем. Миссис Хэшебай (снаружи). Посмотрите в саду. Мы с мистером Дэном будем у

меня в будуаре. Проводите его к нам. Няня. Хорошо, душенька. (Идет в темноте к двери в сад, спотыкается о спящего

Менгена, кричит.) Ах! Господи ты боже! Простите уж, пожалуйста! Не разглядела впотьмах. Да кто же это такой? (Возвращается к двери и включает свет.) Ах, мистер Менген, надеюсь, я не ушибла вас? Вот ведь,

шлепнулась прямо на колени! (Подходит к нему.) А я вас-то и ищу. Миссис Хэшебай просила вас... (Замечает, что он совершенно неподвижен.) Ах ты господи! Да уж не убила ли я его! Сэр! Мистер Менген! Сэр! (Трясет его, он безжизненно валится с кресла, она подхватывает его и прислоняет к подушке.) Мисс Гесси! Мисс Гесси! Скорей сюда, голубушка! Мисс Гесси! Миссис Хэшебай входит из передней с Мадзини Дэном.

Ах, мисс Гесси! Похоже, я убила его!

Мадзини обходит кресло с правой стороны от Менгена и видит, что, по-видимому, няня говорит правду.

Мадзини. Что побудило вас, женщина, совершить такое преступление? Миссис Хэшебай (удерживаясь, чтобы не расхохотаться.) Ты хочешь сказать, что ты это умышленно? Няня. Да разве это похоже на меня, чтобы я нарочно человека погубила?

Наткнулась на него в темноте, да и придавила. Вес-то у меня большой. А он слова не сказал и не пошевелился, пока я не тряхнула его. Потом, гляжу - валится замертво на пол. Экая беда вышла! Миссис Хэшебай (подходит к Мадзини, обойдя няньку, и критически разглядывает

Менгена). Глупости! И вовсе он не мертвый. Просто спит. Я вижу, как он дышит Няня. А почему ж он не просыпается? Мадзини (очень вежливо говорит Менгену в самое ухо). Менген, дорогой Менген!

(Дует ему в ухо.) Миссис Хэшебай. Так не годится. (Изо всех сил встряхивает его.) Мистер

Менген, извольте проснуться! Слышите?

Он начинает сползать ниже, на пол.

Ах, няня, няня! Он падает, помоги мне!

Няня бросается на помощь. Вместе с Мадзини они снова втаскивают Менгена на подушки.

Няня (стоя за креслом, наклоняется и нюхает). Может, он пьян, как ты думаешь, душенька? Миссис Хэшебай. Может быть, хлебнул папиного рома? Мадзини. Нет, этого быть не может. Он человек воздержанный. Кажется, когда-то пил изрядно, но теперь в рот не берет спиртного. Вы знаете, миссис Хэшебай, я думаю, он под гипнозом. Няня. Под гипно... чем, сэр? Мадзини.

Как-то раз вечером у нас дома, после того как мы были на гипнотическом сеансе, дети устроили игру в это, и Элли стала гладить меня по голове. И представьте, я заснул мертвым сном. Пришлось им посылать за специалистом, чтобы разбудить меня, после того как я проспал восемнадцать часов. Да они еще вздумали нести меня наверх в спальню, а так как дети, бедняжки, не могут похвастать силой, они меня уронили, и я скатился вниз по всей лестнице - и все-таки не проснулся. Миссис Хэшебай еле удерживается от смеха.

Да, вам, конечно, смешно, миссис Хэшебай, а я ведь мог разбиться насмерть. Миссис Хэшебай. Все равно это ужасно смешно, и я не могу не смеяться, даже

если бы вы и разбились насмерть мистер Дэн. Так, значит, это Элли загипнотизировала его. Вот потеха! Мадзини. Ах, нет, нет, нет. Это был для нее такой ужасный урок. Я думаю, она

ни за что на свете не решится повторить это. Миссис Хэшебай. Тогда кто же это сделал? Я не делала. Мадзини. Я думаю, может быть, это капитан, как-нибудь так, не нарочно. Он

ведь такой магнетический. Я чувствую, как я весь начинаю вибрировать, чуть только он приближается ко мне. Няня. Уж капитан, во всяком случае, сумеет разбудить его, сэр. Об этом-то я

позабочусь. Пойду приведу его. (Идет в кладовую.) Миссис Хэшебай. Постой немножко. (Мадзини.) Вы говорите, что он может спокойно проспать восемнадцать часов? Мадзини. То есть это я проспал восемнадцать часов. Миссис Хэшебай. И вам после этого не было плохо? Мадзини. Что-то я не совсем помню. Они вливали в меня бренди, знаете... Миссис Хэшебай. Отлично. Во всяком случае, вы остались живы. Няня, милая, поди попроси мисс Дэн прийти сюда к нам. Скажи, что очень нужно, что я хочу поговорить с ней. Наверно, они где-нибудь с мистером Хэшебаем. Няня. Не думаю, душенька. Мисс Эдди, вот кто с ним. Но я сейчас пойду поищу ее и пришлю к вам. (Уходит в сад.) Миссис Хэшебай (показывает Мадзини на фигуру в кресле). Ну, мистер Дэн, смотрите. Вы только посмотрите! Да хорошенько. Вы все еще настаиваете на том, чтобы принести вашу дочь в жертву этому чучелу? Мадзини (смущенно). Меня прямо всего перевернуло, миссис Хэшебай, от того, что вы мне сказали. И чтобы кто-нибудь мог подумать, что я, я, прирожденный солдат свободы, если можно так выразиться, мог кому-нибудь или чему-нибудь пожертвовать моей Элли или что у меня когда-нибудь могла возникнуть мысль насиловать ее чувства или склонности, - это такой тяжкий удар моему... ну, скажем, моему доброму мнению о самом себе. Миссис Хэшебай (довольно равнодушно). Простите. Мадзини (уныло глядя на сонное тело). Что вы, собственно, имеете против бедняги Менгена, миссис Хэшебай? По-моему, он хороший человек. Но, правда, я так привык к нему. Миссис Хэшебай. Неужели у вас нет сердца, нет чувства? Вы только посмотрите на это животное. Подумайте о бедной, невинной, слабенькой Элли в лапах этого рабовладельца, который всю жизнь заставляет толпы грубых, непокорных рабочих подчиняться ему и потеть для его процветания. Человек, для которого паровые молоты куют огромные раскаленные массы железа! Который способен часами безжалостно препираться с женщинами и девушками из-за какого-нибудь полпенни! Капитан промышленности - так, что ли, вы его зовете? Неужели вы способны бросить ваше нежное, хрупкое, беспомощное дитя в когти этого зверя? И только из-за того, что она будет жить у него в роскошном доме и он обвешает ее брильянтами, чтобы все видели, какой он богатый. Мадзини (смотрит на нее широко раскрытыми, изумленными глазами). Дорогая миссис Хэшебай, да бог с вами, откуда у вас такие романтические представления о деловой жизни? Бедняга Менген совсем не такой. Миссис Хэшебай (презрительно). Бедняга Менген - действительно! Мадзини. Да он ничего не смыслит в машинах. Он никогда и близко-то не подходит к рабочим. Он не мог бы ими управлять. Он их боится. Мне никогда не удавалось его хоть сколько-нибудь заинтересовать производством. Он не больше вашего понимает в этом. Люди жестоко заблуждаются в Менгене. Они думают, что это такая грубая сила, - и все только потому, что у него плохие манеры. Миссис Хэшебай. Не хотите ли вы уверить меня, что у него не хватит сил раздавить бедную малютку Элли? Мадзини. Конечно, очень трудно сказать, как может обернуться тот или иной брак. Но я лично думаю, что у него решительно нет никаких шансов взять над ней верх. У Элли удивительно сильный характер. Я думаю, это потому, что, когда она была еще совсем маленькая, я научил ее любить Шекспира. Миссис Хэшебай (пренебрежительно). Шекспир! Теперь вам еще только не хватает

сказать мне, что вы способны загребать деньги лучше Менгена. (Подходит к дивану и садится с левого края, страшно раздраженная.) Мадзини (идет за ней и садится на другой конец). Нет. Это я плохо умею. Да

я, видите ли, и не очень стремлюсь. Я не честолюбив! Должно быть, поэтому. Менген - вот он насчет денег просто удивительный! Он ни о чем больше не думает. У него ужасный страх перед бедностью. А я всегда думаю о чем-нибудь другом. Даже на фабрике я думаю о вещах, которые мы делаем, а вовсе не о том, сколько они стоят. Но самое худшее во всем этом, что бедняга Менген не знает, что ему делать со своими деньгами. Это такой младенец, что он не знает даже, что ему есть, что пить. Он себе печень испортил тем, что ел и пил то, что ему было вредно. И сейчас почти ничего не может есть. Элли создаст ему режим и заставит соблюдать диету. Вы просто удивитесь, когда узнаете его поближе. Это, уверяю вас, самый беспомощный человек на свете. Проникаешься к нему таким, как бы сказать, покровительственным чувством. Миссис Хэшебай. А скажите, пожалуйста, кто же в таком случае заворачивает

всеми его предприятиями? Мадзини. Я. И другие, вот такие же, как я. Миссис Хэшебай. Которых он держит на побегушках? Мадзини. Если смотреть с вашей точки зрения - да. Миссис Хэшебай. А скажите на милость, почему же вы, собственно, не можете без него обойтись, если вы все настолько умнее его? Мадзини. Ах, нет, мы без него пропадем. Мы погубим все дело за какой-нибудь

год. Да я уж пробовал. Знаю. Мы бы слишком много тратили денег на разные разности, улучшили бы качество товаров. И все это обошлось бы нам очень дорого. И с рабочими тоже; мы, вероятно, в некоторых случаях пошли бы на уступки. Ну, а Менген заставляет нас соблюдать порядок. Он накидывается на нас из-за каждого лишнего пенни. Мы никак не можем без него обойтись. Вы знаете, он способен целую ночь просидеть, раздумывая, как бы ему сэкономить какой-нибудь шестипенсовик. Но Элли заставит его поплясать, когда она возьмет дом в свои руки. Миссис Хэшебай. Так, значит, это ничтожество даже и в качестве капитана

промышленности всего лишь шарлатан чистейшей воды? Мадзини. Боюсь, что все наши капитаны промышленности такие вот, как вы говорите, шарлатаны, миссис Хэшебай. Конечно, есть фабриканты, которые действительно знают свое дело. Но они не умеют добывать таких громадных барышей, как Менген. Уверяю вас, Менген по-своему хороший человек. Такой добродушный... Миссис Хэшебай. Вид у него очень непривлекательный. И ведь он уж далеко не

молод. Мадзини. В конце концов, миссис Хэшебай, ни один супруг не пребывает очень долго в состоянии первой молодости. Да в наше время мужчины и не могут позволить себе жениться очень рано. Миссис Хэшебай. Вот, видите ли, если бы я сказала так, это звучало бы

остроумно. Почему же у вас получается как раз наоборот? Чего-то в вас не хватает. Почему вы никому не внушаете доверия, уважения? Мадзини (смирно). Мне кажется, все дело в том, что я беден. Вы себе

представить не можете, что это значит для семьи. Заметьте, я не хочу сказать, что они когда-нибудь жаловались. Всегда они по отношению ко мне держали себя замечательно. Они гордились моей бедностью. Они даже частенько подшучивали над этим. Но жене моей приходилось туго. Она готова была со всем примириться.

Миссис Хэшебай невольно вздрагивает.

Вот то-то и есть. Вы понимаете, миссис Хэшебай, я не хочу, чтобы и Элли пришлось мириться... Миссис Хэшебай. И вы хотите, чтобы она примирилась с

необходимостью жить с

человеком, которого она не любит? Мадзини (грустно). А вы уверены, что это хуже, чем жить с человеком,

которого любишь, а он всю жизнь у кого-то на побегушках? Миссис Хэшебай (у нее исчезает презрительный тон, и она с интересом смотрит

на Мадзини). Знаете, я теперь думаю, что вы действительно очень любите Элли. Потому что вы становитесь положительно умником, когда говорите о ней. Мадзини. Я не знал, что я до того уж глуп, когда говорю на другие темы. Миссис Хэшебай. Бывает иной раз. Мадзини (отворачивается, потому что глаза у него влажны). Я многое узнал о

себе от вас, миссис Хэшебай. Вряд ли только мне будет легче от вашей откровенности. Но если вы считаете, что это нужно для того, чтобы я подумал о счастье Элли, то вы очень ошибаетесь. Миссис Хэшебай (наклоняется к нему в сердечном порыве). Я отвратительно

груба, правда? Мадзини (овладевая собой). Да ну, что обо мне говорить, миссис Хэшебай! Я

вижу, что вы любите Элли, и для меня этого достаточно. Миссис Хэшебай. Я начинаю и вас любить немножко. Я просто ненавидела вас

сначала. Я считала вас самым отвратительным, самодовольным, скучным стариком ханжой. Мадзини (он уже решил принять ее тон за должное и заметно повеселел). Что ж,

может быть, я такой и есть Я никогда не был в чести у таких роскошных женщин, как вы. Я их всегда побаивался. Миссис Хэшебай (польщенная). А я, по-вашему, роскошная женщина, Мадзини?

Смотрите, как бы я в вас не влюбилась. Мадзини (с невозмутимой учтивостью). Нет, вы не влюбитесь, Гесиона. Нет, со

мной вы в совершенной безопасности. Поверьте мне, много женщин флиртовали со мной только потому, что они знали - со мной это совершенно безопасно. Но, конечно, именно поэтому им это очень быстро надоедало. Миссис Хэшебай (коварно). Берегитесь. Вы, может быть, вовсе не так неуязвимы, как вы думаете. Мадзини. О нет, совершенно неуязвим. Видите ли, я любил по-настоящему, то

есть такой любовью, которая бывает только раз в жизни. (Проникновенно.)

Потому-то Элли такая миленькая. Миссис Хэшебай. Вы... гм... Нет, знаете, вы начинаете раскрываться. Вы

совершенно уверены, что не дадите мне совратить вас на второе такое же сильное чувство? Мадзини. Вполне уверен. Это было бы противоестественно. Дело в том, что вы,

как бы это сказать... от меня не загоритесь и я от вас не загорюсь. Миссис Хэшебай. Понятно. Ваш брак, по-видимому, это нечто вроде

противопожарного крана. Мадзини. Как вы остроумно перевернули мою мысль. Я бы никогда не додумался.

Из сада входит Элли; вид у нее удрученный.

Миссис Хэшебай (поднимаясь). Ах, вот наконец и Элли. (Обходит диван сзади.) Элли (остановившись в двери по правому борту). Гинес сказала, что вы хотели

меня видеть. Вы и папа. Миссис Хэшебай. Вы заставили нас так долго ждать, что это почти уже

потеряло... Ну, впрочем, все равно. Ваш отец совершенно удивительный человек. (Ласково ерошит ему волосы.) Первый и единственный до сих пор, который мог устоять против меня, когда я изо всех сил старалась понравиться. (Подходит к большому креслу по левую сторону от Менгена.)

Подите сюда. Я хочу вам что-то показать.

Элли безучастно подходит к креслу с другой стороны.

Полюбуйтесь. Элли (смотрит на Менгена без всякого интереса). Я знаю. Он спит. Мы с ним

тут говорили после обеда, и он заснул среди разговора. Миссис Хэшебай. Вы его усыпили, Элли? Мадзини (быстро вскакивает и подходит к спинке кресла). Нет, надеюсь, это не

ты. Разве ты, в самом деле, сделала это, Элли? Элли (устало). Он сам меня попросил. Мадзини. Но ведь это очень опасно. Ты помнишь, что тогда со мной было? Элли (совершенно равнодушно). Да, я думаю, я сумею разбудить его. Ну, а не

я, так кто-нибудь другой. Миссис Хэшебай. В конце концов это не важно, потому что я наконец убедила

вашего отца, что вам не следует выходить за него замуж. Элли (внезапно выходя из своего равнодушия, очень раздосадованная). А зачем

вы это делали? Я хочу выйти за него замуж. Я твердо решила выйти за него. Мадзини. Ты вполне уверена в этом, Элли? Миссис Хэшебай дала мне почувствовать, что я в этом деле проявил, быть может, некоторый эгоизм и легкомыслие. Элли (очень отчетливо, внятно и уверенно). Папа, если когда-нибудь миссис

Хэшебай еще раз возьмет на себя смелость объяснить тебе, что я думаю и чего я не думаю, ты заткни уши покрепче и закрой глаза. Гесиона ничего обо мне не знает. Она не имеет ни малейшего понятия, что я за человек, и никогда этого не поймет. Обещаю тебе, что я никогда не буду делать ничего такого, чего бы я не хотела и не считала бы нужным для собственного блага. Мадзини. Ты в этом вполне, вполне уверена? Элли. Вполне, вполне. Ну, а теперь иди и дай нам поговорить с миссис

Хэшебай. Мадзини. Мне хотелось бы послушать. Разве я помешаю? Элли (неумолимо). Я предпочитаю поговорить с ней наедине. Мадзини (нежно). Ну хорошо, хорошо. Я понимаю. Родители - всегда помеха. Я

буду паинькой. (Идет к двери в сад.) Да, кстати, ты не помнишь адреса того специалиста, который меня разбудил? Как ты думаешь, не послать ли ему сейчас телеграмму? Миссис Хэшебай (направляясь к дивану). Сегодня уж поздно телеграфировать. Мадзини. Да, пожалуй. Ну, я надеюсь, он ночью сам проснется (Уходит в сад.) Элли (едва только отец выходит из комнаты, круто поворачивается к Гесионе).

Гесиона, какого черта вы заводите такие неприятные разговоры с отцом из-за Менгена? Миссис Хэшебай (сразу теряя самообладание). Как вы смеете так разговаривать

со мной, противная девчонка? Не забывайте, что вы у меня в доме! Элли. Чепуха! Зачем вы суетесь не в свое дело? Вам-то что, выйду я за

Менгена замуж или нет? Миссис Хэшебай. Вы что, думаете запугать меня? Вы, маленькая авантюристка,

которая ищет себе мужа! Элли. Всякая женщина, у которой нет денег, ищет себе мужа. Вам хорошо

болтать. Вы никогда не знали, что это такое - вечно быть без денег. Вы можете себе подхватывать мужчин, как цветочки по дороге. А я, бедная, порядочная... Миссис Хэшебай (прерывает ее). Ха! Порядочная. Как вы подцепили Менгена? Как

вы подцепили моего мужа? И у вас хватает дерзости говорить мне, что я... я... Элли. Сирена, вот вы кто. Вы созданы для того, чтобы водить мужчин за нос.

Если бы это было не так, Марк, может быть, дождался бы меня. Миссис Хэшебай (внезапно остывая и уже полу смеясь). Ах, бедняжка моя Элли,

детка моя! Бедная моя крошка! Мне до того жаль, что это так вышло с Гектором. Но что же я могу сделать? Ведь я не виновата. Я бы вам его

уступила, если бы могла. Элли. Я вас и не виню. Миссис Хэшебай. Какая же я скотина, что начала с вами ругаться. Ну, идите ко мне, поцелуйте и скажите, что не сердитесь. Элли (злобно). Ах, перестаньте вы, пожалуйста, сюсюкать, изливаться и сентиментальничать. Неужели вы не понимаете, что если я не заставлю себя быть жестокой и твердой, как камень, то я сойду с ума. Мне совершенно наплевать, что вы меня ругали и обзывали как-то. Неужели вы думаете, что для женщины в моем положении могут что-нибудь значить какие-то слова? Миссис Хэшебай. Бедненькая вы моя женщина! Такое ужасное положение! Элли. Вам, наверное, кажется, что вы необыкновенно чуткая. А вы просто глупое, взбалмошное, эгоистическое существо. Вы видите, как меня ударило - ударило прямо в лицо, - и это убило целую и лучшую часть моей жизни - ту, что уже никогда теперь не вернется. И вы воображаете, что можно меня утешить вот этими поцелуями и сюсюканьем. Когда мне нужно собрать в себе всю силу, чтобы я могла хоть на что-нибудь опереться, на что-то железное, каменное, все равно, как бы это ни было больно, - вы болтаете тут всякую чепуху и причитаете надо мной. Я не сержусь; я не чувствую к вам никакой вражды. Но только, бога ради, возьмите вы себя в руки и не думайте, пожалуйста, что если вы всю жизнь нежились в бархате и сейчас так живете, то женщины, которые жили в самом настоящем аду, могут так же легко ко всему относиться, как и вы. Миссис Хэшебай (пожимая плечами). Превосходно. (Садится на диван, на старое место.) Но я должна предупредить вас, что когда я не сюсюкаю, не целуюсь, не смеюсь, то я только об одном думаю: сколько еще я могу выдержать в этом проклятом мире, наполненном жестокостью. Сирены вам не нравятся. Хорошо, оставим сирен в покое. Вы хотите успокоить ваше израненное сердце на жернове. Отлично. (Скрещивая руки на груди.) Вот вам жернов. Элли (усаживается около нее, несколько успокоившись). Так-то вот лучше.

У

вас поистине удивительная способность - приладиться к любому настроению. Но все равно вы ничего не понимаете, потому что вы не из того сорта женщин, для которых существует только один мужчина и одна возможность. Миссис Хэшебай. Я, конечно, совершенно не понимаю, каким образом, связав себя с этим чучелом (указывая на Менгена), вы утешитесь в том, что не можете стать женою Гектора. Элли. Вы, вероятно, не понимаете и того, почему сегодня утром я была такой милой девочкой, а сейчас я уже не девочка и не такая уж милая. Миссис Хэшебай. Нет, это я понимаю. Потому что вы вбили себе в голову, что вы должны сделать что-то гадкое и мерзкое. Элли. Нет, этого у меня нет в мыслях, Гесиона. Но я должна что-то постараться сделать с этим разбитым корытом. Миссис Хэшебай. Ну-у! Все это вы переживаете. И корыто ваше целехонько. Элли. Конечно переживу. Надеюсь, вы не воображаете, что я сяду, сложив руки, и буду ждать, когда я умру от разбитого сердца или останусь старой девой, которая живет на подаяние общества помощи престарелым инвалидам. Но все равно - сердце у меня разбито. Я просто хочу сказать этим, что я знаю: то, что было у меня с Марком, больше для меня никогда не повторится. И в мире для меня существует Марк и безликая масса других мужчин, которые все одинаковы. Но если мне отказано в любви, это еще не значит, что я к тому же должна жить в бедности. И если у Менгена нет ничего другого, так у него по крайней мере есть деньги. Миссис Хэшебай. А разве нет

на свете молодых людей с деньгами? Элли. Для меня нет. Кроме того, молодой человек будет вправе ожидать от меня

любви и, возможно, бросит меня, когда увидит, что ничего такого я ему дать не могу. Богатые молодые люди, вы сами знаете, имеют возможность очень легко отделаться от своих жен. А это чучело, как вы изволите выражаться, не может от меня ждать ничего, кроме того, что я намерена ему предоставить. Миссис Хэшебай. Вы будете его собственностью, не забудьте. Если он вас

купит, он постарается, чтобы эта сделка была выгодна ему, а вовсе не вам. Спросите-ка у вашего отца. Элли (встает, подходит к креслу и разглядывает предмет их разговора). Об

этом вы можете не беспокоиться, Гесиона. Я могу дать Боссу Менгену больше, чем он мне. Это я его покупаю, и за хорошую цену. Женщины в такого рода сделках судят лучше мужчин. И десять Боссов Менгенов не помешают мне делать то, что мне заблагорассудится в качестве его жены, и много больше, чем если бы я осталась бедной девушкой. (Наклоняясь над неподвижным телом.) Ведь правда, не помешают. Босс? Я думаю, нет. (Идет к чертежному столу, останавливается, прислонившись к нему, и смотрит в окно.) Во всяком случае, мне не придется вечно думать о том, долго ли еще продержатся мои перчатки. Миссис Хэшебай (величественно поднимаясь). Элли!

Вы маленькое порочное,

подленькое животное. И подумать только: я снизошла до того, что старалась пленить эту жалкую тварь, чтобы спасти вас от него. Так вот, разрешите заявить вам следующее: если вы вступите в этот омерзительный союз, вы больше никогда не увидите Гектора, поверьте мне. Элли (невозмутимо). Я сразила Менгена, пригрозив ему, что если он не женится

на мне, так он вас больше никогда в глаза не увидит. (Садится на край стола.) Миссис Хэшебай (содрогаясь). Вы... вы... Элли. Так что видите, этот ваш козырь - он для меня не неожиданность. А

впрочем, ну что ж, попробуйте. Посмотрим. Я могла бы сделать из Марка человека, а не комнатную собачку. Миссис Хэшебай (вспыхивая). Как вы смеете? Элли (с почти угрожающим видом). А вот попробуйте, дайте ему повод думать обо мне; посмотрим, как вы посмеете. Миссис Хэшебай. Нет, в жизни моей не видела такого наглого чертенка! Гектор

говорит, что есть предел, после которого единственный ответ человеку, не желающему знать никаких правил, это хорошая оплеуха. Что, если я надеру вам уши? Элли (спокойно). Я вцеплюсь вам в волосы. Миссис Хэшебай (ехидно). А я бы и не почувствовала. Может быть, я их снимаю

на ночь. Элли (так поражена, что соскакивает со стола и подбегает к ней). О нет, не может быть, Гесиона, чтобы эти чудесные волосы были фальшивые. Миссис Хэшебай (поглаживая свои волосы). Только вы не говорите Гектору: он

ведь думает, что они настоящие Элли (со стоном отчаяния). О, даже волосы, которыми вы опутали его, - все,

все фальшивое! Миссис Хэшебай. Ну-ка, потяните, попробуйте. Есть женщины, которые своими

волосами ловят мужчин, как в сеть, а я вот на своих укачиваю младенца.

А вам, золотые локончики, этого не сделать! Элли (убитая). Нет, не сделать. Вы украли моих младенцев. Миссис Хэшебай. Душенька, ведь я сейчас заплачу. Вы знаете, вот то, что вы

сказали, будто я из него делаю комнатную собачку, это до некоторой степени правда. Может быть, ему следовало подождать вас. Ну разве какая-нибудь другая женщина на свете простила бы вам это? Элли. Ах, но по какому

праву вы забрали его всего, всего целиком и только для себя! (Овладевая собой.) Ну довольно, вы тут ничем не виноваты. И никто не виноват. И он не виноват. Нет, нет, не говорите мне больше ничего Я не могу этого вынести. Давайте разбудим наше чучело. (Начинает поглаживать Менгена по голове в обратном направлении - от ушей ко лбу.) Проснитесь, слышите? Вы должны сейчас же проснуться. Проснитесь. Проснитесь. Менген (подскакивает в кресле и в ярости накидывается на них).

Проснитесь!

Так вы думаете, я спал? (В бешенстве отталкивает ногой стул и становится между ними.) Вы меня вогнали в такой столбняк, что я не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой. Меня могли бы так и похоронить заживо! Хорошо, что до этого хоть не дошло. А они думают, что я просто спал! Если бы я свалился на пол оба раза, когда вы меня тут трясли, я бы сломал себе нос ко всем чертям и остался бы так на всю жизнь. Но зато теперь я вас всех знаю вдоль и поперек. Знаю, что вы за публика и куда я попал. Я слышал каждое ваше слово. И ваше, и вашего драгоценного папаша, и (к миссис Хэшебай) ваше тоже. Итак, значит, я чучело! Я ничтожество! Я дурак! Дурак, который даже не знает, что ему есть. Я, видите ли, боюсь рабочих, которые бы все подошли с голоду, если бы я не кормил их, давая им заработок. Я отвратительный старый скупердяй, который только и годится чтобы им пользовались ловкие женщины и его собственные безмозглые управляющие. Я... Миссис Хэшебай (с апломбом самого изысканного свойства). Ш-ш-ш... ш-ш-ш...

ш-ш-ш... Мистер Менген, ваше достоинство обязывает вас вычеркнуть из памяти все, что вы слышали в то время, когда вы так мило притворялись, что изволите спать. Это отнюдь не предназначалось для вашего слуха. Менген. Притворялся! Неужели вы думаете, что, если бы я только притворялся, я бы лежал здесь беспомощный и выслушивал всю эту клевету, ложь, несправедливость? Терпел бы это ляганье в спину, это поношение... Если бы я только мог встать и сказать вам всем, что я о вас думаю!

Удивляюсь, как меня не разорвало. Миссис Хэшебай (воркующим голосом). Вам все это приснилось, мистер Менген.

Мы только говорили, какой у вас удивительно мирный вид во сне. Вот и все. Ведь правда, Элли? Поверьте мне, мистер Менген, все эти неприятные вещи причудились вам в самую последнюю секунду, перед тем как вы проснулись. Это просто Элли погладила вас по голове против шерсти. И это пренеприятное ощущение вызвало у вас такой неприятный сон. Менген (утрюмо). Я верю снам. Миссис Хэшебай. Я тоже. Только они всегда сбываются наоборот. Менген (все его чувство бурно прорывается наружу). Нет, я до самой смерти не забуду, что, когда вы кокетничали со мной в саду, вы просто дурачили меня. Это было грязно, подло, недостойно так поступать. Вы не имели права привлекать меня к себе, если я вам внушал такое отвращение. Не моя вина, что я не молод и что у меня усы не похожи на бронзовые канделябры, как у вашего уважаемого супруга. Есть вещи, которые порядочная женщина не позволит себе по отношению к мужчинам, как мужчина не позволит себе ударить женщину в грудь.

Гесиона, пристыженная, садится на диван и закрывает лицо руками. Менген тоже опускается в кресло и начинает всхлипывать, как ребенок. Элли переводит глаза с одного на другого. Миссис Хэшебай, услышав жалобные всхлипы, отнимает руки от лица и глядит на Менгена. Потом вскакивает и подбегает к нему.

Миссис Хэшебай. Не плачьте. Я не могу этого вынести. Неужели я разбила ваше сердце? Я не знала, что оно у вас есть. Разве я могла это знать? Менген. Мужчина я или нет? Миссис Хэшебай (полуласкательно, полуплутя и вместе с тем очень нежно). Ах, нет. Не то, что я называю мужчиной. Вы - Босс. И больше ничего. Ну, а зачем же Боссу сердце? Менген. Значит, вы нисколько не раскаиваетесь? Вам не стыдно? Миссис Хэшебай. Мне стало стыдно в первый раз в жизни, когда вы сказали, что это то же, что ударить женщину в грудь. И я поняла, что я наделала. Я чуть не сгорела от стыда. Вы взяли свое, Босс. Разве вам этого мало? Менген. Так вам и надо! Вы слышите - так и надо! Вы жестокая, только одно и можно сказать - жестокая! Миссис Хэшебай. Ну что же, жестокость была бы очень приятной вещью, если бы можно было найти такую жестокость, которая не причиняла бы боли. Кстати (усаживается около него на ручку кресла), как вас зовут? Ведь не Босс же, наконец! Менген (отрывисто). Если вам угодно знать, меня зовут Альфред. Миссис Хэшебай (вскакивает). Альфред! Элли, его зовут как Теннисона! Менген (вставая). Меня так назвали в честь моего дядюшки, от которого я никогда ни пенни не получил, будь он проклят. Но что из этого следует? Миссис Хэшебай. Мне вдруг, знаете, пришло в голову, что ведь и вы тоже человек, что у вас была мать, как и у всякого другого. (Кладет ему руки на плечи и разглядывает его.) Крошка Альф. Менген. Ну и характер же у вас! Миссис Хэшебай. А у вас, оказывается, есть сердце, Альф. Крошечное такое, жалкое сердечко, но все-таки настоящее. (Внезапно отпускает его.) Ну, а теперь идите и помиритесь с Элли. У нее было достаточно времени, чтобы придумать, что вам сказать. Гораздо больше, чем у меня. (Быстро уходит в сад через правую дверь.) Менген. Эта женщина своими руками вам всю душу наизнанку вывернет. Элли. Вы еще влюблены в нее, несмотря на все, что мы о вас говорили. Менген. Неужели все женщины такие, как вот вы с ней? Неужели они всегда думают только о том, что можно получить от мужчины? А вы даже и этого не думали обо мне. Вы думали только о том, сколько времени проносятся ваши перчатки. Элли. Когда мы с вами поженимся, мне не придется больше об этом думать. Менген. И вы рассчитываете, что я женюсь на вас после того, что я здесь слышал? Элли. Вы не слышали от меня ничего такого, чего бы я не говорила вам раньше. Менген. Вы, верно, думаете, что я без вас жить не могу. Элли. Я думаю, что теперь вы будете чувствовать себя одиноким без всех нас теперь, когда вы нас так хорошо узнали. Менген (с каким-то воплем отчаяния). Неужели за мной никогда не останется последнее слово? Капитан Шотовер (появляется в двери из сада). Чья это душа передается здесь мучениям ада? Что тут случилось? Менген. Эта девица не желает всю жизнь думать о том, сколько времени проносятся ее перчатки. Капитан Шотовер (проходит через комнату). А зачем они? Я их никогда не ношу. (Исчезает в кладовой.) Леди Этеруорд (появляясь из двери по левому борту в роскошном обеденном туалете). Что это такое здесь происходит? Элли. Этот джентльмен интересуется, останется ли за ним когда-нибудь последнее слово. Леди Этеруорд (подходит к дивану). Я бы позволила сказать последнее слово, дорогая. Самое главное, это вовсе не сказать последнее слово, а поставить на своем. Менген. Она хочет и того и другого. Леди Этеруорд. Этого ей не добиться, мистер Менген. Последнее слово всегда остается за провидением. Менген (в совершенном исступлении). Вот теперь вы еще

будете меня религией

пичкать. В этом доме человеком играют, точно футбольным мячом. Я ухожу.

Направляется в переднюю, но его останавливает окрик

капитана, появляющегося из кладовой.

Капитан Шотовер. Куда вы это, Босс Менген? Менген. К черту из этого дома. Ну, довольно этого с вас? С вас и со всех

остальных? Капитан Шотовер. Двери открыты, вы свободно можете войти и выйти. Вся ширь

земная, просторы морей и купол неба ожидают вас. Леди Этеруорд. А ваши вещи, мистер Менген? Ваши чемоданы, щетки, гребенки?

Ваши пижамы? Гектор (появляясь в двери по правому борту в красивом костюме бедуина).

Зачем этот беглый раб потащит с собой свои цепи? Менген. Правильно., Хэшебай. Оставьте себе мои пижамы миледи. Может быть,

пригодятся. Гектор (подходит слева к леди Этеруорд). Давайте все уйдем в мрак ночной и

бросим все, оставим все позади. Менген. Нет, вы оставайтесь там, где вы есть. В обществе я не нуждаюсь.

Особенно в женском. Элли. Пусть идет. Он чувствует себя здесь несчастным. Он рассердился на нас. Капитан Шотовер. Ступайте, Босс Менген. И когда вы обретете страну, где есть

счастье и нет женщин, сообщите мне ее координаты. Я присоединюсь к вам. Леди Этеруорд. Вам, конечно, будет очень неудобно без ваших вещей, мистер

Менген. Элли (нетерпеливо). Идите, идите. Почему же вы не уходите? Такая ночь

чудесная. Уснете в поле или там, в вереске. Возьмите мой плащ, вы

можете его себе постелить. Он висит в передней. Гектор. Утренний завтрак у нас в девять. А то можете позавтракать с

капитаном в шесть утра. Элли. Покойной ночи, Альфред. Гектор. Альфред! (Бежит к двери и кричит в сад.) Рэндел! Менгена зовут

Альфредом. Рэндел (в смокинге появляется в двери слева). Значит, Гесиона выиграла пари.

В двери по правому борту появляется миссис Хэшебай,

левой рукой она обхватывает шею Гектора, увлекает его к

дивану, а правой рукой обнимает за шею леди Этеруорд.

Миссис Хэшебай. Они мне не верили, Альф.

Все с интересом смотрят на Менгена.

Менген. Может быть, тут еще кто-нибудь найдется, кто хочет прийти посмотреть на меня, точно я последняя новинка в зверинце. Миссис Хэшебай. Вы и есть последняя новинка в этом зверинце.

Прежде чем Менген успел ответить, слышно, как наверху

падает что-то тяжелое, затем раздается выстрел и чей-то

пронзительный вопль. Трио, уставившееся на Менгена, в

смятении рассыпается.

Голос Мадзини (сверху). Сюда! На помощь! Вор Гектор (сверкая глазами). Вор! Миссис Хэшебай. Нет, нет, Гектор, тебя убьют!

Но уже поздно, он стрелой проносится мимо Менгена,

который поспешно отступает к книжной полке, чтобы дать

ему дорогу.

Капитан Шотовер (свистит в свой корабельный свисток). Все наверх! (Шагает вслед за Гектором.) Леди Этеруорд. Мои брильянты! (Бросается за капитаном.) Рэндел

(бежит за ней). Нет, Ариадна, позвольте мне! Элли. О, может быть, папу убили! (Выбегает.)

Миссис Хэшебай. Вам страшно, Альф? Менген. Нет. Слава богу, это не мой дом. Миссис

Хэшебай. Если вора поймают, нам придется, наверно, выступить в суде в качестве свидетелей? И нам будут задавать всякие вопросы о нашей частной жизни. Менген. Только не вздумайте говорить там правду, вам никто не поверит.

Из передней, страшно взволнованный, с громадным дуэльным пистолетом в руке, входит Мадзини и идет к чертежному столу.

Мадзини. Ах, дорогая миссис Хэшебай, я чуть было не уложил его. (Бросает пистолет на стол и, шатаясь, подходит к столу.) Надеюсь, вы не думаете, что я действительно собирался его ухлопать?

Входит Гектор, ведя перед собой за шиворот старого грязного оборванца, выводит его на середину комнаты и отпускает. Следом за ними входит Элли, тотчас же подбегает к отцу и, перегнувшись через спинку стула, обнимает его за плечи.

Рэндел (входит с кочергой). Посторожите-ка эту дверь, Менген. А я пока буду стеречь другую. (Подходит к правой двери и становится там на страже.)

Вслед за Рэнделом входит леди Этеруорд и становится между миссис Хэшебай и Менгеном. Последней появляется няня Гинес и останавливается около двери, слева от Менгена.

Миссис Хэшебай. Что случилось? Мадзини. Ваша экономка сказала мне, что кто-то забрался наверх, и дала мне

пистолет, из которого мистер Хэшебай упражняется в стрельбе. Я собирался только припугнуть вора. Но едва я прикоснулся к этой штуке, как она выпалила. Вор. Да. И раскровянила мне ухо. Хорошо еще, что в лоб не угодила.

Почему вы

не заведете себе настоящий револьвер вместо этой штуковины, которая палит, стоит только на нее дунуть? Гектор. Это один из моих дуэльных пистолетов.

Простите. Мадзини. Он сейчас же поднял руки вверх и заявил, что он сдается, потому что его поймали по всем правилам. Вор. Так оно и было. Посылайте за полицией. Гектор.

Нет, клянусь честью, его совсем не по правилам поймали: нас было четверо против одного. Миссис Хэшебай. Что же они теперь с ним сделают? Вор.

Десять лет. И прямо в одиночку. Десять лет вон из жизни. Мне уже столько не отсидеть, я слишком стар. Это для меня гроб. Леди Этеруорд. Что же вы не подумали об этом перед тем, как лезть за моими

брильянтами? Вор. Но ведь вы же их получили обратно, леди. А вы сможете вернуть мне

обратно десять лет моей жизни, которые вы у меня отнимаете? Миссис Хэшебай. Нет, невозможно похоронить заживо человека на десять лет за

несколько брильянтов. Вор. Десять маленьких блестящих камешков. Десять долгих черных лет в аду. Леди Этеруорд. Только представить себе, что нам предстоит пройти через все

ужасы уголовного суда! И все наши семейные дела попадут в газеты. Если бы вы были туземцем и Гастингс велел бы вас высечь как следует и вон выгнать, я бы слова не сказала. Но здесь, в Англии, у порядочных людей нет никакой защиты. Вор. Я уж слишком стар для порки, леди. Посылайте за полицией, да и кончим

дело. Это будет только справедливо. Вы правильно поступите. Рэндел (убедившись в мирных намерениях вора, ослабляет свою бдительность и выходит вперед, помахивая кочергой, точно это аккуратно сложенный зонтик). Друг мой, я не вижу ничего правильного и справедливого в том,

что мы обременим себя кучей неприятностей для облегчения вашей проснувшейся совести. Лучше убирайтесь-ка подобра-поздорову, пока вам предоставляется эта возможность. Вор (неумолимо). Нет. Я должен снять грех с моей совести. Мне словно голос с

неба провещал. Дайте мне провести остаток моей жизни в темнице, в раскаянии. Я получу мою награду на небесах. Менген (в негодовании). Даже воры - и те не могут вести себя естественно в

этом доме. Гектор. Придется вам, милый человек, потрудиться заработать себе спасение за

чей-либо другой счет. Здесь никто не собирается передавать вас в руки закона. Вор. Ах, так вы не хотите передавать меня в руки закона? Гектор. Нет. Простите, что мы так негостеприимны, но не будете ли вы так добры убраться отсюда? Вор. Отлично. Я отправляюсь в полицейский участок и сам повинюсь.

(Решительно направляется к двери, но Гектор останавливает его.)

Гектор | Нет, вы этого не сделаете. Рэндел | (все Нет, нет, выкатывайтесь вон, милейший, не валяйте

} вместе) дурака. Миссис Хэшебай | Да будет вам чудить! Что, вы не можете дома | раскаяться?

Леди Этеруорд. Извольте делать то, что вам говорят Вор. Вы, значит, покрываете преступление. Вы это понимаете? Миссис Хэшебай. Но это же совершеннейший абсурд. Кто может нас заставить преследовать человека, когда мы этого не хотим? Вор. А что у меня похитят мое спасение - и только из-за того, что вам не

хочется провести один денек на заседании суда, это, по-вашему, справедливо? Это правильно? Это честно по отношению ко мне? Мадзини (поднимается и, перегнувшись через стол, говорит

проникновенно-убедительным тоном, словно он стоит за пюпитром проповедника или за прилавком). Ну, полно, полно. Хотите, я научу вас, как вы можете обратить в вашу пользу даже ваше преступление? Почему бы вам не сделаться слесарем? Вы в замках хорошо понимаете; лучше, чем большинство честных людей. Вор. Это верно, сэр. Только, для того чтобы стать слесарем, надо иметь самое

малое двадцать фунтов. Рэндел. Что вам стоит украсть двадцать фунтов? Подите в ближайший банк - и

готово. Вор (в ужасе). Но как же это джентльмен может вбивать такие мысли в голову бедному преступнику, пытающемуся выбраться из греховной бездны?

Стыдитесь, сэр! Да простит вам бог. (Бросается в кресло и закрывает лицо руками, словно молясь.) Леди Этеруорд. В самом деле, Рэндел! Гектор. Мне кажется, нам придется сделать сбор в пользу этого нехстати

раскаившегося грешника. Леди Этеруорд. Но двадцать фунтов - это просто смешно. Вор (быстро открывая лицо). Сколько мне придется купить инструментов, леди! Леди Этеруорд. Глупости, у вас есть ваши воровские инструменты. Вор. Фомка, сверло, ацетиленовая лампа, связка отмычек - вот и все. Что с

этим сделаешь? Мне понадобится горн, кузница, мастерская и всякое там оборудование. Да и двадцатью-то не обойдешься. Гектор. Почтеннейший, у нас нет двадцати фунтов. Вор (чувствуя себя хозяином положения). Но ведь вы бы могли собрать между

собой. Миссис Хэшебай. Дай ему фунт стерлингов, Гектор, и прогони его. Гектор (протягивает ему фунт). Вот. А теперь вон отсюда. Вор (встает, берет деньги без малейшей признательности). Я ничего не могу

вам обещать. У вас, я полагаю, могло бы найтись и побольше, у всех-то. Леди Этеруорд

(энергично). Давайте-ка отправим его куда следует и покончим с этим. У меня тоже есть совесть, я полагаю. И я вовсе не уверена в том, что мы имеем право отпускать его вот так на свободу, в особенности если он дерзит, да еще и торгуется. Вор (поспешно). Ладно, ладно, леди. Я не собираюсь доставлять вам никаких неприятностей. До свиданья, леди и джентльмены, премного вам благодарен. (Поспешно идет к выходу, но в дверях сталкивается с капитаном Шотовером.) Капитан Шотовер (смотрит на него пронизывающим взглядом). Это еще что такое?

Да что, вас двое, что ли? Вор (падает на колени перед капитаном, трясась от страха) О господи, что я

наделал. Неужели же это я к вам залез капитан Шотовер?

Капитан хватает его за шиворот, ставит на ноги и ведет на середину комнаты. Гектор отступает назад к жене, чтобы дать им дорогу.

Капитан Шотовер (поворачивает его к Элли). Это твоя дочь? (Отпускает его.) Вор. Да откуда же я могу это знать, капитан? Знаете ведь, какой мы с вами

вели образ жизни. Можно сказать, любая молодая девушка этого возраста в любом уголке мира могла бы быть моей дочерью. Капитан Шотовер (к Мадзини). Вы не Билли Дэн. Вот Билли Дэн. Вы обманывали

меня? Вор (возмущенно, к Мадзини). Вы выдали себя за меня? И вы же чуть не всадили мне пулю в лоб? Выходит, вы, если можно так выразиться, за самим собой охотились. Мадзини. Дорогой капитан Шотовер, с тех пор как я переступил порог

вашего дома, я только и делал, что старался убедить вас, что я не мистер Уильям Дэн, а Мадзини Дэн, совершенно другой человек. Вор. Он не по той линии, капитан. У нас в роду две ветви: Дэны-ученые и

Дэны-пьянчуги. И каждая ветвь идет своей дорогой. Я из Дэнов-пьянчуг. А он из тех, которые мозгами ворочают. Но это не дает ему никакого права охотиться за мной. Капитан Шотовер. Итак, значит, ты стал вором? Вор. Нет, капитан. Я не позволю себе опорочить наше морское звание. Я не

вор. Леди Этеруорд. А что же вы делали с моими брильянтами? Няня. А зачем же ты в дом-то залез, коли ты не вор? Рэндел. Принял его за свой собственный? Ошибся окошком? Вор. Теперь уж мне нет нужды врать. Я могу провести любого капитана, но

только не капитана Шотовера, потому что он на Занзибаре продался черту, может достать воду из-под земли, знает, где лежит золото, может взорвать патрон у тебя в кармане одним взглядом и видит правду, скрытую в сердце человека. Только я не вор. Капитан Шотовер. Что же, ты честный человек? Вор. Я никогда не старался быть лучше моих ближних, как вы хорошо знаете, капитан. Но то, что я делаю,- это дело невинное и даже богоугодное. Я

просто разузнаю по соседству насчет домов, где хорошие люди живут, ну и поступаю вот так, как я здесь поступил. Забираюсь в дом, кладу в карман несколько ложечек или там брильянтов, потом поднимаю шум, даю себя поймать, а затем делаю сбор. И вы представить себе не можете, какое это трудное дело заставить себя поймать, когда ты сам этого хочешь. Как-то раз в одном доме я переломал все стулья, и хоть бы одна душа живая проснулась. В конце концов так и пришлось уйти. Рэндел. А когда так случается, вы кладете на место ложки и брильянты? Вор. Да как вам сказать. Если уж вы хотите знать, я не перечу воле божьей. Капитан Шотовер. Гинес, вы помните этого человека? Гинес. Еще бы мне не помнить, раз я была замужем за ним, за душегубом.

Миссис Хэшебай | Замужем за ним ? Леди Этеруорд } (вместе) Гинес!!!

Вор. Это был незаконный брак. Много у меня таких жен было. Нечего на меня

клепать. Капитан Шотовер. Отведите его на бак. (Отпихивает его к двери с неожиданной

для своего возраста силой.) Няня. Вы хотите сказать - в кухню. Да разве его туда пустят? Вы думаете,

прислуга захочет водить компанию со всякими ворами и бродягами? Капитан

Шотовер. Воры сухопутные и воры морские - одной плоти и крови. Я

боцмана у себя на шканцах не потерплю. Вон отсюда оба! Вор. Есть вон отсюда, капитан. (Покорно уходит.) Мадзини. А это не опасно, оставить его вот так, в доме? Няня. И что же вы его не убили, сэр? Знала бы я, кто это, так сама бы убила.

(Уходит.) Миссис Хэшебай. Садитесь, пожалуйста, господа. (Усаживается на диван.)

Каждый выбирает себе местечко, за исключением Элли.

Мадзини садится на свое прежнее место. Рэндел

присаживается на подоконник у двери по правому борту и,

снова покачивая свою кочергу наподобие маятника,

пытливо, словно Галилей, наблюдает за нею. Гектор

садится слева от него, посередине. Менген, всеми забытый,

пристраивается в левом углу. Леди Этеруорд усаживается в

большое кресло. Капитан Шотовер в глубокой задумчивости

уходит в кладовую. Все провожают его взглядами, а леди

Этеруорд многозначительно кашляет.

Так, Билли Дэн - это герой романа нашей бедной няни. Я знала, что у нее

что-то такое было. Рэндел. Теперь у них снова пойдут перепалки, и оба будут вкушать полное

блаженство. Леди Этеруорд (раздраженно). Вы не женаты. Ничего в этом не понимаете,

Рэндел. Придержите язык. Рэндел. Тиранша! Миссис Хэшебай. Ну вот, у нас был необыкновенно занимательный вечер. Дальше

уж все будет не так интересно. Пожалуй, лучше идти спать. Рэндел. А вдруг еще кто-нибудь залезет? Мадзини. Ах нет, немисливо. Надеюсь, что нет. Рэндел. А почему? Ведь не один же у нас вор на всю Англию? Миссис Хэшебай. А вы что скажете об этом, Альф? Менген (обиженно). Ну что мое мнение значит? Обо мне забыли. Вор расквасил

мне нос. Ткните меня куда-нибудь в угол и забудьте обо мне. Миссис Хэшебай (вскакивает и с явно злонамеренным видом направляется к

нему). Не хотите ли прогуляться до верескового луга, Альфред? Со мной? Элли. Ступайте, мистер Менген. Вам будет полезно. Гесиона вас утешит. Миссис Хэшебай (взяв его под руку, поднимает его). Идемте, Альфред. Луна.

Ночь. Прямо как в "Тристане и Изольде". (Гладит его руку и тащит его к

двери в сад.) Менген (упирается, но поддается). И как это у вас духу хватает, сердца...

(Чувства его прорываются наружу, из-за двери доносятся его рыдания.) Леди Этеруорд. Что за непонятная манера вести себя? Что с ним такое, с этим

человеком? Элли (странно спокойным голосом, устремив глаза в какую-то воображаемую

даль). У него разбивается сердце, вот и все.

В дверях кладовой появляется капитан и слушает.

Странное это ощущение - боль, которая милосердно уводит нас за пределы наших чувств. Когда сердце разбито, все корабли сожжены, тогда уж все равно. Конец счастью и начало покоя. Леди Этеруорд (неожиданно вскакивает в бешенстве, ко всеобщему удивлению).

Как вы смеете? Гектор. Боже милостивый. Да что случилось? Рэндел (предостерегающе, шепотом). Шшш... Шшш... Тише! Элли (удивленно и надменно). Я не обращаюсь лично к вам, леди Этеруорд. И я

не привыкла, чтобы меня спрашивали, как я смею. Леди Этеруорд. Разумеется, нет. Всякий может видеть, как вы дурно воспитаны. Мадзини. Ах, нет! Надеюсь, нет, леди

Этеруорд. Нет, в самом деле! Леди Этеруорд. Я прекрасно понимаю, что вы хотите сказать. Какая наглость! Элли. А что, собственно, вы хотите сказать? Капитан Шотовер (подходя к креслу). Она хочет сказать, что ее сердце не

разобьется. Всю жизнь она мечтала о том, чтобы кто-нибудь разбил его. А теперь она боится, что разбивать, собственно, нечего. Леди Этеруорд (бросается на колени и обнимает ноги отца}. Папа, неужели ты

думаешь, что у меня нет сердца? Капитан Шотовер (поднимает ее с угрюмой нежностью). Если бы у тебя не было

сердца, дитя, как могла бы ты мечтать, чтобы оно у тебя разбилось? Гектор (вскакивает как ужаленный). Леди Этеруорд, на вас нельзя положиться

вы устроили сцену. (Убегает в дверь направо.) Леди Этеруорд. О Гектор, Гектор! (Бежит за ним.) Рэндел. И все это только нервы, уверяю вас. (Встает и идет за ней, в

волнении размахивая кочергой.) Ариадна! Ариадна! Бога ради, будьте осторожней... Вы... (Уходит.) Мадзини (вставая). Как неприятно! Не могу ли я - как вы думаете - чем-нибудь

быть полезен? Капитан Шотовер (быстро подвигает стул к чертежному столу и садится за

работу). Нет. Ступайте спать. Покойной ночи. Мадзини (оторопев). О-о! А впрочем, пожалуй, вы и правы. Элли. Покойной ночи, дорогой. (Целует его.) Мадзини. Покойной ночи, милая. (Направляется к двери, но потом подходит к

книжной полке.) Я только возьму какую-нибудь книжку. (Достает книгу с полки.) Покойной ночи. (Уходит, оставляя Элли наедине с капитаном.)

Капитан погружен в свои чертежи. Элли, словно на страже, стоит за его спиной и некоторое время смотрит на него молча.

Элли. Вас никогда ничто не волнует, капитан Шотовер? Капитан Шотовер. Я выстаивал на мостике по восемнадцать часов во время

тайфуна. Здесь, правда, еще более бурно. Но все же я могу выстоять. Элли. Как вы думаете, следует мне выйти замуж за мистера Менгена или нет? Капитан Шотовер (не поднимая головы). О тот или другой камень разбиться - не

все ли равно? Элли. Я его не люблю. Капитан Шотовер. А кто это вам говорит, что вы любите? Элли. Вас это не удивляет? Капитан Шотовер. Удивляться! В моем возрасте! Элли. Мне кажется, что это совершенно честно. Я ему нужна для одного, а он

мне для другого. Капитан Шотовер. Деньги? Элли. Да. Капитан Шотовер. Ну что ж, одна подставляет щеку, а другой ее целует. Один

добывает деньги, а другая тратит. Элли. Мне интересно, кому из нас выгодней эта сделка? Капитан Шотовер. Вам. Эти люди всю жизнь сидят у себя в конторе. Вам

придется терпеть его только с обеда до утреннего завтрака. Но большую часть этого времени вы оба будете спать. Весь день вы будете распорядиться собой по собственному усмотрению. И будете тратить его деньги. Если и этого для вас слишком много, выходите замуж за моряка дальнего плавания. Он будет надоедать вам не больше, чем недели три за целый год. Элли. Я думаю, что это было бы самое лучшее. Капитан Шотовер. Опасное это дело - увязнуть в браке с головой, как,

например, муж моей старшей дочери. Он целый день торчит дома, словно проклятая душа в преисподней. Элли. Мне это раньше никогда не приходило в голову.

Капитан Шотовер. Но если вы подходите к этому как к сделке, надо уж и

рассуждать по-деловому. Элли. Почему женщины всегда хотят заполучить чужих мужей? Капитан Шотовер. Почему конокрады предпочитают обьеженную лошадь дикой? Элли (с коротким смешком). Это, пожалуй, верно. Какой подлый мир! Капитан Шотовер.

Меня это не касается. Я уж скоро уйду из него. Элли. А я еще только вхожу. Капитан Шотовер. Да. Так будьте начеку. Элли. Мне кажется, что я действую очень осмотрительно.

Капитан Шотовер. Я не говорил - осмотрительно, я сказал: будьте начеку. Элли. А в чем тут разница? Капитан Шотовер. Можно из осмотрительности отдать душу за то, чтобы получить целый мир. Но не забывайте, что ваша душа сама льнет к вам, если вы ею дорожите. А мир - он стремится выскользнуть у вас из рук. Элли (устало отходит от него и беспокойно слоняется по комнате). Простите меня, капитан Шотовер, но это совершенно бесполезно разговаривать со мной таким образом. Люди старого уклада ничем мне не помогут. Люди старого уклада думают, что у человека может существовать душа без денег. Они думают, что чем меньше у тебя денег, тем больше души. А молодежь в наше время иного мнения. Душа, видите ли, очень дорого обходится. Содержать ее стоит гораздо дороже, чем, скажем, автомобиль. Капитан Шотовер. Вот как? Сколько же она поглощает, ваша душа? Элли. О, целую пропасть. Она поглощает и музыку, и картины, и книги, и горы, и озера, и красивые наряды, и общество приятных людей,- в этой стране вы лишены всего этого, если у вас нет денег. Вот потому-то наши души так изголодались. Капитан Шотовер. Душа Менгена питается свиным пойлом. Элли. Да. Деньги, когда они у него,- это деньги, брошенные на ветер. Я думаю, может быть, его душа слишком изголодалась, когда он был еще очень молод. Но в моих руках они не будут брошены на ветер. И вот потому, что я хочу сохранить мою душу, я и выхожу замуж из-за денег. И все женщины, если у них мозги на месте, поступают так. Капитан Шотовер. Есть и иные способы добыть деньги. Почему бы их просто не украсть? Элли. Потому что я не хочу попасть в тюрьму. Капитан Шотовер. Единственная причина? Вы уверены, что честность здесь никакой роли не играет? Элли. Ах, вы ужасно старомодны, капитан! Неужели вы думаете, что есть сейчас на свете молодые девушки, которые считают, что законные и незаконные способы добывать деньги - это честные или нечестные способы? Менген ограбил отца и друзей моего отца. Я бы украла у Менгена все эти деньги, если бы полиция позволила мне это сделать. Но поскольку это не разрешается, я должна их получить обратно, выйдя за него замуж. Капитан Шотовер. Не могу спорить. Я слишком стар. Мозг мой окончательно сложился. Одно я могу вам сказать: старомодно это или новомодно, но только, если вы продадитесь, вы нанесете своей душе такой удар, что никакие книги, картины, концерты, ни все пейзажи мира не залечат ее. (Внезапно встает и направляется в кладовую.) Элли (бежит за ним, хватая его за рукав). А почему же вы тогда продались черту на Занзибаре? Капитан Шотовер (останавливается, изумленный). Что-о? Элли. Нет, вы не уйдете, прежде чем не ответите. Я уж знаю эти ваши замашки. Если вы продались, почему мне нельзя? Капитан Шотовер. Мне пришлось иметь дело с таким человеческим отребьем, что я только тогда мог заставить себя слушаться, когда ругал их последними словами, хватал за шиворот, бил кулаками. Глупцы забирали на улице несовершеннолетних воришек и отправляли их на учебное судно, где их учили бояться палки, вместо того чтобы бояться бога, думая, что такого рода служба сама по себе сделает из них мужчин и моряков. Я обманул этих воришек, внушив им, что я продаюсь черту. Это избавило меня от необходимости прибегать к ругани и побоям, которые день за днем ввергали в преисподнюю мою душу. Элли (отпуская его). Я сделаю вид, что продаюсь Боссу Менгену, чтобы спасти мою душу от нищеты, которая день за днем ввергает меня в преисподнюю. Капитан Шотовер. Богатство в десять раз скорее ввергнет вас в преисподнюю.

Богатство не пощадит даже вашего тела. Элли. Ну, опять что-то старомодное. Мы теперь знаем, что душа - это тело, а тело - душа. Нам говорят, что это не одно и то же, потому что нас хотят убедить, что мы можем сохранить наши души, если мы позволим поработить наши тела. Боюсь, что я от вас никакого толку не добьюсь, капитан. Капитан Шотовер. А чего бы вы, собственно, хотели? Спасителя, а? Неужели вы так старомодны, что верите в него? Элли. Нет. Но я думала, что вы очень мудрый и можете помочь мне. А теперь я вижу вас насквозь. Вы делаете вид, что вы заняты, а сами придумываете всякие мудрые фразы, и вот бегаєте взад и вперед, и бросаете их на ходу всем на удивление; и тут же исчезаете, прежде чем вам успеют ответить. Капитан Шотовер. Я теряюсь, когда мне возражают, меня это расхолаживает. Я не могу долго переносить ни мужчин, ни женщин. Мне приходится исчезать. Я и сейчас должен исчезнуть. (Пытается уйти.) Элли (хватает его за руку). Нет, вы от меня не уйдете. Я могу вас загипнотизировать. Вы единственный человек в доме, которому я могу сказать все, что мне придет в голову. Я знаю, что я вам нравлюсь. Садитесь. (Тянет его к дивану.) Капитан Шотовер (уступая). Берегитесь. Я ведь впал в детство. Старики народ опасный. Им нет дела до того, что может произойти с миром. Они садятся рядом на диван. Она нежно прижимается к нему, положив голову ему на плечо и полузакрыв глаза. Элли (мечтательно). А я думала, что у стариков, кроме этого не может быть никаких других интересов. Ведь им же не может быть интересно, что случится с ними самими. Капитан Шотовер. Интерес человека к миру - это просто избыток его интереса к самому себе. Когда вы еще дитя, ваше суденышко только спускается на воду, поэтому вы и не интересуетесь ничем, кроме своих собственных дел. Когда вы возмужаете, ваше судно входит в глубокую воду, и вот вы становитесь государственным деятелем, философом, исследователем, искателем приключений. В старости судно ваше изнашивается, оно уж не годится для дальнего плавания, и вы снова становитесь младенцем. Я могу подарить вам уцелевшие остатки моей прежней мудрости. Жалкие остатки и крохи. Но в действительности я ничем не интересуюсь, кроме моих собственных маленьких потребностей и прихотей. Вот я сижу здесь и копаюсь в моих старых изобретениях, стараясь обратить их в средство истребления моих ближних. Я вижу, как мои дочери и их мужья живут бессмысленной жизнью, все это - романтика, чувства, снобизм. Я вижу, как вы, более юное поколение, отворачиваетесь от их романтики, чувств и снобизма, предпочитая им деньги, комфорт и жестокий здравый смысл. И я знаю, что, когда я стоял на своем капитанском мостике во время тайфуна или когда мы в полном мраке на несколько месяцев вмерзали в арктические льды, - я был в десять раз счастливее, чем вы или они. Вы ищете себе богатого мужа. Я в вашем возрасте искал лишений, опасностей, ужасов, смерти, чтобы всем существом своим ощущать, что я живу. Я не позволял страху смерти управлять моей жизнью. И наградой мне было то, что я жил. А вот вы позволяете, чтобы страх перед бедностью управлял вашей жизнью. Этим вы достигнете того, что вы будете есть, а жить вы не будете. Элли (нетерпеливо выпрямляясь). Но что ж я могу сделать? Ведь я же не морской капитан. Я не могу стоять на мостике во время тайфуна или убивать китов и тюленей среди гренландских плавучих льдов. Ведь женщинам не позволяют быть капитанами. Что же вы хотите, чтобы я была

стюардшей? Капитан Шотовер. Бывают жизни и похуже. Стюардши могут сойти и на сушу, если

им хотелось бы, но они плавают, плавают, плавают... Элли. А что бы они стали делать на суше? Вышли бы замуж из-за денег. Не хочу

быть стюардшей. Я плохой моряк. Придумайте для меня что-нибудь еще. Капитан Шотовер. Я не в состоянии думать так долго Я слишком стар. Я должен

исчезать и появляться. (Делает попытку подняться.) Элли (тянет его назад). Нет, вы не уйдете. Вам ведь хорошо здесь, разве нет? Капитан Шотовер. Я уже вам говорил, что это опасно - удерживать меня. Я не

могу долго бодрствовать. Элли. А зачем вы бежите? Спать? Капитан Шотовер. Нет. Выпить стаканчик рому. Элли (в страшном разочаровании). Только за этим? Фу, как противно! Вам

приятно, когда вы пьяны? Капитан Шотовер. Нет. Я больше всего на свете боюсь напиться допьяна. Быть

пьяным - это значит грезить, размякнуть, поддаться любому соблазну, любому обману. Попасть в когти женщинам. Вот что делает с вами вино, когда вы молоды. Но когда вы стары, очень-очень стары, вот как я,- вас осаждают сны. Вы не знаете, до чего это ужасно. Вы молоды и спите только ночью, спите крепко; потом вас начинает клонить ко сну днем; а в старости вам хочется спать даже и утром. И просыпаешься усталый, усталый от жизни. И никогда не бывает так, чтобы дрема и сны оставили вас в покое. Сон подкрадывается к вам во время вашей работы, каждые десять минут, если вы не разгоните его ромом. Я теперь пью для того, чтобы быть трезвым. Но сны побеждают. Ром теперь не такой, как раньше. Я уж выпил сегодня десять стаканов, с тех пор как вы приехали. И все равно как если бы я хлебнул воды. Подите-ка Принесите мне еще стаканчик. Гинес знает, где он. Вот вы сами увидите, какая это гадость, когда старый человек пьет. Элли. Вы не будете пить. Вы будете грезить. Мне нравится, когда вы грезите.

Вам не нужно быть в мире действительности, когда мы с вами разговариваем. Капитан Шотовер. Я слишком устал, чтобы сопротивляться. Или слишком слаб.

Ведь я снова переживаю детство. Я вижу вас не такой, какая вы на самом деле. Я не могу припомнить, какой я на самом деле. Я не ощущаю ничего, кроме этого дурацкого чувства счастья, которого я боялся всю мою жизнь; счастья, которое приходит, когда уходит жизнь; счастья уступать и грезить, вместо того чтобы сопротивляться и действовать. Это сладость гниющего плода. Элли. Вы боитесь этого почти так же, как я боялась расстаться с моими

мечтами, боялась того, что мне придется что-то делать. Но теперь все это для меня уже кончено: все мои мечты пошли прахом. Я бы хотела выйти замуж за очень старого, очень богатого человека. Я бы с удовольствием вышла замуж за вас. Гораздо приятнее выйти за вас, чем за Менгена. Вы очень богатый? Капитан Шотовер. Нет, перебиваемся со дня на день. Да у меня и жена есть,

где-то на Ямайке. Чернокожая. Моя первая жена! Если только не умерла. Элли. Какая жалость! Мне так хорошо с вами! (Берет его руку и почти

бессознательным движением поглаживает ее.) Я уж думала, мне никогда не будет хорошо. Капитан Шотовер. Почему? Элли. Разве вы не знаете? Капитан Шотовер. Нет. Элли. Сердце разбилось. Я влюбилась в Гектора, не зная, что он женат. Капитан Шотовер. Сердце разбилось? Так, может быть, вы из тех, кто настолько довольтвуется самим собой, что только тогда и может быть счастлив,

когда судьба лишит его всего, даже надежды? Элли (хватает его за руку). Да, похоже, что так. Вот я сейчас чувствую: нет ничего на свете, чего бы я не могла сделать, - потому что я ничего не хочу. Капитан Шотовер. Это и есть единственная настоящая сила. Это и есть гений человека. Это лучше рома. Элли (отбрасывает его руку). Рома! Ну зачем вы все испортили?

Из сада в дверь но правому борту входят Гектор и Рэндел.

Гектор. Прошу прощения. Мы думали, тут никого нет. Элли. (вставая). Это, надо полагать, означает, что вы хотите рассказать

мистеру Рэнделу историю с тигром. Идемте, капитан. Я хочу поговорить с отцом, и лучше вам быть при этом. Капитан Шотовер (поднимаясь). Глупости! Он уже лег спать. Элли. Ага! Вот я вас и поймала. Настоящий мой отец лег спать. Но отец, которого вы мне выдумали, в кухне. И вы отлично знали это с самого начала. Идемте. (Тащит его в сад, к двери по левому борту.) Гектор. Вот удивительная девчонка! Водит Старого Моряка за собой на цепочке,

как комнатную собачку. Рэндел. Ну вот, теперь, когда они ушли, может быть, мы с вами потолкуем

по-дружески? Гектор. Вы в моем доме. По крайней мере, все считают его моим... Я к вашим

услугам.

Гектор садится на стул у чертежного стола, повернувшись лицом к Рэнделу, который стоит, небрежно прислонившись к верстаку.

Рэндел. Я полагаю, мы можем быть вполне откровенны. Я имею в виду леди

Этеруорд. Гектор. Вы можете говорить откровенно. А мне нечего сказать. Я ни разу ее не

видел до сегодняшнего дня. Рэндел (выпрямляясь). Что? Ведь вы муж ее сестры? Гектор. Ну, если уж на то пошло, так ведь вы - брат ее мужа. Рэндел. Но ведь вы с ней, по-видимому, очень близки? Гектор. Как и вы. Рэндел. Да. Но я с ней действительно близок. Я знаю ее уже много лет. Гектор. По-видимому, ей понадобилось много лет для того, чтобы достичь с

вами той интимности, которая со мной завязалась через пять минут. Рэндел (оскорбленный). Поистине, Ариадна - это предел (Отходит, надутый, к окну.) Гектор (хладнокровно). Она, как я уже говорил Гесионе весьма предприимчивая женщина. Рэндел (оборачивается в возбуждении). Видите ли, Хэшебай, вы то, что женщины

называют красивый мужчина. Гектор. В дни, когда меня обуревало тщеславие, я старался сохранить эту

видимость. И Гесиона настаивала, чтобы я продолжал это и сейчас. Она заставляет меня напяливать эти дурацкие штуки (показывает на арабский костюм), потому что ей кажется, что у меня нелепый вид во фраке. Рэндел. Вы отлично сохранились, дружище. Так вот, уверяю вас, в моем

отношении нет ни капли ревности. Гектор. Казалось бы, много уместнее было бы поинтересоваться, нет ли этой

капли у вашего брата? Рэндел. Что? Гастингс? Насчет Гастингса вы не беспокойтесь. Он обладает

способностью работать по шестнадцать часов в день над какой-нибудь скучнейшей мелочью, и ему это действительно доставляет удовольствие.

Поэтому-то он и выдвигается всюду. Пока Ариадна заботится о том, чтобы он вовремя поел, он будет только благодарен всякому, кто поддержит ее

хорошее настроение. Гектор. А так как она обладает фамильным обаянием Шотоверов, то претендентов

находится более чем достаточно. Рэндел (свирепо). Она поощряет их. Ее поведение - это сплошной скандал.

Уверяю вас, дорогой мой, что в моем отношении нет ни капли ревности. Но она своим легкомыслием заставляет говорить о себе везде, где бы она ни появилась. Вот ведь что. А на самом деле она совершенно равнодушна к мужчинам, которые увиваются вокруг нее. Но кто это может знать? И получается что-то довольно некрасивое по отношению к Гастингсу; некрасивое и по отношению ко мне. Гектор. Она убеждена, что ведет себя столь безупречно... Рэндел. Безупречно! Она только тем и занимается, что с утра до вечера устраивает сцены. Берегитесь, дружище! Она вам наделает хлопот,- то есть, верней сказать, наделала бы, если бы всерьез заинтересовалась вами. Гектор. Значит, она не интересуется мною? Рэндел. Ни чуточки. Ей просто хочется прибавить еще один скальп к своей

коллекции. Настоящее ее чувство отдано уже давно - много лет тому назад. Так что советую вам поостеречься. Гектор. Скажите, вы очень страдаете от этого чувства ревности? Рэндел. Ревности? Я! Ревную! Дорогой мой, я же вам сказал, что в моем отношении нет ни капли... Гектор. Да... А вот леди Этеруорд сказала мне, что она никогда не устраивает

сцен. Так вот, бросьте вы расточать попусту вашу ревность на мои усы. Никогда не ревнуйте к настоящему живому мужчине. В конце концов всех нас вытесняет воображаемый герой. К тому же ревность ужасно не идет к вашей непринужденной позе светского человека, которую вы так успешно сохраняете во всех остальных случаях жизни. Рэндел. Ну, знаете, Хэшебай, мне кажется, мужчина может позволить себе быть

джентльменом, и не обязательно обвинять его за это в позерстве. Гектор. Это тоже поза, не меньше какой-либо другой. Мы здесь все позы наизусть знаем. У нас дома такая игра: обнаружить, что за человек прикрывается той или иной позой. Насколько я понимаю, за вашей позой скрывается излюбленный герой Элли - Отелло. Рэндел. Позвольте уж сказать вам, что кой-какие игры в этом доме чрезвычайно

раздражают. Гектор. Да, я сам много лет был их жертвой. Сначала я прямо-таки корчился от

этого. Потом, знаете, привык. А теперь и сам научился играть. Рэндел. Я бы вас попросил, если для вас это не составит труда, не играть в

эти игры со мной. Вы, по-видимому, абсолютно не понимаете ни моего характера, ни того, что я привык считать хорошим тоном. Гектор. А это входит в ваше понятие хорошего тона - поносить леди Этеруорд? Рэндел (в его негодовании прорывается жалобная детская нотка). Я ни одного

слова не сказал против леди Этеруорд. Это опять какой-то заговор против меня. Гектор. Какой заговор? Рэндел. Вы отлично знаете, сэр. Заговор, который имеет в виду выставить меня

мелочным, ревнивым, ребячливым,- то есть как раз наделить меня такими качествами, которых у меня нет. Все знают, что я представляю собой полную противоположность этому. Гектор (поднимаясь). По-видимому, в атмосфере нашего дома есть что-то, что

скверно на вас действует. Это нередко бывает. (Идет к двери в сад и подчеркнуто повелительным тоном зовет леди Этеруорд.) Ариадна! Леди Этеруорд (откуда-то издали). Да? Рэндел. Зачем вы ее зовете? Я хочу поговорить... Леди Этеруорд (врывается, запыхавшись). Да? Нет, в самом деле, у вас страшно

властная натура. Что такое? Гектор. Да вот я что-то не могу управиться с вашим приятелем Рэнделом. Вы,

конечно, знаете, как к нему подступиться? Леди Этеруорд. Рэндел, вы опять выкинули

какую-нибудь глупость? Я вижу по
вашему лицу. Нет, вы поистине самое мелочное существо на свете. Рэндел. Вы отлично
знаете, Ариадна, что в моей натуре нет ни капли
мелочности. Я держал себя здесь в высшей степени обходительно. Я
остался совершенно невозмутим при виде вора. Это моя особо
отличительная черта - невозмутимость. Но... (топает ногой и начинает
сердито расхаживать) я требую, чтобы со мной обращались с известным
уважением. Я не позволю Хэшебаю фамильярничать со мной. Я не потерплю,
чтобы вы поощряли мужчин бегать за вами. Гектор. Этот человек носит в себе сильно
укоренившееся заблуждение в том,

что он ваш супруг. Леди Этеруорд. Знаю. Он ревнует. Как будто у него есть на это
какие-то

права! Он вечно меня компрометирует. Устраивает сцены повсюду. Я этого
не допущу, Рэндел. Вы не имеете права пререкаться из-за меня с
Гектором. Я не желаю быть предметом мужских пересудов. Гектор. Будьте
благоразумны, Ариадна. Ваша роковая красота сама по себе

заставляет мужчин пререкаться. Леди Этеруорд. Ах вот как! А что вы скажете о вашей
роковой красоте? Гектор. Что ж я могу с этим сделать? Леди Этеруорд. Вы можете сбрить
себе усы. Я могу отрезать себе нос. Всю

жизнь мне приходится терпеть из-за мужчин, которые в меня влюбляются. А
потом Рэндел говорит, что я бегаю за мужчинами. Рэндел. Я... Леди Этеруорд. Да, да,
вы говорили. Вы только что это сказали. Почему вы ни

о чем не можете подумать, кроме женщин? Наполеон был совершенно прав,
когда говорил, что женщины - это занятие для бездельников. А уж из всех
бездельников самый отъявленный - это Рэндел Этеруорд... Рэндел. Ариа... Леди
Этеруорд (прерывая его целым потоком слов). Да, да, бездельник. И

ничего спорить. Сделали ли вы хоть что-нибудь за всю свою жизнь? На что
вы годитесь?хлопот с вами больше, чем с трехлетним младенцем. Вы шагу
ступить не можете без чужих услуг. Рэндел. Это... Леди Этеруорд. Лен! Воплощенная
лень! Сплошной эгоизм! Самый скучный

человек на земле. Даже когда вы сплетничаете, вы ни о чем не можете
говорить, кроме как о себе самом, о своих огорчениях, своих болезнях и
о том, кто вас обидел. (Обращается к Гектору.) Знаете, как его
прозвали, Гектор?

Гектор | (оба Пожалуйста, не говорите мне этого. Рэндел } вместе). Я не потерплю
этого.

Леди Этеруорд. Рэндел-слюнтяй - вот как его зовут в обществе. Рэндел (кричит). Я не
допущу этого, повторяю вам. Выслушайте меня, вы,

дьявольская... (Задыхается.) Леди Этеруорд. Ну-ну, я вас слушаю. Как это вы
собирались меня назвать?

Дьявольская... что? Каким противным животным я стану на этот раз? Рэндел
(захлебываясь от негодования). Нет в мире такого омерзительного

животного, каким способна быть женщина. Вы сущий дьявол, который может
с ума свести человека! Вы не поверите мне, Хэшебай, если я вам скажу,
что я любил этого демона вею мою жизнь. Но бог свидетель, как я был за

это наказан. (Опускается на стул и плачет.) Леди Этеруорд (останавливается перед ним,
глядя на него с презрительным

торжеством}. Нюня! Гектор (подходит к нему, серьезным тоном). Друг мой, эти сестры
Шотовер

имеют в своем распоряжении две колдовские штуки против мужчин: они
могут их заставить любить себя и могут заставить их плакать.

Благодарите вашу звезду, что вы не женаты ни на одной из них. Леди Этеруорд

(надменно). Прошу вас, Гектор... Гектор (внезапно берет ее за плечи, круто поворачивает ее от Рэндела к себе

и хватает рукой за горло). Ариадна! Если вы только посмеете начать эти штуки со мной, я вас задушу. Слышите? Игра в кошки-мышки с прекрасным полом - премилая игра, но я могу с вами до того доиграться, что голову вам оторву. (Толкает ее без всяких церемоний в большое кресло и продолжает уже не так свирепо, но твердо.) Наполеон верно сказал, что женщины - это занятие для бездельников. Но он сказал еще, что женщина это утеха воина. Так вот, я - воин. Берегитесь! Леди Этеруорд (ничуть не обиженная, а скорее даже польщенная этим

неистовством). Дорогой Гектор, я ведь сделала только то, что вы просили. Гектор. Как вас прикажете понять? Будьте добры объясниться. Леди Этеруорд. Вы позвали меня сюда, чтобы утихомирить Рэндела. Вы сказали, что сами не можете с ним справиться. Гектор. Ну и что из того, что я сказал,- я не просил вас доводить человека

до сумасшествия. Леди Этеруорд. Да ничуть он не сходит с ума. Просто это такой способ унять

его. Будь вы матерью, вы бы меня поняли. Гектор. Матерью? Что вы тут такое задумали? Леди Этеруорд. Все очень просто. Когда дети у меня капризничали и не слушались, я их шлепала как следует, чтобы поревели хорошенько,- это была для них такая полезная встряска. После этого они прекрасно спали и потом на другой день отлично вели себя. Но ведь не могу же я отшлепать Рэндела. Он слишком велик. Поэтому, когда у него нервы не в порядке и он раскапризничается, я просто довожу его до слез. Вот теперь он будет хорошо вести себя. Посмотрите, он уже совсем спит. Так оно, в сущности, и есть. Рэндел (просыпается, с возмущением). Я не сплю. Какая вы жестокая, Ариадна! (Расчувствовавшись.) Но я, кажется, готов простить вас, как всегда.

(Подавляя зевоту.) Леди Этеруорд (Гектору). Ну, грозный воин, вы удовлетворены моим

объяснением? Гектор. Когда-нибудь, если вы зайдете слишком далеко, я вас зарежу. Я думал

раньше, что вы просто дура. Леди Этеруорд (смеясь). Все почему-то так думают сначала. Но я не такая

дура, как это может показаться на первый взгляд. (Очень довольная, встает.) Ну, Рэндел, теперь марш спать. И утром вы будете пай-мальчиком. Рэндел (слабо сопротивляясь). Я пойду спать, когда мне захочется.

Сейчас еще

и десяти нет. Леди Этеруорд. Десять уже давно было. Пожалуйста, Гектор, посмотрите, чтобы

он сейчас же пошел спать. (Уходит в сад.) Гектор. Есть ли на свете рабство более гнусное, чем это рабство мужчин у

женщин? Рэндел (решительно поднимаясь). Я завтра не стану с ней разговаривать. Целую

неделю не буду с ней говорить. Я ее так проучу... И сейчас пойду спать, не простившись с ней. (Идет к двери в переднюю.) Гектор. Околдовали вас, человек.

Старик Шотовер проданся дьяволу на

Занзибаре. И дьявол дал ему за это чернокожую ведьму в жены. Эти две чертовки-дочки - мистический плод сего союза. Я привязан к юбке Гесионы, но я муж ей. И если я даже и совершенно спятил из-за нее, то мы хоть поженились, по крайней мере. Но почему вы позволяете, чтобы Ариадна швыряла вас и таскала, как ребенок таскает и колотит игрушечного ослика? Какая вам от этого радость? Вы что, любовник ее,

что ли? Рэндел. Вы не должны это так дурно понимать. Может быть, в высшем смысле, в платоническом... Гектор. Фью-ю... В платоническом! Она держит вас на побегушках. А когда

приходит время расплачиваться, она надувает вас. Так это надо понимать? Рэндел (вяло). Мне кажется... если я против этого не возражаю... то вам-то до этого какое дело? Кроме того, я же вам сказал, что я проучу ее. Вот увидите. Я знаю, как надо обращаться с женщинами. А правда, я, кажется, совсем засыпаю. Пожелайте миссис Хэшебай от меня покойной ночи, не считите за труд. Спокойной ночи. (Поспешно уходит.) Гектор. Бедняга! О, женщины! Женщины! Женщины! (Поднимает кулаки к небу и потрясает ими, точно произнося заклинание) Разверзись! Разверзись и сокруши! (Уходит в сад.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гектор выходит в сад через стеклянную дверь кормовой галереи. С восточной стороны от эспланады, в свете дугового фонаря, который в своем матовом колпаке похож на луну, леди Этеруорд томно раскинулась в гамаке; рядом с изголовьем гамака стоит складной стул. С другой стороны флагштока, на длинной садовой скамье, спит капитан Шотовер, рядом с ним сидит Элли, нежно прижавшись к его плечу; по левую сторону от них палубный стул. Позади в темноте прогуливаются Гесиона и Менген.

Прекрасная тихая, безлунная ночь.

Леди Этеруорд. Какая чудесная ночь! Как будто нарочно для нас. Гектор. Никакого ей до нас дела нет. Что мы ей? (Угрюмо садится на стул.) Элли (сонно прижимаясь к капитану). Эта ее красота прямо проникает во все

мои жилки. Ночь несет в себе покой для старых и надежду для юных. Гектор. Это вы что - сами придумали? Элли. Нет. Это последняя фраза капитана перед тем, как он заснул. Капитан Шотовер. Я не сплю. Гектор. Рэндел спит. И мистер Мадзини Дэн. И Менген, должно быть, тоже. Менген. А вот и нет. Гектор. Ах, вы здесь? Я думал, Гесиона уже отправила вас спать. Миссис Хэшебай (подходит сзади к скамье и появляется в круге света вместе с

Менгеном). Да, пожалуй, пора. Менген без конца повторяет мне, что у него предчувствие, будто он умрет. В жизни не видела человека, который бы с такой жадностью добивался, чтобы его пожалели. Менген (жалобно). Но у меня правда такое предчувствие. Правда же. А вы не

хотите слушать. Миссис Хэшебай. Я слушала что-то другое. Тут было какое-то чудесное жужжанье

в небе. Никто не слышал? Откуда-то донеслось издалека, а потом замерло. Менген. Я же вам сказал, что это поезд. Миссис Хэшебай. А я вам говорю, Альф, что в эти часы никакого поезда нет.

Последний приходит в девять сорок пять. Менген. Может быть, какой-нибудь товарный. Миссис Хэшебай. По нашей маленькой ветке они не ходят. Просто прицепляют к пассажирскому один товарный вагон. Что бы это такое могло быть, Гектор? Гектор. Это грозное рычание неба, знаменующее его отвращение к нам, жалким, бесполезным тварям. (Исступленно.) Я вам говорю, вот увидите, что-нибудь случится. Одно из двух: или из тьмы выйдет какое-то новое существо на смену нам, как мы пришли на смену животным, или небосвод с грохотом обрушится и уничтожит нас. Леди Этеруорд (хладнокровно, поучительным тоном, укладываясь поуютнее в своем гамаке). Вовсе мы не приходили на смену животным, Гектор. Почему

вы призываете небо обрушиться на этот дом, в котором можно было бы устроить такую уютную жизнь, если бы только Гесиона имела хоть малейшее представление о том, как надо жить? Разве вы не понимаете, в чем главный недостаток этого дома? Гектор. Мы - главный недостаток. Смысла в нас нет ни малейшего. Мы

бесполезны, опасны. И нас следует уничтожить. Леди Этеруорд. Глупости! Гастингс в первый же день, как только приехал сюда,

- это было тому назад года двадцать четыре, кажется,- сразу же сказал мне, в чем недостаток нашего дома. Капитан Шотовер. Что? Чурбан сказал, что в моем доме какой-то недостаток? Леди Этеруорд. Я сказала, что это Гастингс сказал, а он вовсе не чурбан. Капитан Шотовер. Какой же это недостаток в моем доме? Леди Этеруорд. Такой же, как и на корабле, папа. Разве не тонко было со

стороны Гастингса подметить это? Капитан Шотовер. Дурак он. Какой может быть недостаток на корабле? Там все

на месте. Леди Этеруорд. Нет, не все. Миссис Хэшебай. Ну, а что же такое? Да не тяни ты, Эдди. Леди Этеруорд. Угадайте. Гектор. Дьяволицы, дочери ведьмы занзибарской! Дьяволицы! Леди Этеруорд. А вот и нет. Уверяю вас, все, что нужно, чтобы сделать этот

дом разумным, здоровым, приятным, чтобы у всех был хороший аппетит и здоровый сон,- это лошади. Миссис Хэшебай. Лошади! Какая чушь! Леди Этеруорд. Да, лошади. Почему мы никогда не могли сдать этот дом внаймы?

Потому что тут нет конюшен. Поезжайте куда угодно в Англии, где живут нормальные, здоровые, довольные, настоящие, порядочные англичане, и вы увидите, что главный стержень всего дома - это конюшни; а если кому-нибудь из гостей вздумается побренчать на рояле, так, прежде чем открыть его, надо всю комнату перевернуть вверх дном - чего-чего только не навалено на крышке. Я до тех пор не почувствовала, что существую, пока не научилась ездить верхом. Но я никогда по-настоящему, как следует, ездить не буду, потому что меня с детства этому не учили. Настоящее английское общество делится на два круга: это круг лошадников и круг невротиков. И это вовсе не условность. Всякому ясно, что люди, которые занимаются охотой, - это порядочные люди, а те, кто не охотится, это не настоящие люди. Капитан Шотовер. В этом есть доля правды.

Мужчину из меня сделал мой

корабль, а корабль - это конь морской. Леди Этеруорд. Вот именно поэтому-то, как мне Гастингс объяснял, ты и

джентльмен. Капитан Шотовер. Не так уж глупо для чурбана. Можешь его привезти в следующий раз. Мне надо поговорить с ним. Леди Этеруорд. Почему Рэндел такой слюнтяй? Воспитывали его хорошо, учился в

колледже и университете, работал в министерстве иностранных дел, всю жизнь вращался в лучшем обществе. А почему он какой-то такой недоделанный, никчемный? Почему ни один слуга не уживается у него дольше чем два-три месяца? Потому что он слишком ленив и слишком падок на всякие развлечения и поэтому не может быть ни охотником, ни стрелком. Он бренчит на рояле, рисует, волочится за замужними женщинами, читает беллетристику, стихи. Он даже на флейте играет. Но я никогда не позволяла ему являться с флейтой ко мне в дом. Посмел бы он только... (Ее прерывают меланхолические звуки флейты, доносящиеся из открытого окна сверху. Она в негодовании приподнимается в гамаке.)

Рэндел! Вы до сих пор не легли спать? Вы что же, подслушиваете?

Флейта задорно отвечает.

Боже, какая пошлость! Сейчас же в кровать, Рэндел! Как вы смеете!

Окно со стуком закрывается.

(Снова укладывается в гамак.) Ну кто может заинтересоваться таким ничтожеством? Миссис Хэшебай. Эдди, как ты думаешь, следует Элли выйти замуж за бедного

Альфреда только из-за его денег? Менген (в ужасном смятении.) Ну что же это такое? Миссис Хэшебай, неужели вы

будете обсуждать мои дела вот так, перед всеми? Леди Этеруорд. Я думаю, Рэндел сейчас уже не слушает. Менген. Все слушают. Так, право, нельзя. Миссис Хэшебай. Да ведь сейчас темно. Ну не все ли вам равно? Элли не

возражает. Правда, Элли? Элли. Правда. Вы что думаете об этом, леди Этеруорд? У вас так много

здорового смысла. Менген. Нет, это нехорошо. Это... это...

Миссис Хэшебай зажимает ему рот рукой.

Ах, ну отлично! Леди Этеруорд. Сколько у вас денег, мистер Менген? Менген. Ну, знаете!.. Нет, это просто невозможно! Леди Этеруорд. Глупости, мистер Менген. Ведь весь вопрос в вашем капитале? Менген. Ну, уж если на то пошло - сколько у нее денег? Элли.

Ничего нет. Леди Этеруорд. Ну вот, она ответила, мистер Менген. А теперь, после того как вы заставили мисс Дэн бросить карты на стол, извольте показать и ваши. Миссис Хэшебай. Ну, Альфред, выкладывайте - сколько же? Менген (разозленный до того, что теряет всякую осторожность). Ну, если уж

вам угодно знать, то у меня нет денег и никогда не было. Миссис Хэшебай. Альфред, зачем вы нам рассказываете такие нелепые сказки? Менген. Это не сказки. Голая правда. Леди Этеруорд. На что же вы тогда живете, мистер Менген? Менген. Я живу на разъездные; ну а потом немножко еще комиссионных. Капитан Шотовер. А у кого из нас есть что-нибудь, кроме разъездных на

путешествие по жизни? Миссис Хэшебай. Но ведь у вас же есть фабрика, капиталы и все такое. Менген. Это все так думают, что у меня есть. Меня считают промышленным

Наполеоном. Поэтому-то мисс Элли и хочет выйти за меня. Но я вам говорю, что у меня ничего нет. Элли. Вы хотите сказать - эти фабрики вроде тигров Марка? Они на самом деле

не существуют? Менген. Они отлично существуют. Только это не мои фабрики. Они принадлежат

синдикатам, акционерам и всяким там ленивым, ни на что не пригодным капиталистам. Я беру у них деньги и пускаю фабрики в ход. Отыскиваю людей вроде папаши мисс Дэн, которые кладут все свои силы на то, чтобы наладить дело, и сам принимаю все меры к тому, чтобы оно приносило доход. Конечно, я ставлю условие, чтобы мне платили приличное содержание, но это собачья жизнь. А собственности у меня никакой нет. Миссис Хэшебай. Альфред, вы очень неискусно пытаетесь увильнуть от брака с

Элли. Менген. Первый раз в жизни сказал правду насчет своих денег - и первый раз в жизни ни одна душа не верит! Леди Этеруорд. Как это грустно! Почему бы вам не заняться политикой, мистер

Менген? Менген. Политикой? Да что вы, с луны свалились? Чем же я занимаюсь, как не

политикой! Леди Этеруорд. Простите, но я ни разу о вас не слыхала. Менген. Разрешите объяснить вам, леди Этеруорд, что премьер-министр нашей

страны предложил мне войти в правительство и без всякой этой чепухи вроде выборов - на правах диктатора одного крупного ведомства. Леди Этеруорд. В качестве консерватора или либерала? Менген. Ну, это все ерунда. Просто в качестве делового человека.

Все раздражаются хохотом.

Над чем вы, собственно, смеетесь? Миссис Хэшебай. Ах, Альфред, Альфред! Элли. Это вас-то, который не может ступить шагу без моего отца? Ведь он все

за вас делает. Миссис Хэшебай. Вас, который боится собственных рабочих? Гектор. Вас, с которым три женщины целый вечер играют в кошки-мышки? Леди Этеруорд. Вы, должно быть, дали той партии, которая выдвинула вас,

огромную сумму, мистер Менген? Менген. Ни пенни из своего кармана. Деньги нашел синдикат. Они понимали,

насколько я буду для них полезен в правительстве. Леди Этеруорд. Все это необыкновенно интересно и неожиданно, мистер Менген.

Ну, и каковы же ваши административные достижения? Менген. Достижения?.. Гм... не знаю, что вы подразумеваете. Но я ловко

расстроил планы молодчиков из других ведомств. Каждый из них стремился выступить в роли спасителя страны, а меня хотели оттеснить, лишить доверия и всякой надежды заработать титул. Но я заранее позаботился на тот случай, если бы они захотели мне пакостить, - чтобы и у них ничего не вышло. Я, может быть, ничего не понимаю в моих машинах, но зато я прекрасно умею сунуть палку в чужую машину. Вот теперь они остались в совершенных дураках. Гектор. А вы с чем остались? Менген. Я остался с тем, что перехитрил всех остальных. Если это не

торжество деловитости, то как это еще назвать? Гектор. Где мы: в Англии или в сумасшедшем доме? Леди Этеруорд. Так вы собираетесь спасти страну, мистер Менген? Менген. А кто же еще ее спасет? Может быть, ваш мистер Рэндел? Леди Этеруорд. Рэндел-слюнтяй? Нет, конечно. Менген. Или, может быть, ваш зятек с этими его усами и пышными фразами? Гектор. О да, если бы мне позволили. Менген (насмешливо). А-а! А позволяют? Гектор. Нет. Вы им больше по душе. Менген. То-то же. Ну, а раз вы живете в мире, где меня ценят, а вас нет, вам

не мешает обращаться со мной повежливее. Кто тут еще найдется, кроме меня? Леди Этеруорд. Гастингс! Бросьте вашу нелепую демократию, дайте Гастингсу власть и хороший запас бамбуковых палок, чтобы привести британских туземцев в чувство, - и он без всякого труда спасет страну. Капитан Шотовер. Пусть уж она лучше погибнет. С палкой в руках всякий дурак

сумеет управлять. И я бы мог так управлять. Это не божий путь. Этот твой Гастингс - чурбан. Леди Этеруорд. Он стоит всех вас, вместе взятых. А вы что скажете, мисс Дэн? Элли. Я думаю, что мой отец отлично мог бы управлять, если бы люди не клеветали на него, не обманывали его и не презирали за то, что он такой хороший. Менген (презрительно). Представляю себе: Мадзини Дэн в парламенте и пробивает себе путь в правительство! Слава богу, до этого мы еще не дошли. Что вы скажете, миссис Хэшебай? Миссис Хэшебай. О, я думаю, что это ровно ничего не значит, кто из вас

управляет страной, пока мы управляем вами. Гектор. Мы? Кто это мы, позвольте узнать? Миссис Хэшебай. Внучки дьявола, дорогой. Прекрасные женщины. Гектор (снова вздымая руки к небесам). Обрушья, говорю я, и избавь нас от

чар сатанинских! Элли. Выходит, что в мире нет ничего настоящего, кроме моего отца и

Шекспира. Тигры Марка поддельные. Миллионы мистера Менгена поддельные. Даже в Гесионе нет ничего по-настоящему сильного и неподдельного, кроме ее прекрасных черных волос. А леди Этеруорд слишком красива, чтобы быть настоящей. Единственная вещь, которая еще для меня существовала, это была седьмая степень самосозерцания капитана. Но и это, оказывается... Капитан Шотовер. Ром. Леди Этеруорд (спокойно). Большая часть моих волос отнюдь не поддельная.

Герцогиня Дитеринг предлагала мне за это (поглаживает свою прическу) пятьдесят гиней. Она думала, что это парик. Но это все мое собственное, за исключением цвета, разумеется. Менген (в совершенном неистовстве). Нет, слушайте, я сейчас разденусь, я

сниму с себя все, что есть. (Начинает стаскивать с себя сюртук.)

Леди Этеруорд | Мистер Менген! Капитан Шотовер } (вместе, Что это такое! Гектор | в ужасе) Ха-ха-ха! Валяйте! Элли | Пожалуйста, не надо.

Миссис Хэшебай (хватает его за руку). Альфред! Как вам не стыдно! Да что вы, с ума сошли? Менген. Стыдно! Где тут стыд, в этом доме? Нет, давайте все разденемся догола. Уж если что делать, так надо доводить это до конца. Морально мы все уж разоблачились догола. Так давайте обнажимся и телесно. И посмотрим, как это нам понравится. Я вам говорю, что я не в состоянии это выдержать. Меня с детства учили приличиям. Я не возражаю против того, чтобы женщины красили волосы, а мужчины пили,- это в человеческой натуре. Но совсем не в человеческой натуре рассказывать об этом направо и налево. Стоит только кому-нибудь из вас рот открыть, как меня всего передергивает (ежится, словно в него запустили камнем) от страха - что еще сейчас тут ляпнут? Как можно сохранять хоть какое-нибудь уважение к себе, если мы не стараемся показать, что мы лучше, чем на самом деле? Леди Этеруорд.

Совершенно согласна с вами, мистер Менген. Все это я испытала. Я знаю, по опыту знаю, что мужчины и женщины - это хрупкие цветы, и их надо выращивать под стеклом. А у нас в семье привычка швырять камнями куда попало и устраивать сквозняки - и это не только невыносимо грубо, но положительно опасно. Но если уж вы не убереглись от моральной простуды, то зачем же еще простужаться и физически. Нет, уж вы, пожалуйста, не снимайте ваше платье. Менген. Я буду делать так, как мне хочется, а не так, как вы говорите. Что

я, ребенок или взрослый? Хватит с меня этой родительской тирании. Уеду в Сити, там меня ценят и уважают. Миссис Хэшебай. Прощайте, Альф. Вспоминайте нас иногда там, в вашем Сити.

Вспоминайте, какая она юная, Элли. Элли. Вспоминайте, какие глаза и волосы у Гесионы. Капитан Шотовер. Вспоминайте про наш сад, где вам не приходилось быть сторожевым псом, лающим, дабы преградить дорогу правде. Гектор. Вспоминайте красоту леди Этеруорд. Ее здравый смысл. Ее изящество. Леди Этеруорд. Лъстец! Нет, мистер Менген, вы лучше вспоминайте, есть ли на

свете другое такое место, где вам было лучше, чем здесь. Это ведь самое главное. Менген (сдаваясь). Хорошо, хорошо. Сдаюсь. Пусть будет по-вашему. Только отвяжитесь. Я понять не могу, где я, что со мной, - когда вы все так на меня накидываетесь. Остаюсь, женюсь на ней. Все сделаю, только чтобы жить спокойно. Ну, теперь вы довольны? Элли. Нет. Я, в сущности, никогда не собиралась женить вас на себе, мистер

Менген. В глубине души - никогда. Я только хотела испытать свои силы.

Проверить, можете ли вы устоять, если я захочу! Менген (в негодовании). Как! Вы хотите сказать, что теперь, после того как я

так благородно поступил, вы собираетесь отказаться от меня? Леди Этеруорд. На вашем месте я бы не стала так торопиться, мисс Дэн. Вы в любое время, до самой последней минуты, успеете отказаться от мистера Менгена. В его положении разориться довольно трудно. Вы можете вести очень комфортабельную жизнь, пользуясь тем, что он слывет таким богачом. Элли. Я не могу пойти на двоемужество.

Миссис Хэшебай | Двоемужество! Что вы такое городите? Леди Этеруорд | (все Двоемужество! Что вы хотите сказать, мисс Дэн? Менген } сразу) Двоемужество! Вы хотите сказать, что вы уже

| замужем? Гектор | Двоемужество! Действительно, загадка!

Элли. Всего только полчаса тому назад капитан Шотовер взял меня в белые жены. Миссис Хэшебай. Элли! Что за чушь! Где? Элли. В небесах, где совершаются все

истинные браки. Леди Этеруорд. Ну, знаете, мисс Дэн! Ну, знаешь, папа! Менген. И он еще говорил мне, что я слишком стар! А сам-то, мумия такая! Гектор (цитируя Шелли).

Им алтарем был темный лес,

Венчал их ветер вольный. Элли. Да, я, Элли Дэн, отдала свое разбитое сердце, мою, сильную, здоровую

душу ее естественному капитану, моему духовному супругу и второму отцу.

(Подсовывает руку капитана под свою и нежно ее поглаживает.)

Капитан крепко спит.

Миссис Хэшебай. Ах, как это умно с вашей стороны, деточка. Необыкновенно умно! Альфред, вам никогда не сравняться с Элли. Куда там! вы должны удовлетвориться маленькой порцией меня. Менген (сопит и вытирает глаза). Это бессердечно... (Задыхается от

огорчения.) Леди Этеруорд. Вы удачно отделались, мистер Менген. Мисс Дэн - такая самонадеянная молодая особа, я первый раз вижу такую, с тех пор как вернулась в Англию. Миссис Хэшебай. О, Элли вовсе не самонадеянная. Ведь правда, милочка? Элли. Теперь я знаю свою силу, Гесиона. Менген. Бесстыжая, вот как ее надо назвать. Миссис Хэшебай. Ш-шшш... ш-шшш... Альфред, не надо грубить. Разве вы не

чувствуете, как прекрасна эта брачная ночь, этот брак, заключенный в небесах? Разве вы не счастливы, вы и Гектор? Откройте глаза. Эдди и Элли достаточно хороши, чтобы понравиться самому требовательному мужчине. Мы живем, и любим, и ни о чем не думаем. И все это мы, женщины, устроили для вас. Почему же, скажите во имя здравого смысла, вы все еще продолжаете вести себя так, будто вы два жалких, брошенных человека? Капитан Шотовер. Я вам говорю, что от счастья проку мало. Вы можете быть счастливы только тогда, когда вы наполовину живы. Вот я сейчас наполовину мертвец, а счастливее, чем я был когда-то в молодости. Но и моему счастью нет благословения божьего. Элли (с просветленным лицом). Жить в благословении! Вот что мне надо. Теперь

я понимаю, почему я на самом деле не могу выйти замуж за мистера Менгена. В нашем браке не могло быть благословения. Благословение в моем разбитом сердце. Благословение в вашей красоте, Гесиона. Благословение в душе вашего отца. Даже в выдумках Марка есть благословение. Но в деньгах мистера Менгена никакого благословения нет. Менген. Ни слова не понимаю. Элли. Я тоже. Но я знаю, что это что-то значит. Менген. Не говорите только, что у нас были какие-нибудь заминки с

благословением. Я готов был откопать епископа, чтобы он нас благословил и повенчал. Миссис Хэшебай. Ну, не болван ли он, милочка? Гектор (гневно). Довольно вам издеваться над этим человеком. Все мы болваны.

Мадзини, в пижаме и в ярком шелковом халате, выходит из дома, и подходит к леди Этеруорд.

Миссис Хэшебай. А! Вот идет единственный человек, который сумел устоять против меня. Что такое случилось, мистер Дэн? Уж не пожар ли? Мадзини. Нет, что вы! Ничего не случилось. Но как можно спать, когда у тебя

под окном такая интересная беседа, да еще при этом такая замечательная ночь. Просто не утерпел и решил присоединиться к вам. О чем это здесь шла речь? Миссис Хэшебай. О, здесь происходят удивительные вещи, солдат свободы. Гектор. Вот, например, Менген, в качестве практика и дельца, пытался раздеться здесь при всех. И потерпел позорное поражение. Тогда как вы, в качестве идеалиста, блестяще преуспели в том же самом. Мадзини. Надеюсь, вы не в претензии, что я в таком виде, Миссис Хэшебай?

(Садится на складной стул.) Миссис Хэшебай. Напротив. Я бы предпочла вас всегда в таком виде. Леди Этеруорд. Брак вашей дочери, мистер Дэн, расстроился. У мистера

Менгена, которого мы все считали капиталистом, оказывается, ровно ничего нет. Мадзини. Ну, я-то, разумеется, знал это, леди Этеруорд. Но если люди верят в

него и дают ему деньги, тогда как в меня они не верят и денег мне не дают, то как я могу настаивать, чтобы бедняжка Элли рассчитывала на меня? Менген. Пожалуйста, только не воображайте, будто у меня ничего нет. Я... Гектор. Ах, ради бога, без объяснений! Мы поняли. У вас есть тысячи фунтов в долгосрочных векселях, пятьдесят тысяч паев, которым цена десять пенсов за дюжину, и полдюжины таблеток цианистого калия, чтобы покончить с собой в ту минуту, когда вас прижмут к стенке. Вот и все ваши миллионы. Мадзини. Нет, нет, нет! Он вполне честный человек. Все предприятия, с которыми он имеет дело, совершенно подлинные и вполне законные предприятия. Гектор (с отвращением). Гм. Даже и плут-то не крупный. Менген. Это вы так думаете. Но для кой-кого из честных людей оказался даже слишком крупным. Леди Этеруорд. Вам никак не угодить, мистер Менген. Вы решили быть сразу и

не богатым и не бедным, и не честным и не бесчестным. Менген. А вы опять за свое. С тех пор как я вступил в этот дурацкий дом, из меня все время шута делают. А я ведь такой же человек, как в Сити, так и здесь. Элли (мелодично). Да, это дурацкий дом... Это нелепо счастливый дом, это душераздирающий дом, дом без всяких основ. Я буду называть его домом, где разбиваются сердца. Миссис Хэшебай. Перестаньте, Элли. А то я завою как зверь. Менген начинает понемногу всхлипывать.

Ну вот, вы уже довели Альфреда. Элли. Мне он больше нравится, когда он воет. Капитан Шотовер. Молчать!

Менген затихает.

Пусть сердца разбиваются в безмолвии. Гектор. А вы согласны с этим именем для вашего дома? Капитан Шотовер. Это не дом мой, это моя берлога. Гектор. Мы слишком зажились здесь. Мы не живем в этом доме, мы в нем просто на ролях привидений. Леди Этеруорд (с надрывом). Это просто ужасно представить себе, что вы здесь

сидели все эти годы, когда я весь свет успела объехать. Мне удалось бежать отсюда еще в юности. А теперь этот дом потянул меня обратно. Он хочет разбить и мое сердце. Но это у него не выйдет. Я простила с ним и с вами. Глупо было возвращаться. Но я как-то расчувствовалась вспомнила папу, Гесиону и старые места... Мне казалось, будто они зовут меня. Мадзини. Но ведь это совершенно естественное, хорошее человеческое чувство, леди Этеруорд. Леди Этеруорд. Вот и я так думала, мистер Дэн. Но теперь я вижу, что

это были просто последствия гриппа. И я убедилась, что меня здесь не помнят и не хотят. Капитан Шотовер. Ты уехала, потому что ты не нуждалась в нас. Разве это не

разбило сердце твоего отца? Ты вырвала себя отсюда с корнем. А земля залечила раны, дала свежие всходы и забыла тебя. Какое ты имела право возвращаться и беречь старые раны? Миссис Хэшебай. Ты сначала показалась мне совершенно чужой, Эдди. Но сейчас

мне кажется, что ты никогда и не уезжала. Леди Этеруорд. Спасибо тебе, Гесиона; но мой грипп теперь совершенно прошел.

И пусть этот дом будет домом разбитых сердец - для вас, мисс Дэн, и для этого господина из Сити, который так плохо владеет собой; а для меня это просто бестолковая и неряшливая вилла, даже без конюшни. Гектор. Где обитает... Элли. Старый, выживший из ума капитан и юная певица, которая преклоняется

перед ним. Миссис Хэшебай. И беспутная матрона, старающаяся скрыть второй подбородок и

расплывающиеся телеса и тщетно пытающаяся пленить прирожденного солдата свободы. Мадзини. Ну что вы, миссис Хэшебай!.. Менген. И еще член правительства его величества короля, награжденный здесь

званием болвана. Не забудьте о нем, леди Этеруорд. Леди Этеруорд. И весьма очаровательный джентльмен, основная профессия

которого - быть мужем моей сестры. Гектор. Целая серия идиотов с разбитыми сердцами. Мадзини. Ах нет! Я бы сказал, если вы разрешите, - весьма и весьма удачные образцы всего, что только есть лучшего в нашей английской культуре. Вы обаятельные люди, очень передовые, без всяких предрассудков, открытые, человечные, не считающиеся ни с какими условностями, демократы, свободомыслящие - словом, у вас все качества, которыми дорожит мыслящий человек. Миссис Хэшебай. Вы слишком превозносите нас, Мадзини. Мадзини. Нет, я не лщу, серьезно. Где бы я мог чувствовать себя так

непринужденно в пижаме? Я иногда вижу во сне, что я нахожусь в очень изысканном обществе и вдруг обнаруживаю, что на мне нет ничего, кроме пижамы. А иногда и пижамы нет. И я всякий раз чувствую, что я просто сгораю от стыда. А здесь я ничего этого не испытываю; мне кажется, что так и надо. Леди Этеруорд. Совершенно безошибочный признак того, что вы не

находитесь в действительно изысканном обществе, мистер Дэн. Если бы вы были у меня в доме, вы бы чувствовали себя очень неловко. Мадзини. Я приложу все старания, чтобы держаться подальше от вашего дома,

леди Этеруорд. Леди Этеруорд. Вот и неправильно, мистер Дэн. Я позаботилась бы о том. чтобы

вы чувствовали себя вполне удобно. И вам не пришлось бы ломать себе голову над тем, в каком халате вам надо появиться за обедом: в пурпурно-золотом или малиново-изумрудном. Делая такие нелепые вещи, вы усложняете жизнь, вместо того чтобы упрощать ее. Элли. В вашем доме сердца не разбиваются, не правда ли, леди Этеруорд? Гектор. Нет, она сама разбивает сердца в этом своем удобном доме. И тот

несчастный там наверху со своей флейтой воеет так же, когда она выворачивает ему сердце наизнанку, как воеет Менген, когда моя жена проделывает то же с ним. Леди Этеруорд. Это потому, что Рэнделу больше нечего делать, как позволять

разбивать себе сердце. Это для него такое же занятие, как мытье головы.

Поищите кого-нибудь, кто разбил бы сердце Гастингсу! Капитан Шотовер. Чурбан в конце концов оказывается в выигрыше. Леди Этеруорд. Я с величайшим удовольствием вернусь к моему чурбану, когда

мне до смерти надоест эта ваша компания умников. Менген (обиженно). Я и не думал выдавать себя за умника. Леди Этеруорд. Ах, я и забыла о вас, мистер Менген. Менген. Ну, я что-то этого не вижу. Леди Этеруорд. Вы, может быть, не очень умны, мистер Менген, но вы человек

преуспевающий. Менген. Но я совсем не хочу, чтобы на меня смотрели только как на преуспевающего человека. У меня тоже есть воображение, как и у всякого другого. Вот, например, сейчас у меня предчувствие... Миссис Хэшебай. Нет, вы просто невозможны, Альфред. Целый вечер я за вами

ухаживаю, а вы ни о чем другом не думаете, кроме вашего нелепого предчувствия. Вы мне прямо надоели с этим. Идемте. Вы мне будете читать стихи при свете звезд. (Тащит его в глубь сада в темноту.) Менген (плаксиво, из темноты). Вам хорошо потешаться надо мной. Но если бы

вы только знали... Гектор (досадливо). Чем все это кончится? Мадзини. Ничем не кончится, мистер Хэшебай. Жизнь - она ведь не кончается.

Она идет себе и идет. Элли. О, вечно так не может идти. Я всегда чего-то жду. Я не знаю, что это

такое, только жизнь должна ведь прийти к какой-то цели. Леди Этеруорд. Для молодой женщины вашего возраста - это ребенок. Гектор. Да, черт побери, но у меня тоже такое чувство. А я не могу родить

ребенка. Леди Этеруорд. Передав ваши полномочия, Гектор. Гектор. Да, есть у меня дети. Все это для меня уже позади. А все-таки я

чувствую, что так это не может продолжаться. Вот мы сидим здесь, болтаем и предоставляем все на свете Менгенам, случаю и сатане. Подумайте только на минуту о тех разрушительных силах, которые имеются у Менгена и у его восхищающейся друг другом шайки. Ведь это истинное сумасшествие! Все равно как дать в руки невоспитанному ребенку в качестве игрушки заряженную торпеду, пусть поиграет в землетрясение. Мадзини. Да, это верно. Я часто об этом думал, когда был молод. Гектор. Думать! Что толку об этом думать?! Почему вы ничего не сделали? Мадзини. Да нет, я делал. Я был в разных кружках, обществах, произносил

речи, статьи писал. То есть все, что было в моих силах. Но знаете ли, хоть люди в этих кружках и были уверены, что они знают больше, чем Менген, многие из них и не подумали бы сунуться туда, если бы они знали столько, сколько он знает. Видите ли, им никогда не приходилось иметь дело с деньгами или держать в повиновении людей. Каждый год я ждал революции или какого-нибудь ужасного взрыва: казалось просто невыносимым, что мы можем вечно вот так путаться и топтаться на месте. Но ничего не случилось. За исключением, конечно, обычных для нас явлений - нищеты, преступлений, пьянства, к чему все уж привыкли. И ни когда ничего не случается. Просто удивительно, если принять во внимание все обстоятельства, до чего мы мирно и гладко существуем... Леди Этеруорд. Может быть, кто-нибудь поумнее вас с мистером Менгеном все

время заботился об этом? Мадзини. Возможно. Хотя меня воспитали в неверии, у меня часто бывает такое

чувство, что в общем можно довольно много сказать в пользу теории о всемогущем провидении. Леди Этеруорд. Провидение! Я имела в виду Гастингса. Мадзини. Ах, простите, я вас не понял, леди Этеруорд. Капитан Шотовер. Всякий пьяный шкипер верит в провидение. Но один из

способов провидения обращаться с пьяными шкиперами - швырять их о скалы. Мадзини. Конечно, на море так оно и есть. Но в политике, уверяю вас, они просто садятся в лужу. Ничего не случается. Капитан Шотовер. На море с морем ничего не случается. И с небом ничего не

случается. Солнце восходит с востока и садится на западе. Месяц из серпа превращается в дуговую лампу и появляется все позже и позже, пока не утонет в солнечном свете, как все остальное тонет во мраке. После тайфуна летучие рыбы на солнце сверкают, точно птицы. Удивительно принимая во внимание все обстоятельства, - как они существуют. Ничего не случается, кроме пустяков, о которых и говорить-то не стоит. Элли. И что же это такое, о капитан, мой капитан? Капитан Шотовер (мрачно). Ничего. Кроме того, что корабль пьяного шкипера

разбивается о скалы, гнилые доски разлетаются в щепы, ржавые болты разъезжаются и команда идет ко всем чертям, как крысы в капкане. Элли. Мораль: не надо пить рома. Капитан Шотовер (запальчиво). Это ложь, дитя. Пусть человек за день выпьет

хоть десять бочек рома, он не пьяный шкипер, пока он ведет свой корабль. Пока он не сбивается с пути, стоит на мостике, держит руль он не пьяница. А вот человек, который лежит у себя на койке, доверившись провидению,- вот этого я называю пьяным шкипером, хоть он, может быть, ничего не пил, кроме воды из реки Иорданской. Элли. Замечательно! А все-таки вы за целый час не выпили ли капли. Вот

видите, ром вам вовсе и не нужен. Ваша душа жива. Капитан Шотовер. Это эхо. Только эхо. Последний выстрел прогремел много лет

тому назад. Гектор. А этот корабль, на котором мы все плывем? Эта темница душ, которую

мы зовем Англией? Капитан Шотовер. Капитан ее валяется у себя на койке и сосет прямо из

бутылки сточную воду. А команда дуется в кубрике в карты. Налетят, разобьются и потонут. Вы что думаете, законы господни отменены в пользу Англии только потому, что мы здесь родились? Гектор. Да не хочу я тонуть, как крыса в трюме. Я хочу жить. Но что я должен

делать? Капитан Шотовер. Что делать? Чего проще - изучить, в чем заключаются ваши обязанности настоящего англичанина. Гектор. А разрешите узнать, в чем заключаются мои обязанности англичанина? Капитан Шотовер. Навигация. Изучите ее и живите. Или пренебрегите ею и

будьте прокляты во веки веков. Элли. Тихонько, тихонько. Вы утомляетесь. Вам вредно. Мадзини. Когда-то я об этом думал, капитан. Но, уверяю вас, все равно ничего не случится.

Слышится отдаленный глухой взрыв.

Гектор (вскакивая). Что это такое? Капитан Шотовер. Что-то случилось. (Свистит в свисток.) Впереди опасность!

Берегись! Свет гаснет. Гектор (в бешенстве). Кто погасил свет? Кто смел погасить свет? Няня выбегает из дома на середину эспланады.

Няня. Я, сэр. Из полиции позвонили и сказали, что мы будем отвечать, если не погасим свет. Гектор. Его сейчас будет видно на сотни миль. (Бросается в дом.) Няня. Говорят, от дома приходского священника не осталось ничего, кроме груды кирпичей. Если мы его не приютим на ночь, ему негде будет голову приклонить. Капитан Шотовер. Церковь швырнуло на скалы, ее разнесет в щепы. Я говорил

ему, что так оно и случится, если она не будет держать курс в открытое море господне. Няня. А вам всем ведено идти в подвал. Капитан Шотовер. Ступай туда сама. Ты и вся команда. И прикройте люки. Няня. Чтобы я стала прятаться рядом с этим трусом, за которого я когда-то

вышла замуж?! Да я лучше на крышу полезу.

Свет снова вспыхивает.

Вон мистер Хэшебай опять зажег. Вор (бежит бегом, взывая к няне Гинес). Да где же эта песочная яма? Мне

мальчишка на кухне сказал, что там погреб есть. А от подвалов толку мало. Где песочная яма, где она, капитан? Няня. Иди вон туда, все прямо, мимо флагштока. Так прямо и уткнешься туда

даст бог, сломаешь там свою проклятую шею. (Презрительно толкает его в сторону, а сама идет к гамаку и становится у его изголовья, как когда-то она стояла у колыбели Ариадны.)

Доносится второй, еще более громкий взрыв. Вор останавливается и стоит, дрожа всем телом.

Элли (вставая). Это уже ближе. Капитан Шотовер. Следующий попадет к нам. (Встает.) Встать всем перед

судилищем. Вор. О господи боже мой! (В панике бежит мимо флагштока и исчезает в темноте.) Миссис Хэшебай (задыхаясь, появляется из темноты). Кто это тут пробежал? (Подходит к Элли.) Вы слышали взрывы? А этот звук в небе? Чудесно!

Точно настоящий оркестр! Бетховен. Элли. Вот правда, Гесиона, это Бетховен.

В неистовом восторге бросаются друг к другу в объятия.

Свет становится ярче.

Мадзини (в беспокойстве). Свет что-то уж очень яркий. Няня (смотрит на дом). Это мистер Хэшебай зажигает свет во всем доме и

срывает шторы. Рэндел (выбегает в пижаме, растерянно размахивая флейтой). Ариадна, душа

моя, радость моя! Идемте в подвал! Умоляю вас! Леди Этеруорд (совершенно невозмутимо лежа в гамаке). Жена резидента - в

подвале, с прислугой! Ну, Рэндел! Рэндел. А что ж мне делать, если вас убьют? Леди Этеруорд. Вас, вероятно, тоже убьют, Рэндел. А ну-ка покажите, что вы

не трусите, и поиграйте нам на флейте. Пожалуйста, сыграйте нам

"Пылайте, огни очагов". Няня (мрачно). Уж насчет того, чтобы пылало, они позаботятся, вон эти...

эти... Рэндел (пытается играть) У меня губы трясутся. Не могу ни звука сыграть.

Мадзини. Надеюсь, бедняга Менген цел и невредим? Миссис Хэшебай. Он спрятался в песочной яме. Капитан Шотовер. Мой динамит привлек его туда. Десница божья. Гектор (выходит из дома и большими шагами идет на прежнее место). Мало

света. Нам бы надо до небес пылать Элли (вся дрожа от возбуждения). Зажгите дом, Марк. Миссис Хэшебай. Мой дом? Ни за что! Гектор. Я, уж думал об этом. Да не поспеть теперь. Капитан Шотовер. Час суда настал. Мужество не спасет вас. Но оно покажет,

что души ваши еще живы. Миссис Хэшебай. Ш-шшш... Слушайте. Слышите, вот сейчас? Как это великолепно!

Все поворачиваются спиной к дому и прислушиваются глядя

вверх.

Гектор (внушительно). Мисс Дэн, вам совершенно не годится оставаться здесь.

Мы все из этого дома - мошки, летящие на огонь. А вам бы лучше в подвал пойти. Элли (презрительно). Не думаю. Мадзини. Элли, дорогая... Пойти в подвал, в этом же нет ничего

унизительного. Всякий офицер скомандовал бы своим солдатам: марш в укрытия! Мистер Хэшебай ведет себя здесь как любитель. Менген и вор поступили совершенно разумно. Вот они-то и уцелеют. Элли. Пусть уцелеют. Я буду вести себя как любитель. А вот ты зачем

подвергаешь себя опасности? Мадзини. Подумать только, какой опасности подвергают себя эти бедняги - там,

наверху. Няня. О них еще думать! Убийцы проклятые! Скажете тоже.

Страшный взрыв сотрясает землю. Они откидываются на

своих сиденьях, кое-кто хватается за ближайшую опору.

Слышно, как из окон со звоном вылетают разбитые стекла.

Мадзини. Никто не ранен? Гектор. Куда попало? Няня (со злорадством). Прямо в песочную яму. Своими глазами видела. Так ему

и надо. Сама видела. (Со злобным смехом бежит к песочной яме.) Гектор. Одним мужем стало меньше на свете. Капитан Шотовер. Тридцать фунтов первоклассного динамита - и попусту! Мадзини. Ах, бедный Менген! Гектор. Да что вы, бессмертный, что ли, что жалеете его? Теперь наша

очередь.

Все молча, в страшном напряжении, ждут. Гесиона и Элли крепко держат, друг друга за руки. Доносится отдаленный взрыв.

Миссис Хэшебай (выпуская руку Элли). Ах, они пролетели мимо! Леди Этеруорд. Опасность миновала. Рэндел, идите спать. Капитан Шотовер. Все по местам. Корабль невредим. (Садится и тут же

засыпает.) Элли (в отчаянии). Невредим! Гектор (с омерзением). Да. Невредим. И до чего же опять стало невыносимо

скучно. (Садится.) Мадзини (садясь). Как я, оказывается, ошибся, - ведь вот мы все уцелели, а

Менген и вор... Гектор. Два вора... Леди Этеруорд. ...два деловых человека. Мадзини. ...оба погибли. А бедному священнику придется, по-видимому, строить

себе новый дом. Миссис Хэшебай. Но какое замечательное ощущение! Я думаю, может быть, они

завтра опять прилетят. Элли (сияя в предвкушении этого). Ах, я тоже думаю!

Рэнделу удастся наконец изобразить на флейте "Пылайте, огни очагов".

КОММЕНТАРИИ

Послесловие к пьесе - А.С. Ромм

Примечания к пьесе - А.Н. Николукин

Примечания к предисловию - С.Л. Сухарев

ДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА

"Дом, где разбиваются сердца" - одна из лучших, наиболее поэтичных пьес Шоу. Он начал ее писать еще до начала войны, в 1913 г., наметив стержневой мотив - духовное разложение паразитических классов буржуазного общества. Завершив пьесу в 1917 г., драматург обнародовал ее только в 1919 г., обобщив результат своих многолетних размышлений о судьбах буржуазной собственнической цивилизации.

Премьера пьесы состоялась в американском театре "Гилд" 10 ноября 1920 г. В Лондоне пьеса была поставлена Д. В. Фейгеном 18 октября 1921 г. в театре "Корт" и не возобновлялась до 25 апреля 1932 г., когда она появилась на сцене Театра ее величества. Пьеса, по свидетельству С. Б. Пэрдома, была "воспринята зрителями с глубоким уважением и в дальнейшем всегда производила сильное впечатление на публику". [Purdom С. В. Harley Granville Barker. London, 1956, p. 265.] Рецензируя первую постановку драмы, "Тайме" отметила, что из всех пьес Шоу она более всего насыщена эмоциями, более всего пронизана "теми чувствами, которые испытывает обыкновенный, чувствующий человек".

В Советском Союзе пьеса шла на сцене Московского театра сатиры в 1962 г. В том же году ее поставил Латвийский художественный театр (Рига).

В творческой биографии Шоу пьеса занимает особое место. Ею открывается период деятельности драматурга, который обычно называют второй эпохой его творчества. Наступление этой эпохи было результатом великих мировых потрясений. Война 1914 г. и революционные события в России произвели переворот в сознании драматурга, они воочию продемонстрировали несостоятельность его надежд на исправление и оздоровление буржуазного мира и на возможность пробуждения его представителей. Отказываясь от своих реформаторских фабианских иллюзий. Шоу в предисловии к новой пьесе развивает мысль о неисправимой испорченности мира и человека. Это печальное состояние человечества драматург рассматривает как результат мировой войны. "Подвергая такому напряжению человеческую природу, - пишет он в том же предисловии, война губит лучшую ее часть, а худшую награждает дьявольской силой". Согласно утверждению драматурга, события 1914 г. помогли ему встать на точку зрения Шекспира, "сравнивавшего человека со злой обезьяной, и Свифта, изобразившего его в виде йеху, укором которому служат высокие добродетели лошади". В соответствии с таким углом зрения его новые пьесы, начиная с "Дома, где разбиваются сердца", стали пьесами не только об изжившей себя, обреченной буржуазной цивилизации, но и об обреченных, внутренне исчерпанных людях. Тема "суда истории", получившая значение центрального мотива в драмах "второй эпохи", впервые сформулирована здесь со всей полнотой. Все это повлекло за собой значительные сдвиги в

художественном методе драматурга.

Особую форму драматического выражения своей темы Шоу нашел с помощью драм Чехова. Творчество великого русского писателя стало одним из важнейших литературных факторов, толкнувших драматурга на путь известной трансформации собственной художественной системы. В годы, предшествующие первой мировой войне, чеховские драмы еще только начинали свою сценическую жизнь на подмостках английских театров. В Англии они были известны лишь небольшому кругу любителей "серьезной драмы" - жанра, который отнюдь не пользовался популярностью у широкой зрительской аудитории. Предвоенные и военные годы в истории английского театра были временем господства коммерческих театральных предприятий, наводнивших сцену продукцией всякого рода литературных посредственностей. Произведения больших драматургов, в первую очередь Бернарда Шоу, не могли выдержать конкуренцию с сентиментальными мелодрамами.

Буржуазные зрители, заметно охладевшие к Шоу уже за несколько лет до начала войны, прониклись к нему еще более острой неприязнью в связи с его антимилиитаристской позицией. Двери лондонских театров оказались закрытыми для его антивоенных пьес, и премьера "Дома, где разбиваются сердца" состоялась не в Англии, а в американском театре "Гилд". В обстановке травли и недоброжелательства, сложившейся вокруг Шоу, Чехов стал для него своего рода литературным знаменем, опорой в его борьбе с реакционерами от литературы и политики. Подчеркивая связь своей пьесы с традицией чеховского театра. Шоу назвал ее "фантазией в русском стиле на английские темы". "Под влиянием Чехова, - пояснял он, - я написал пьесу на ту же тему и назвал ее "Дом, где разбиваются сердца". Это не самая худшая из моих пьес, и, надеюсь, она будет принята моими русскими друзьями как знак безусловного преклонения перед одним из их величайших поэтов - драматургов". [Лит. газ., 1944, 15 июня.]

Русский драматург помог Шоу до конца раскрыть и сформулировать ту тему, которая выросла из глубинных основ его собственного творчества, - тему внутреннего кризиса буржуазного мира, полной исчерпанности его духовной и практической жизни. Придя к этой теме в логике своего внутреннего развития, английский драматург прочел драмы Чехова по - своему, сделав ударение на тех их сторонах, которые в наибольшей степени отвечали его собственным идейным настроениям. Если автор "Трех сестер" и "Дяди Вани" всей логикой образного развития своих драм показывает, что виновны не столько их персонажи, сколько "сложение обстоятельств, находящееся вне сферы воздействия данных людей", [Скафтымов А. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова. - В кн.: Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, с. 331.] то Шоу обвиняет главным образом "никчемных культурных бездельников, не занимающихся производительным трудом". По мнению Шоу, Чехов уже полностью утратил надежду на то, что эти очаровательные люди могут выкарабкаться, и именно поэтому-то, не стесняясь, подчеркивал их очарование и даже льстил им. В соответствии с такой трактовкой в прочтении Шоу драмы Чехова превратились в своего рода трагикомедии исторического возмездия, постигшего русскую интеллигенцию за совершенные ею преступления перед обществом и историей.

Его собственная пьеса давала этому мотиву чрезвычайно широкое выражение. Ее основной темой, как поясняет драматург, должна была стать трагедия "культурной праздной Европы перед войной". Преступление английской интеллигенции, согласно утверждению Шоу, заключалось в том, что, замкнувшись в своем тесном обособленном мирке, она предоставила всю область жизненной практики в распоряжение беспринципных хищников и невежественных дельцов. В результате произошел разрыв культуры и жизни. "Сила и культура оказались в разных помещениях". Рядом с домом разбитых сердец расположилось другое символическое здание - Зал для верховой езды, так называемый Манеж, и в руках его зоологически грубых обитателей сосредоточилась полнота государственной власти. "Варвары, - пишет Шоу, - не только буквально сидели в седле, но сидели они и на министерской скамье в палате общин, и некому было исправлять их невероятное невежество в области современной мысли и политической науки".

Такое положение вещей, согласно убеждению Шоу, и подготовило военную катастрофу, ответственность за которую драматург возлагает на оторвавшуюся от жизни интеллигенцию. При ее содействии Англия стала страной, чей герб с изображением святого Георгия, поражающего дракона, "следовало бы заменить изображением солдата, пронзающего копьем Архимеда". В разгуле варварства и в поругании культуры виновна "культурная, праздная Англия", и Шоу в своей пьесе вершит суд над нею. Основная тема пьесы - это тема исторического возмездия, постигшего буржуазную интеллигенцию. Но содержание драмы выходит за пределы этого замысла.

В пьесе воплотилась трагедия буржуазной цивилизации, вступившей в конфликт с логикой исторического развития. Широта этого конфликта определила формы его художественного воплощения. Драматургическая схема чеховских пьес в драме Шоу в соответствии с принципом парадокса оказалась перевернутой. Если у Чехова второе, символически - философское измерение пьесы образует ее подтекст, то у Шоу оно приобретает драматически зримый облик и не только существует на равных правах с реалистическим планом драмы, но и обнаруживает стремление к полновластному овладению сценой.

С этим связана подчеркнутая двойственность образной структуры пьесы. Каждый из ее образов, начиная с драматических характеров и кончая деталями сценической обстановки, как бы двоятся и поворачивается к зрителю то обыденно - житейской, то условно-символической стороной. Эта двойственность драматического рисунка свойственна прежде всего центральному образу пьесы образу дома-корабля, "дома, где разбиваются сердца". Выстроенное по модели корабля старым чудаком капитаном Шотовером, это странное причудливое здание ассоциируется и с английской песней о Британии как владычице морей ("Правь, Британия! Британия, правь над волнами"), и с легендой о корабле - призраке ("летучем голландце"), и, наконец, с Ноевым ковчегом, заселенным самыми различными экземплярами утопающего мира. Этот "странный душераздирающий дом", "дом без всяких основ" - символический образ буржуазной Англии, стоящей на грани великой исторической катастрофы. Под крышей этого символического здания собраны люди различного возраста, разных профессий, различных имущественных и общественных положений. Но кроме этих видимых персонажей, здесь как бы присутствует еще один, невидимый, чье незримое присутствие ощущается благодаря множеству образных деталей и томительно напряженной атмосфере пьесы. Этот персонаж может быть условно обозначен словом "судьба". Для Шоу это понятие лишено мистического содержания. Судьба для него - сила исторического возмездия. Встречаясь с "роком", персонажи пьесы, по сути дела, встречаются с враждебной им историей, на суд которой они несут свои обветшавшие духовные, культурные и моральные ценности. Демонстрация безнадежной мертвенности этого накопленного веками достояния составляет важнейшую сторону авторского замысла. Шоу показывает, как доживающий последние мгновения своей жизни собственнический мир тщетно пытается найти точку опоры среди арсенала привычных идей и чувств. Превратившиеся в пустые оболочки, традиционные формы духовной жизни буржуазного мира служат только масками, скрывающими духовную наготу его представителей. Перед лицом истории эти личины спадают и душевная нищета обанкротившихся сыновей и дочерей буржуазной Англии предстает во всей своей удручающей неприглядности. Этот процесс духовного "оголения" и составляет драматическую основу пьесы. Подводя итог деятельности нескольких поколений английской интеллигенции. Шоу приводит на суд истории своих персонажей, каждый из которых, обладая ярко выраженным индивидуальным характером, воплощает определенную тенденцию культурного и духовного развития Англии. Так, изящный джентльмен Гектор Хэшебай выступает в пьесе не только как романтик, но и как олицетворение романтизма (под которым Шоу, как всегда, понимает не литературное направление, а определенный тип восприятия действительности). Этот пылкий фантазер, как показывает Шоу, был всю жизнь последовательным и вдохновенным "рыцарем лжи". Всю жизнь он обманывал себя и других своими выдумками. Собственная реальная

жизнь не удовлетворяла его (а это пренебрежение к реальности для Шоу и есть главное "преступление" романтизма), и он придумывал себе другую, полную героических подвигов и чудесных приключений. Годы шли, и его пылкое воображение, растраченное на ложь, истощилось. Он перестал верить самому себе, не верят ему и другие. "Романтизм" превратился в немолодого джентльмена, уставшего от лжи, бывшего красавца, утратившего веру в свою неотразимость.

Но не меньше изжила себя и философия трезвого практицизма. Ее носитель - пожилой делец Менген - тоже весь состоит из лжи и подделок. Поддельна его энергия, его богатство, его деловитость. У него нет ни денег, ни практической сметки, ни деловых способностей, нет ничего за душой, кроме фальшивой репутации преуспевающего дельца, с помощью которой он умудряется кое - как держаться на поверхности жизни. Из всех обитателей дома - корабля он внушает Шоу наибольшую ненависть, ибо именно "из - за таких, как он, мир превратился в кормушку для свиней". Гость из Манежа, случайно очутившийся на борту корабля, Менген оказался самым беззащитным перед судом истории. Этот делец - марионетка, как и вся представляемая им система, прогнил изнутри и может держаться лишь благодаря искусственным подпоркам. Обнаружив, что они более не спасают его, он слабеет и теряется. Объятый предсмертной тоской, он мечется по сумеречному дому капитана Шотовера и вместе со своим братом по ремеслу профессиональным вором Дэном гибнет в пламени начинающегося пожара. Обнажая грабительскую сущность капитализма, эта символическая ситуация вместе с тем предрекает ему скорую и неминуемую гибель. Но и остальные обитатели дома-корабля обречены. Процесс распада буржуазной Англии коснулся и сферы самых интимных человеческих эмоций, превратив их в орудие смерти и разрушения. Ни нежность Гесионы, ни чувственное обаяние ее сестры леди Этеруорд не способны спасти гибнущий мир и вдохнуть в него живую душу. Любовь здесь превратилась в жестокую игру, и ей предается не только Ариадна, это воплощение колонизаторских рабовладельческих нравов империалистической Англии, но и кроткая женственная Гесиона. У этих немолодых очаровательниц уже все позади, и для них не существует завтрашнего дня. Но будущего нет и у "молодой Англии" - юной Элли Дэн, стоящей на самом пороге жизни. Ее иллюзии гибнут, соприкоснувшись с жестокой правдой жизни. Несостоятельными оказываются и ее романтическая влюбленность в высокопарного лжеца Гектора, и предполагавшийся брак по расчету с богатым дельцом Менгеном.

В истории Элли Дэн присутствует некоторый оттенок литературной пародии. В число изживших себя культурных ценностей буржуазного мира Шоу включает и примелькавшиеся литературные стандарты. Традиционная мелодраматическая ситуация - юная девушка, разочаровавшаяся в своем первом чувстве, выходит замуж за богатого старика - также отжила свой век, как и романтизм Гектора, и практицизм Менгена. Из всего, что завещано "юной Англии" предшествующими поколениями, наибольшей реальностью обладают лишь воспоминания о давно минувшем историческом прошлом, в котором Шоу, при всем своем скептическом отношении к нему, находит и некоторые здоровые начала. Они воплотились в образе престарелого капитана Шотовера, и именно поэтому девятнадцатилетняя Элли вступает в духовный брак с ним. Носитель героических традиций английской истории, капитан Шотовер выступает в роли обвинителя на этом своеобразном суде истории. Ее вчерашний день в его лице с презрением и гневом судит современность. Дряхлый моряк, живший когда - то деятельной и полной жизнью, стоявший на капитанском мостике во время тайфуна, бесстрашно направлявший свой корабль в гущу арктических льдов, равно чужд и поблекшему романтизму своих детей, и их убогому прозаическому практицизму. Но и он, этот обломок далекого прошлого, не может приостановить слишком далеко зашедший процесс распада цивилизации. Об этом свидетельствует само состояние его дома, где царит хаос и беспорядок, где все обветшало, прогнило и пришло в состояние негодности. Уже много лет здесь никто не заботится о чистоте и уюте, обитатели жилища давно махнули рукой на жизнь и кое - как коротают свой век, предоставив все на свете "Менгенам, случаю и сатане".

Дряхлому владельцу обреченного "корабля" - этой "темницы душ, которая зовется Англией", - уже не под силу плыть против течения. И он концентрирует остатки своей жизненной энергии для того, чтобы создать смертоносные орудия, способные стереть с лица земли выродившееся, умирающее общество. Эта символическая подробность деятельности Шотовера обобщает направление развития буржуазной цивилизации. Она исчерпала себя, и ей осталось только одно - саморазрушение. Ее творческая мысль в лице капитана Шотовера служит не жизни, а смерти.

Подсознательное и сознательное стремление к смерти живет и в разбитых сердцах персонажей драмы. Устав от жизни, они хотят умереть. Этим духовным состоянием буржуазного общества и подготовлена та оргия всеобщего разрушения, на которую намекает финал пьесы. Немецкий бомбардировщик роняет бомбу на склад динамита, расположенный поблизости от дома - корабля. Пламя вспыхнувшего пожара, несомненно, распространится и на весь старый мир, недаром уставшие от жизни обитатели дома мечтают о возвращении бомбардировщиков. На этой зловещей ноте, усиленной напевом сентиментальной песенки "Пылайте, огни очагов", завершается пьеса Шоу - эта своеобразная "отходная" буржуазному обществу.

В жестокой иронии Шоу есть и некоторый личный оттенок. Пьесой "Дом, где разбиваются сердца" он подводит итог не только многовековому развитию буржуазной цивилизации, но и своей собственной многолетней деятельности, направленной на улучшение господствующей социальной системы. Его мечты о ее оздоровлении и о создании "новых людей" в условиях глубочайшего распада существующего жизненного уклада обернулись наивной и беспомощной утопией. Отсюда то чувство лирической печали, которое пронизывает его драму, сообщая ей в сочетании с его обычной ядовитой иронией неповторимо своеобразное звучание.

Капуя - древний город в Кампании, в IV в. до н. э. получивший от Рима самоуправление. Жители Капуи славились пристрастием к роскоши. Здесь карфагенский полководец Ганнибал разбил свой зимний лагерь после победы над римлянами в сражении при Каннах (216 до н. э.). Длительное бездействие Ганнибала, якобы поддавшегося "чарам Капуи", вызвало недовольство. В переносном смысле Капуя - место безмятежной праздности.

"Зал для верховой езды" - ср. слова леди Этеруорд: "Поезжайте куда угодно в Англии, где живут нормальные, здоровые, довольные, настоящие, порядочные англичане, и вы увидите, что главный стержень всего дома - это конюшни..." (акт III).

...в садах Клингсора. - Поэт и волшебник Клингсор - персонаж музыкальной драмы Р. Вагнера "Парсифаль" (1877-1882), сюжетную основу которой составляют эпизоды средневековых германских легенд. Лишенный права вступления в общину св. Грааля, Клингсор воспылил ненавистью к рыцарям, которых заманивал в свой сад с помощью прекрасных дев и убивал,

Уэллс, Герберт Джордж (1866-1946) - английский писатель и публицист.

Беннет, Арнолд (1867-1931) - английский писатель

Голсуорси, Джон (1867-1933) - английский писатель и драматург

Блейк, Уильям (1757-1827) - английский поэт - романист и художник

Скотт Холдейн, Джон (1860-1936) - английский ученый - физиолог изобрел средства охраны труда в шахтах. Основные труды его посвящены проблеме дыхания.

Меридит, Джордж (1828-1909) - английский поэт и писатель - романист.

Харди, Томас (1840-1928) - английский писатель, высоко ценимый М. Горьким.

Бонд-стрит - одна из главных торговых улиц в деловой части Лондона.

предчувствиями м-ра Г. Дж. Уэллса. - Подразумевается трактат Г. Дж. Уэллса "Предвидения воздействия технического и научного прогресса на жизнь и мышление человечества" (1901). Эразм Роттердамский (1469-1536) - один из представителей европейского гуманизма эпохи Возрождения, филолог, писатель и богослов.

...во времена Карла Второго... - Карл II - английский король (царствовал в 1660-1685).

Кенсингтон-Гарденс - большой парк в Лондоне, примыкающий к Гайд-парку, заложен в 1728-1731 гг.

Кальвинизм - одно из протестантских вероучений, возникшее в XVI в. в Швейцарии и названное по имени его основателя Жана Кальвина (1509-1564).

...не говоря уж о Вагнере и тональных поэтах...- Термином "тональная поэзия", возникшим в конце прошлого века, обозначаются музыкальные произведения (преимущественно для симфонического оркестра), основанные на заимствованных из области поэзии темах и образах. К "тональным поэтам", развивавшим в новое время принципы программного симфонизма, относят, в частности, немецкого композитора Рихарда Штрауса (1864-1949), автора симфонических поэм "Дон Жуан", "Макбет", "Тиль Уленшпигель", "Дон Кихот" и др.

Ларошфуко, Франсуа де (1613-1680) - французский писатель-моралист.

Пер Гюнт - герой одноименной драматической поэмы Генрика Ибсена (1867).

Гиперестезия - повышенная, болезненная кожная чувствительность.

Жорес, Жан (1859-1914) - деятель французского и международного социалистического движения, активный борец против милитаризма. Убит накануне первой мировой войны французским шовинистом Р. Вилленом.

Клемансо, Жорж (1841-1929) - французский реакционный политический и государственный деятель, сторонник милитаризма.

Харди, Джеймс Кейр (1856-1915) - деятель рабочего движения Великобритании, реформист. В начале первой мировой войны занимал пацифистские позиции.

Ллойд Джордж, Дэвид (1863-1945) - английский государственный деятель, лидер либеральной партии. Выступал за ведение войны до поражения Германии.

Фукидид (ок. 460-400 до н. э.) - древнегреческий историк, автор "Истории Пелопоннесской войны".

...фигуру святого Георгия с драконом пора заменить на наших монетах фигурой солдата, пронзающего копьем Архимеда. - По церковной легенде, святой Георгий Победоносец, в феодальной Европе патрон рыцарства, одолел в поединке дракона - символ зла и мрака. Архимед (ок. 287-212 до н. э.) - выдающийся древнегреческий ученый - математик и механик, при взятии Сиракуз был убит римским солдатом.

Карманьола - французская революционная песня, сложенная восставшим народом в Париже в 1792 г.

Корробори - народный ритуальный танец аборигенов - австралийцев. "Так часты будут кровь и гибель..." - Шекспир. "Юлий Цезарь" (акт III, сц. I):

И кровь и гибель будут так привычны,

Ужасное таким обычным станет,

Что матери смотреть с улыбкой будут,

Как четвертует их детей война.

(Пер. Мих. Зенкевича)

Билл Сайке - персонаж романа Ч. Диккенса "Приключения Оливера Твиста" (1838), грабитель и убийца.

"Когда отцеживают комара и проглатывают верблюда..." - ср.: "Вожди слепые, отцеживающие комара, а верблюда поглощающие" (Евангелие от Матфея, XXIII, 24).

...весной 1915 года наши молодые солдаты подверглись страшной бойне в Нев - Шатель и при высадке в Галлиполи. - Невшатель - небольшой город во Франции, на реке Эна - местность, где происходили тяжелые бои союзнических сил с германской армией. Дарданелльская (Галлипольская) операция была предпринята в 1915 г. союзниками против Турции. Высадка англо - французского морского десанта в Галлиполи (Гелиболу - турецкий порт на берегу Дарданелльского пролива) после кровопролитных боев закончилась полной неудачей и способствовала вступлению Болгарии в войну на стороне Германии. "Лузитания" - пассажирский пароход, потопленный германской армией 7 мая 1915 г.

Скарборо - город на востоке Великобритании, на побережье Северного моря.

Ютландская битва. - 31 мая - 1 июня 1916 г. в Северном море, западнее Ютландского полуострова, на котором расположена Дания, развернулось морское сражение между главными силами германского и британского военно - морского флота. Несмотря на тяжелые потери с обеих сторон, сражение не привело к решающему перелому в ходе войны, однако затягивание военных действий вело к поражению Германии.

...понимаешь Шекспира, сравнивающего человека со злой обезьяной, Свифта, изображающего его в виде йэху...- Шекспир. "Мера за меру" (акт II, сц. 2):

Но гордый человек...

он перед небом

Кривляется, как злая обезьяна,

И так, что плачут ангелы над ним.

(Пер. Т. Щепкиной - Куперник)

В романе английского писателя - сатирика Джонатана Свифта (1667-1745) "Путешествия Гулливера" (1726) Гулливер попадает в страну гуингнмов благородных лошадей, которым противопоставлены омерзительные животные йэху, внешне похожие на людей.

Герцог Веллингтон, Артур Уэлсли (1769-1852) - английский полководец и государственный деятель. Командовал союзными армиями в сражении с Наполеоном при Ватерлоо (1815).

"Если б великие люди... гремел бы и гремел". - Шекспир, "Мера за меру" (акт II, сц. 2):

О, если б все имеющие власть

Громами управляли, как Юпитер,

Сам громовержец был бы оглушен,

Ведь каждый жалкий, маленький чиновник

Гремел бы в небесах,

И все гремел бы.

(Пер. Т. Щепкиной - Куперник)

Ипр - город в Бельгии, при взятии которого 12 июля 1915 г. германская армия применила горчичный газ, названный ипритом.

..."умереть не трудно"...- последние слова Манфреда из одноименной драмы Байрона (1817):

Старик! Поверь, смерть вовсе не страшна! (Пер. И. Бунина)

...царство Владыки Мира и Спокойствия... - ср.: "Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь Мира" (Библия, Исая, IX, 6).

В Доме Налагающего на нас блокаду, по Его словам, много помещений... ср.: "В доме Отца Моего обитателей много" (Евангелие от Иоанна, XIV, 2).

"Проклятие на оба ваши дома!" - Шекспир, "Ромео и Джульетта" (акт III, сц. 1).

...все присяжные заседатели Ярмарки Тщеславия...- аллегорический образ "Ярмарки Тщеславия" восходит к роману Дж. Беньяна "Путь паломника" (1684). Это выражение стало названием романа У. М. Теккерея, вышедшего в 1848 г.

Хейг, Дуглас (1861 - 1928) - британский фельдмаршал (1917), командовал британскими экспедиционными войсками во Франции.

Альбони, Мариетта (1826-1894) - итальянская певица, гастролировавшая по странам Европы.

"Флапперз" - англ. flapper (жарг.) - вертушка (о молодой девушке).

Барнвел, Джордж - герой пьесы Дж. Лилло "Лондонский купец" (1731).

Уиндем, Чарлз (1837-1919) - английский актер и режиссер, с 1876 г. руководил театром "Крайтирион".

"Розовые домино" - комедия - фарс английского драматурга Джеймса Олбери, впервые поставленная в театре "Крайтирион" актером-антрепренером Чарлзом Уиндэмом в 1877 г. и имевшая огромный успех у публики (спектакль выдержал 555 представлений).

Мюррей, Джордж Гилберт Эме (1866-1957) - английский ученый, переводчик, известен переводами греческих драматургов и трудами по греческой литературе.

Мэйсфилд, Джон (1878-1967) - английский поэт и драматург, автор ряда популярных в свое время пьес.

Хэнкин, Сент - Джон Эдуард Чарлз (1870-1909) - английский драматург, в творчестве которого тяга к реалистическим принципам изображения социальной действительности сочеталась с натурализмом.

Хаусмен, Лоренс (1867-1959) - английский писатель и художник. в 1904 г. в театре "Корт" поставлена его фантастическая пьеса "Прюнелла", написанная в соавторстве с Х. Гренвилл - Баркером.

Дринкуотер, Джон (1882-1937) - английский поэт, драматург и критик. Исполнял главную роль в своей исторической драме "Авраам Линкольн" (1919).

Вест-Энд - западная фешенебельная часть Лондона.

Жена Потифара - согласно Библии, жена египетского вельможи Потифара (Пентефрия) пыталась соблазнить проданного ее мужу в рабство Иосифа, а когда ей это не удалось, обвинила Иосифа в намерении обесчестить ее (Книга Бытия, XXXIX).

Реймский собор - один из самых замечательных памятников готической архитектуры (построен в XIII - XIV вв.), в котором по традиции короновались французские короли.

Адельфи - комплекс общественных и жилых зданий в Лондоне. построенный во второй половине XVIII в. братьями Адам.

Блонден-Данки (1824-1897) - французский акробат-канатоходец. В 1859-1861 гг. перед многочисленными зрителями демонстрировал свое искусство над Ниагарским водопадом, иногда держа на руках малолетнего сына.

Честертон, Гилберт Кит (1874-1936) - английский писатель, публицист.

Брие, Эжен (1858-1932) - французский драматург.

Американский президент, когда-то бывший историком... - Очевидно, Томас Вудро Вильсон (1856-1924), президент США от демократической партии в 1912-1921 гг.

...он повел свой народ, чтобы уничтожить милитаризм в Северне...Правительство Вильсона объявило войну Германии 6 апреля 1917 г

Северн - небольшой городок, расположенный на канале Марна-Рейн.

Апостольский Габсбург обрушился...- Династия Габсбургов несколько столетий правила Австрией, а с XVI в. также Чехией и Венгрией, где австрийские императоры титуловались королями. В данном случае речь идет о последнем монархе Австро - Венгрии Карле (1887-1922), который занял престол после смерти Франца Иосифа в 1916 г. и в ходе революции 1918г. был вынужден отречься от престола.

Высочайший Гогенцоллерн томится в Голландии...- Вильгельм II Гогенцоллерн (1859-1941) - германский император с 1888 г., свергнутый революцией 9 ноября 1918 г., бежал в Нидерланды.

Имперский Романов. - Имеется в виду Николай II (Николай Александрович Романов, 1868-1918), последний российский император (с 1894). В ходе событий Февральской революции в марте 1917 г. отрекся от престола, находился с семьей в ссылке сначала в Тобольске, затем в Екатеринбурге (ныне Свердловск). По постановлению Президиума Уральского областного совета был расстрелян.

...повелитель эллинов уравнился со своей челядью в Швейцарии...Здесь говорится о короле Греции Константине I (1868-1923), из династии Глюксбургов, правившем с 1913 г. Будучи супругом сестры германского кайзера Вильгельма II, выступил против участия Греции в войне на стороне Антанты и отрекся в 1917 г. от престола в пользу своего сына Александра. После смерти Александра в 1920 г. возвратился на греческий престол, однако народные волнения и восстание в армии вынудили его вторично отречься от престола в сентябре 1922 г. и эмигрировать в Италию. Очевидно, Шоу имеет в виду пребывание бывшего короля в Швейцарии в 1917-1920 гг. на правах рядового гражданина демократической республики.

...потомки Банко. - Макбету, убийце Банко, являются призраки восемь коронованных потомков Банко (Шекспир, "Макбет", акт IV сц. 1).

Солон (640/635 - ок. 559 до н. э.) - афинский политический деятель, законодатель и социальный реформатор, один из "семи мудрецов" древности.

Брунгильда - одна из главных героинь древнегерманского эпоса, положенного в основу тетралогии Рихарда Вагнера "Кольцо нибелунга" (1851-1874).

Седьмая степень самосозерцания - согласно буддийской религии, высшая степень человеческого совершенства.

Мадзини, Джузеппе (1805-1872) - вождь и идеолог революционного республиканско - демократического крыла итальянской буржуазии во время национально - освободительного движения в Италии; сыграл значительную роль в борьбе за создание единого итальянского национального государства.

Студенческий день - специальный день в Национальной галерее, когда начинающим художникам разрешается за плату в 6 пенсов копировать картины.

Махатма - в индусской мифологии мудрец, "божественный сверхчеловек".

...вроде Даниила во рву львином. - Согласно библейской легенде, Даниил был брошен по приказу царя Дария в ров со львами, но "чудо" спасло его от смерти.

Прямо как в "Тристане и Изольде". - Имеется в виду опера Вагнера "Тристан и Изольда" (1865).

Им алтарем был темный лес,

Венчал их ветер вольный.

(Шелли. "Розалинда и Елена")

...о капитан, мой капитан - этими словами начинается известное стихотворение американского поэта У. Уитмена (1819-1892) "О капитан, мой капитан" (1865), посвященное памяти президента США Линкольна.

Река Иорданская. - Воды реки Иордан считаются святыми, так как в ней, по евангельскому преданию, крестился Христос.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](http://TheLib.Ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)